

**Научно-методический
журнал**

**№ 3 (7)
(июль – сентябрь)
2011**

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА:

ФГБОУ ВПО «Мордовский
государственный
педагогический институт
имени М. Е. Евсевьева»

Издается с января
2010 года

Выходит
1 раз в квартал

Фактический адрес:

430007, Республика
Мордовия, г. Саранск,
ул. Студенческая, 11а,
каб. 310

Телефоны:

(834-2) 33-92-54
(834-2) 33-92-66

Факс:

(834-2) 33-92-67

E-mail:

humanities@mordgpi.ru

Сайт:

<http://www.mordgpi.ru>

Подписной индекс
в каталоге Агентства
«Роспечать» 78583

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. В. Кадакин (главный редактор) – кандидат
педагогических наук

Т. И. Шукшина (зам. главного редактора) – доктор
педагогических наук, профессор

В. И. Лаптун (отв. секретарь) – кандидат исторических
наук, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Ю. В. Варданян – доктор педагогических наук, профессор

А. А. Ветошкин – кандидат филологических наук, доцент

И. Г. Дудко – доктор юридических наук, профессор

А. М. Каторова – доктор педагогических наук, профессор

Е. А. Мартынова – доктор философских наук, профессор

А. В. Мартыненко – доктор исторических наук, профессор

С. И. Митина – доктор философских наук, профессор

О. Е. Осовский – доктор филологических наук, профессор

Н. В. Рябова – доктор педагогических наук, профессор

Т. В. Самсонова – кандидат педагогических наук

М. А. Якунчев – доктор педагогических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Арсентьев – доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Саранск)

М. В. Богуславский – доктор педагогических наук,
профессор, член-корреспондент РАО (Москва)

В. П. Гребенюк – доктор филологических наук (Москва)

Б. Ф. Кевбрин – доктор философских наук,
профессор, действительный член РАЕН (Саранск)

В. А. Нечаев – доктор технических наук, профессор
(Саранск)

А. С. Прутченков – доктор педагогических наук,
профессор (Москва)

В. А. Юрченков – доктор исторических наук, профессор
(Саранск)

*Журнал включен ВАК Минобразования и науки РФ
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук*

ISSN 2079-3499

© «Гуманитарные науки
и образование», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

Н. В. Вознесенская, В. И. СафоновИндивидуально-ориентированная организация учебного процесса
в информационно-образовательной среде вуза..... 6**А. А. Зубрилин**

Загадки в обучении информатике..... 9

С. В. Куликова

Воспитание национального самосознания россиянина как историко-педагогическая проблема..... 14

М. П. Миронова

Функции музыкальной коммуникации в культурно-образовательной среде педвуза..... 17

Е. А. ШмелеваФормирование инновационных компетенций студентов
в центре молодежных педагогических инициатив..... 21

ФИЛОСОФИЯ

Ю. В. Бурова

Личность в христианско-антропологической парадигме..... 27

В. И. Гасиев

Становление и функционирование системы высшего образования в России..... 30

Т. А. Жукова

Формирование социокультурных качеств личности в системе социокультурного образования..... 32

О. И. Немыкина

Стратегия устойчивого развития и виртуализация..... 34

Ю. В. Пустовойт

Рефлексия проблемы страха в гуманитаристике..... 38

Е. Н. Родина

Аксиологический статус творчества в инновационном обществе..... 42

Е. В. Рябова

Роль запретов (табу) в экологическом воспитании..... 45

А. В. Табакова

Современный мир и экологическое образование..... 48

Е. Н. Чекушкина

Формы существования обмана в социуме и социально-гуманитарное образование..... 50

Н. О. ШкердинаРеализация основных направлений политики христианизации
инородческого населения Среднего Поволжья в XVIII столетии..... 55**Ю. И. Щанкина**

Общие закономерности разработки социально-значимых тем в современной русской литературе... 57

ФИЛОЛОГИЯ

О. И. БирюковаНеканонические жанрообразования и жанровые вставки
как явление деканонизации в мордовском романе на этапе становления..... 60**Н. Л. Васильев**

К биографии поэта, критика, композитора Д. Ю. Струйского (Трилунного)..... 65

Л. П. Водясова

Частица как средство связи компонентов сложного синтаксического целого в мордовских языках... 70

Е. В. ГетманскаяФилологический учебник XVII века как фактор преемственности
между начальной и повышенной образовательной ступенью..... 73**Ф. М. Лельхова**

Глаголы плавания в хантыйском языке..... 78

Т. В. Уткина

Сопряженное изучение литератур в аспекте гуманитарных технологий..... 81

ИСТОРИЯ

Д. В. Буяров	
Рост сепаратистского движения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в 1990-е гг.	84
Г. А. Корнишина	
Обрядовая культура в системе функционирования мордовского этноса.....	86
В. В. Мирошкин	
«Бытовое» православие мордвы как элемент этнической идентичности в первой трети XX века...	90
С. А. Федин	
Из истории деятельности правоохранительных органов Нижнего Поволжья по противодействию хищениям хлеба во второй половине 1940-х годов.....	94

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ю. П. Князькин	
Теоретические и правовые основы ипотечного кредитования в Республике Мордовия.....	99
Л. А. Потапова	
Функции гражданского общества по предотвращению проявлений экстремизма в молодежной среде.....	102
Г. Б. Романовский	
Понятие и содержание права на охрану здоровья.....	104

ASPIRANS

(рубрика молодых исследователей)

С. А. Байкова	
Проблема типологии повествований в отечественном литературоведении XX столетия.....	108
И. В. Бурносова	
Проблематика природных мотивов на начальном этапе эволюции мордовской лирики.....	111
Е. Н. Ефремов	
Поликультурное социально-гуманитарное образование в контексте православно-мусульманского межкультурного диалога (по материалам Республики Мордовия)....	115
С. М. Иванов	
Общая характеристика конституционного права на судебную защиту в административных правоотношениях.....	118
О. С. Кирдяшова	
Целесообразность применения системно-целостного анализа при изучении произведений писателей-постмодернистов в школе.....	121
О. В. Курсанова	
Справедливость и право в творчестве И. А. Ильина.....	126
Р. Г. Костина	
Любовь как константа социальной ответственности личности.....	129
О. В. Русалеева	
Модель формирования информационно-коммуникативной компетентности студента педагогического вуза через работу на телестудии.....	132
Ж. А. Шукшина	
Свобода права наследования: уроки истории.....	136

РЕЦЕНЗИИ, ИНФОРМАЦИЯ, МНЕНИЯ

С. С. Еремина	
Всероссийский молодежный форум «Молодежь против терроризма, экстремизма и ксенофобии»	139
В. П. Киржаева	
О Виталии Михайловиче Маркове, ученом и педагоге (1927–2010).....	140
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	143
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ	146

CONTENTS

PEDAGOGY**N. V. Voznesenskaya, V. I. Safonov**The Individually-Focused Organization of Educational Process
in the Informational and Educational Environment of Higher School..... 6**A. A. Zubrilin**

Riddles in Computer Science Teaching..... 9

S. V. Kulikova

Upbringing of National Identity of Russian as Historical and Educational Problem..... 14

M. P. MironovaFunctions of Musical Communication in Cultural and Educational Environment
of Higher Pedagogic Educational Institutions..... 17**E. A. Shmeleva**

Formation of Innovative Competences of Students in the Center of Youth Pedagogic Initiatives..... 21

PHILOSOPHY**J. V. Burova**

Personality in Christian and Anthropological Paradigm..... 27

V. I. Gasiev

Formation and Functioning of the System of Higher Education in Russia..... 30

T. A. Zhukova

Formation of Sociocultural Qualities of Personality in the System of Sociocultural Education..... 32

O. I. Nemykina

Strategy of the Sustainable Development and Virtualization..... 34

Y. V. Pustovoit

Reflexion of Fear Problem in the Humanities..... 38

E. N. Rodina

Axiological Status of Creativity in Innovative Society..... 42

E. V. Ryabova

The Role of Prohibition (Taboo) in Ecological Education..... 45

A. V. Tabakova

Modern World and Ecological Education..... 48

E. N. Chekushkina

Forms of Existence of Deception in Society and Social and Humanitarian Education..... 50

N. O. ShkerdinaImplementation of Main Directions of Policy of Christianization
of the Non-Russian Population of the Middle Volga Region in the XVIII Century..... 55**Y. I. Shchankina**

General Regularities of Working Out of Socially Significant Topics in Modern Russian Literature..... 57

PHILOLOGY**O. I. Birukova**Noncanonical Genres and Genre Inserts as Phenomenon of Decanonization
in the Mordovian Novel at Formative Stage..... 60**N. L. Vasiliev**

Biography of a Poet, Musical Critic, Composer D. Struisky (Trilunnyi)..... 65

L. P. Vodyasova

The Particle as a Means of Components Cohesion in the Complex Syntactic Unity in the Mordvin Languages... 70

E. V. GetmanskayaPhilological Textbook of the XVII Century as the Factor of Continuity
between the Elementary and Advanced Educational Stages..... 73**F. M. Lelhova**

Verbs of Swimming in the Khanty Language..... 78

T. V. Utkina

Combined Literature Study in the Aspect of Humanitarian Technologies..... 81

HISTORY

D. V. Buyarov

Growth of Separatist Movements in Xinjiang-Uygur Autonomous Region in the 1990s..... 84

G. A. Kornishina

Ritual Culture in the System of Functioning of the Mordovian Ethnos..... 86

V. V. Miroshkin

“Domestic” Orthodoxy as an Element of the Mordva Ethnic Identity
in the First Third of the XX Century..... 90

S. A. Fedin

From the History of Activity of Law Enforcement
of the Lower Volga Countering Theft of Bread in the Second Half of the 1940s..... 94

JURISPRUDENCE

Y. P. Knyazkin

Theoretical and Legal Bases of Hypothecary Crediting in the Republic of Mordovia..... 99

L. A. Potapova

Functions of Civil Society for the Prevention of Extremism in Youth Environment..... 102

G. B. Romanovsky

Concept and Contents of the Right to Health..... 104

ASPIRANS

(topic of young researchers)

S. A. Baikova

Problem of Narration Typology in Native Literary Criticism of the XX Century..... 108

I. V. Burnosova

Problems of Natural Motif in Early Stages of Evolution of the Mordovian Lyrics..... 111

E. N. Efremov

Social and Humanitarian Multicultural Education in the Context
of the Orthodox-Muslim Intercultural Dialogue (based on materials of the Republic of Mordovia)..... 115

S. M. Ivanov

General Characteristics of Constitutional Right
to a Court Protection in Administrative Legal Relations..... 118

O. S. Kirdyashova

Reasonability of System-Integral Analysis in Study of Postmodernist Writers at School..... 121

O. V. Kirsanova

Justice and Law in Ilyin’s Work..... 126

R. G. Kostina

Love as the Constant of a Socially Responsible Person..... 129

O. V. Rusaleeva

Model of Formation of Information-Communicative Competence of the Student
of Pedagogic Higher School through Work in Television Studio..... 132

Z. A. Shukshina

Freedom of Inheritance Rights: Lessons of History..... 136

REVIEWS, INFO, VIEWS

S. S. Eremina

The All-Russia Youth Forum «Youth against Terrorism, Extremism and Xenophobia»..... 139

V. P. Kirzhaeva

Vitaly Markov, the Scholar and the Teacher (1927–2010)..... 140

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS..... 143

SUBMISSION GUIDELINES..... 146

ПЕДАГОГИКАУДК 004 : 378
ББК 73**Н. В. Вознесенская, В. И. Сафонов**
*N. V. Voznesenskaya, V. I. Safonov***ИНДИВИДУАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА
В ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА*****THE INDIVIDUALLY-FOCUSED ORGANIZATION OF EDUCATIONAL PROCESS
IN THE INFORMATIONAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF HIGHER SCHOOL**

В статье сравниваются два вида организации учебного процесса: синхронный и асинхронный. Показан ряд их преимуществ и недостатков в плане реализации требований Федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения. Рассмотрена роль информационно-образовательных сред в реализации индивидуально-ориентированной организации учебного процесса.

Ключевые слова: учебный процесс, стандарт, информационно-образовательная среда.

In the article two kinds of the organization of educational process are compared: synchronous and asynchronous. A number of their advantages and disadvantages in the realization of requirements of Federal state educational standards of new generation is shown. The role of informational and educational environments in realization of the individually-focused organization of educational process is considered.

Key words: educational process, standard, the informational and educational environment.

В мировой образовательной системе значительное внимание уделяется новым формам организации учебного процесса. Среди них наиболее известной и успешно практикуемой признана асинхронная индивидуально-ориентированная организация учебного процесса. В настоящее время при синхронном поточно-групповом обучении формируются устойчивые (на весь срок обучения) студенческие учебные группы, занимающиеся по единой образовательной программе, общему учебному плану и общему расписанию учебных занятий, т. е. объектом планирования образовательной деятельности является студенческая группа.

При переходе на асинхронную организацию обучения принципиальные изменения связаны не только с введением новой меры объемов дисциплин — кредитов, а с составлением индивидуальных учебных планов студентов. Такая организация не является характерной для российских вузов, однако именно она позволяет существенно модернизировать и оптимизировать учебный процесс и уже достаточно долго и успешно применяется в мировой образовательной практике. При этом возникает необходимость коренной переработки информационно-

программного обеспечения в сфере планирования, организации и управления учебным процессом, а именно внедрение и применение информационно-образовательных сред. Возможно, именно здесь кроются проблемы, связанные с невысокой востребованностью и эффективностью применения подобных сред при синхронной организации учебного процесса.

Под *информационно-образовательной средой* в настоящее время понимается комплекс информационных образовательных ресурсов с необходимым методическим, технологическим и техническим обеспечением, реализующий на современном уровне функции не только обучения, но и управления процессом образования и его качеством. Основная цель информационно-образовательной среды выражается в предоставлении всем участникам учебного процесса возможности удаленного интерактивного доступа ко всем образовательным ресурсам учебного заведения и к управлению учебным процессом. При этом удаленный доступ подразумевает доступность информации в любом месте и в любое время. К образовательным ресурсам относятся учебная, методическая, справочная, нормативная, организационная и другая информация, необходимая для эффективной организации и прохождения всего образовательного процесса (интерактивные электронные учебные курсы, тренажеры, тесты, видеокурсы лекций и т. д.).

* Работа проводилась при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 11-06-00978а «Теоретико-методологические основы и технология проектирования информационного пространства вуза».

Однако наличие только информационно-образовательной среды не позволит реализовать в полной мере индивидуально-ориентированную организацию учебного процесса. Для этого необходимы коренные изменения, направленные на отказ от синхронной формы организации учебного процесса в пользу асинхронной. Особенно это важно в связи с переходом вузов на двухуровневую систему подготовки специалистов, основные требования к которой заложены в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) третьего поколения.

На данный момент российскими вузами проделана большая работа по переходу к стандартам нового поколения. Разработаны основные образовательные программы (ООП), учитывающие практически все требования стандартов. Однако одно из требований не нашло явного отражения в проделанной работе. В ФГОС высшего профессионального образования третьего поколения (<http://mon.gov.ru/dok/fgos/>) в раздел «Требования к условиям реализации основных образовательных программ бакалавриата» включено следующее требование: *«7.11. Вуз обязан обеспечить обучающимся реальную возможность участвовать в формировании своей программы обучения, включая возможную разработку индивидуальных образовательных программ»*. Данное требование не может быть в полной мере реализовано в рамках традиционной синхронной организации учебного процесса, что и проявляется на практике при составлении вузами ООП. На данное несоответствие, характерное для всех вузов России, указывает Б. А. Сазонов в статье [2]. В ней рассматривается опыт организации индивидуально-ориентированного обучения в вузах США, в частности в Гарвардском университете, и предлагаются пути адаптации этой системы в вузах России. Существующую организацию учебного процесса автор статьи определяет как «индикатор серьезного технологического отставания российских университетов на фоне развития мирового высшего образования» [Там же, с. 13].

При индивидуально-ориентированной организации учебного процесса объектом планирования выступает уже студент. Студенты, согласно мировому опыту индивидуально-ориентированной организации учебного процесса, формируют индивидуальную траекторию обучения по следующим критериям:

- выбор дисциплин (модулей) для изучения в семестре, выбор последовательности изучения дисциплин на протяжении всего срока обучения;
- выбор преподавателей;

- выбор времени посещения занятий.

При этом отказа от групповой формы обучения не происходит, но понятие учебной группы трактуется по-иному:

- группа формируется для изучения каждой отдельной дисциплины на семестр;
- численность группы определяется востребованностью дисциплины и преподавателя, аудиторным фондом;
- в состав группы могут входить студенты разных лет обучения, одного направления, разных профилей подготовки;
- при составлении расписания группа перестает быть атрибутом, а расписание составляется по модулю и преподавателю.

Надо понимать, что выбор бакалаврами учебных модулей для изучения в семестре, выбор преподавателей и времени посещения занятий без каких-либо ограничений невозможен. Если убрать традиционно негативную окраску слова «ограничение», то окажется, что ограничения на самом деле позитивны, так как именно они становятся «точками опоры» для рычага управления учебным процессом. Поэтому для организации индивидуально-ориентированного учебного процесса необходимо найти эти ограничения и согласовать с ними работу всех структурных подразделений. Ограничения в первую очередь связаны с существующей нормативной документацией и финансированием, ориентированных на устойчивые – на весь срок обучения – студенческие учебные группы и учебные планы.

Согласно мировой практике, в настоящее время происходит переход вузов от традиционных дисциплинарных учебных планов к модульным. В модульный учебный план входят не дисциплины, изучаемые в течение нескольких последовательных семестров, а отдельные модули, срок изучения которых составляет один семестр. Именно это позволяет реализовать индивидуально-ориентированную организацию учебного процесса по модели, состоящей из компонентов:

- «нулевые» модули, предусматривающие подготовку к освоению ООП;
- базовые дисциплины ФГОС;
- обязательные вариативные модули;
- вариативные модули.

На первых курсах бакалавриата у студента формируются фундаментальные основы, а потом предоставляется возможность выбрать направление углубленной подготовки. Эта можно реализовать путем использования в учебном плане такой конструкции, как *область концентрации* (табл. 1).

Таблица 1
**Модель типового учебного плана
при индивидуально-ориентированной
организации учебного процесса**

Семестр		1	2	3	4	...
Нулевые модули (НМ)		НМ1 НМ2				
Базовые дисциплины ФГОС (БД)		БД1 БД2 ...	БД3 БД4 ...	БД5 БД6 ...	...	
Обязательные вариативные модули (ОВМ)			ОВМ1 ОВМ2	...		
Вариативные модули (ВМ)	Область концентрации 1			Предшествует ОВМ Модули, расширяющие набор и повышающие уровень компетенций ОВМ: ВМ1.1 ВМ1.2 ВМ1.3 ...		
	Область концентрации 2			Предшествует ОВМ Модули, расширяющие набор и повышающие уровень компетенций ОВМ: ВМ2.1 ВМ2.2 ВМ2.3 ...		
	Область концентрации 3			...	...	...
	...					

Если сравнивать такую форму учебных планов и организации учебного процесса с существующими планами, в которых присутствует только несколько курсов по выбору, то коэффициент элективности здесь выше. Модули областей концентрации могут меняться по количеству и содержанию в течение всего срока обучения и тем самым ООП будет отвечать современным тенденциям науки и практики. Это особенно актуально для профилей с сильно диверсифицированной областью знаний. Тем более, что новые ФГОС позволяют это реализовать, так как объемные показатели указаны лишь по циклам дисциплин, а вместо требований к содержанию подготовки в стандарт включены требования к результатам.

Определение областей концентрации по кафедрам позволит отойти от формирования документации по отдельным дисциплинам и перейти к информационным узлам областей концентрации дисциплин, объединенных компетенциями [1]. Сама среда при этом позволяет вносить

изменения в образовательный контент, что, наряду с возможностью обновлять содержание и перечень модулей каждый семестр, позволяет оперативно реагировать на происходящие в изучаемой сфере изменения, повышая тем самым качество и актуальность подготовки обучаемых.

Для индивидуально-ориентированной организации учебного процесса в рамках конкретной дисциплины возможен сценарий, когда разные преподаватели предлагают разное содержание дисциплины, направленное на формирование установленного кафедрой набора компетенций (в соответствии с блоками дисциплин ФГОС), но разного уровня (пороговый или повышенный) с возможностью включения преподавателем дополнительных компетенций (в соответствии с блоками дисциплин ФГОС). При таком построении дисциплины раскрывается смысл понятия «уровень компетенции» и определяется практическая значимость паспорта компетенции. Индивидуальная траектория обучения студента формируется уже не только по наборам вариативных модулей из областей концентрации, но и по рабочим программам конкретной дисциплины (например, дисциплины базового блока). Студенту предоставляется возможность выбора рабочей программы дисциплины со всеми ее компонентами (содержанием, связанного с ним набором и уровней формирования компетенции, привлеченными специалистами, интерактивными формами и т. д.). Выбирая программу, студент осуществляет и выбор преподавателя.

При этом с помощью информационно-образовательной среды вуза преподаватели могут заявить свои курсы; подробно изложить их содержание и поддерживать их актуальность; показать их значимость для будущей профессии обучаемого; представить портфолио с указанием своих достижений и имеющегося опыта; сведения о привлеченных к преподаванию специалистов. Обучаемые в свою очередь с помощью данной среды могут ознакомиться с предложениями преподавателей и их портфолио; записаться на выбранные курсы; определиться с удобным временем посещения занятий.

Таким образом, модель индивидуально-ориентированной организации учебного процесса, состоящая из рассмотренных четырех компонентов модульных учебных планов («нулевые» модули; базовые дисциплины ФГОС; обязательные вариативные модули; вариативные модули по областям концентрации) определяет:

- технологию формирования типового учебного плана;
- индивидуальную траекторию обучения студента;

– особенности формирования нагрузки преподавателя.

Типовой учебный план складывается из фиксированного набора дисциплин (для первых курсов) с указанием семестра изучения и вариативного набора модулей без ограничений, который не формируется на весь срок обучения. Сводится к минимуму субъективность мнения разработчиков ООП при включении вариативных дисциплин в учебные планы.

Индивидуальная траектория обучения студента определяется наборами вариативных модулей. При этом студент, интересующийся небольшим числом областей концентрации, имеет возможность не тратить учебные часы на изучение модулей других областей. Так происходит в США, где в ведущих вузах требуют от студента выбора главного предмета на первых курсах обучения. Но при этом у других студентов, не определившихся с предпочтениями, имеется возможность выбора модулей из любых областей концентрации.

В завершение отметим, что рассмотренная в данной статье индивидуально-ориентированная

организация учебного процесса зарекомендовала себя в мировой образовательной практике как жизнеспособное и высокоэффективное явление. Но, как было показано выше, для перехода к ней требуются существенные изменения, затрагивающие самую суть традиционной организации учебного процесса. Применение информационно-образовательных сред в качестве платформы для индивидуально-ориентированной организации учебного процесса позволит упростить реализацию этих изменений и реализовать требования времени, выражаемые требованиями ФГОС, в полной мере.

Список использованных источников

1. Дубова, М. В. Компетентность и компетенция как педагогические категории: определение, структура, классификация / М. В. Дубова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 2. – С. 17–22.
2. Сазонов, Б. А. Индивидуально-ориентированная организация учебного процесса как условие модернизации высшего образования / Б. А. Сазонов // Высшее образование в России. – 2011. – № 4. – С. 10–24.

Поступила 27.07.2011 г.

УДК 004
ББК 73

А. А. Зубрилин
A. A. Zubrilin

ЗАГАДКИ В ОБУЧЕНИИ ИНФОРМАТИКЕ*

RIDDLES IN COMPUTER SCIENCE TEACHING

В статье рассматривается способ использования в обучении загадок в качестве средства мотивации деятельности обучаемых и овладения ими предметным содержанием в области «Информатика». Указывается специфика загадок, выделяются принципы, которых нужно придерживаться при организации учебного процесса с применением загадок. Приводятся примеры к конкретным содержательным линиям информатики, изучаемым в школе.

Ключевые слова: обучение, игровая деятельность, загадки, информатика, методика, принципы.

The article discusses how to use riddles as a means of motivating students and mastery of subject matter in the field of 'Computer Science'. It specifies the training riddles and highlights the principles that should be followed in organizing the educational process with the use of riddles. The examples of specific substantive lines of computer science taught in secondary school are given.

Key words: teaching, gaming activities, riddles, computer science, methods, principles.

* Работа проводилась при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 11-06-00979а «Исследование занимательности как дидактической категории и компонента процесса обучения».

Компонентом устного народного творчества, наиболее часто применяемым в обучении, особенно на его начальной стадии (например, в дошкольных учреждениях или младших классах образовательных учреждений), являются загадки. Подобная возрастная направленность обусловлена психологическими особенностями 5–10-летних детей: во-первых, ими накапливаются сведения об окружающих, преимущественно визуально доступных объектах; во-вторых, происходит переход от наглядно-образного к словесно-логическому мышлению; в-третьих, в объектах выделяются внешние, бросающиеся в глаза свойства, по которым объект в дальнейшем отделяется от массы других объектов; в-четвертых, свойства изучаемого объекта сопоставляются с теми свойствами других объектов, о которых уже сформировался образ на основе жизненного опыта. Специфика загадок в том и заключается, что при описании в них загадываемого объекта делается акцент на свойства уже знакомых ребенку объектов, выражаемые через иносказательное¹ поэтическое описание с выделением совокупности признаков, представленных в аллегоричной форме², а в загадках фигурируют те объекты, с которыми дети наиболее часто сталкиваются в жизни, – это предметы домашнего обихода или явления природного характера.

Нешаблонность в решении загадок делает их привлекательным средством познания на ранней ступени обучения, позволяя параллельно развивать логическое и образное мышление, пространственное воображение, наблюдательность, стремление к размышлению, видению действительности в ином свете, переключать произвольное внимание к произвольному с акцентом на ключевые признаки объектов, вырабатывать творческий подход к решению прикладных задач. Перечисленное в своей совокупности делает обучение интересным, увлекательным, непринужденным, приводит к усвоению материала играючи. Не случайно мы относим загадки к одной из разновидностей игр [См.: 13].

Но временные рамки использования загадок в обучении коротки: если в 1–3 классах они часты и встречаются на уроках различных учебных дисциплин [См., например, 5], то к окончанию начальной школы загадки – редкий гость на уроках, а с 8 класса им места в учебное время не находится и они преимущественно являются предметом дополнительной образовательной деятельности по узкому набору учебных дисциплин. Так, в овладении содержанием физики [12]

загадки служат для мотивации изучения физических явлений, а в математике [6], выполняя ту же функцию мотивации, сводятся к оперированию числительными³. Ответы «математических» загадок, как правило, – это те же явления природы или предметы домашнего обихода. То есть к овладению математическим содержанием они относятся косвенно. Правильно ли обрисованное положение дел? На наш взгляд, нет. Обучающие возможности загадок существенно шире, в их содержание без труда вписываются понятия соответствующих предметных областей, а применять их возможно для всех возрастных групп обучаемых. В настоящей статье мы попытаемся обосновать данное утверждение, показать место загадок в овладении содержанием школьного курса информатики, отметить принципы, которых следует придерживаться при использовании загадок в учебном процессе, а также выделить проблемы, связанные с включением загадок в обучение данной дисциплине, указав возможные пути их решения.

Немного о терминологии. Загадку можно трактовать в узком и широком смыслах. Широкое понимание загадки представлено, например, С. И. Ожеговым и Н. Ю. Шведовой: «Загадка – изображение или выражение, нуждающееся в разгадке» [7, с. 196], то есть нечто, обозначающее тайну или что-то непонятное. Как результат, многие нестандартные средства описываются именно через загадку⁴, хотя загадки сами иногда входят в состав других нестандартных средств – вопросов к кроссвордам или криптограммам, литературных схем, апорий и др.

Для обучения характерно узкое понимание загадки, хотя и его устоявшегося определения, по-видимому, не существует, а большинство встретившихся нам определений связано с утверждением, что загадка есть «один из видов народного творчества. В загадках слово, определяющее предмет или явление, которое нужно отгадать, никаким изменениям не подвергается. Его можно с чем-то сравнить, можно приводить различные признаки, облегчающие отгадывание, но само слово, его смысл, его значение должны оставаться неизменными. Загадка дает в скрытой форме ряд признаков предмета, служащих ориентиром для его отгадывания» [8, с. 127].

Энциклопедические словари предлагают следующее определение: загадка – жанр народно-

¹ Иносказание – выражение, заключающее в себе скрытый смысл, употребляется как литературный прием [10, с. 579].

² Аллегория – изображение отвлеченной идеи (понятия) посредством образа [10, с. 44].

³ Например, автор книги [6] в большинстве случаев приводит загадки типа: У кого одна нога, да и та без башмака? Несколько иной подход представлен Н. А. Травиной [11].

⁴ См., например, анализ понятия «ребус» в нашей работе: Зубрилин А. А. Занимательные задачи и ребусы по информатике // Информатика в школе. 2007. № 3. С. 5–6.

поэтического творчества; иносказательное поэтическое описание какого-либо предмета или явления, испытывающее сообразительность отгадывающего [9, с. 521; 10, с. 449].

В данном определении указывается социальная принадлежность загадки, способ описания в ней объекта и направленность загадки как средства познания действительности. Этот подход мы связываем с первоначальным назначением загадок как средства иносказательного повествования, в котором в назидательной форме интегрируется многовековая жизненная мудрость. Считалось, что решение загадок невозможно с помощью рациональной логики. По словам Й. Хейзинги, соперничество в разгадывании загадок порождает мудрость, а разгадка хорошей загадки кроется в неожиданной и точной ассоциации, в «коротком замыкании» ума [13].

Согласно определению в [1], загадка – это метафорическое выражение, в котором один предмет изображается через посредство другого, имеющего с ним хотя бы отдаленное сходство.

Это определение также выделяет способ описания в загадке искомого объекта и специфику такого описания.

Следуя современным веяниям, а именно доминированию модельного подхода к объектам действительности, мы предлагаем иное определение: загадка – это образная модель объекта, описываемая в аллегоричной форме совокупностью признаков, принадлежащим другим объектам. При таком подходе загадки теряют один из своих признаков, а именно причастность к народному фольклору, что, правда, не «размывает» их смыслового поля, делая в то же время определение загадок более динамичным. Загадка становится реальным средством, посредством которого обучаемые оперируют моделями изучаемых объектов, выделяют ключевые признаки объектов, представленных необычным образом, то есть работают со специфическим способом кодирования информации.

Подводя итог анализу определений загадки, можно заключить, что в загадке объект описывается совокупностью признаков, свойственных как ему, так и, обычно по ассоциации, некоторым другим объектам, совершенно не связанным с исходным объектом. Приведем примеры из такой области научного знания, в которой автор статьи работает около 15 лет, как методика обучения информатике. Например, матричный принтер обладает печатающими иглами, иглы есть у ежика, кактуса и некоторых других объектов. Именно этот признак можно взять за основу. Для однозначного ответа необходим как минимум еще один дополнительный уточняющий признак.

Если выбрать материальный носитель, с которым работает матричный принтер, получается следующий вариант загадки:

У него иглы есть,
Может он бумагу съесть.

Если взять за основу принцип печати, загадка видоизменяется:

У него иглы есть,
Выпусть их – и можешь текст
прочесть.

Загадка может приобрести и другой вид:

Иголочки-уколки он резко
выпускает,
Текст, рисунки ими набирает.

Здесь добавлен еще один признак – «резко», то есть дано указание на скорость работы устройства. Как видно из примеров, степень аллегоричности существенно варьируется.

Представление загадок в стихотворной форме, а именно рифмирование ключевых слов-признаков, приводит к ярким ассоциативным связям, позволяя школьникам более прочно запоминать функциональное назначение изучаемых объектов, присущие им свойства, внешний вид и т. д.

Основная методическая задача учителя при подборе загадок – выделить ключевые признаки объекта, которые предстоит изучить на уроке, а при самостоятельной разработке загадок к тому же перевести описание признаков в поэтическую форму с соответствующей аллегорией. К сожалению, уже на этом этапе подготовки у учителя возникают проблемы. Как следствие, загадки применяются не систематически, а их назначение сводится к спонтанному вовлечению школьников в учебную деятельность через игровую. Преодолеть указанную проблему возможно повышая свои знания в фактическом материале и выработке творческого подхода к своей педагогической деятельности.

Вторая проблема – выбор места загадок на уроке. Мы предлагаем использовать их либо на этапе мотивации овладения понятием, либо на этапе обобщения и систематизации. В первом случае в начале урока загадывается некий объект, который подлежит усвоению; в ходе изложения материала, когда выделяются некоторые существенные признаки объекта, ученики, получая дополнительную информацию, должны распознать объект. Во втором случае при обобщении и систематизации материала по определенной теме учащиеся рассматривают объект в новом для себя ракурсе, когда выделяются не явные его признаки, а признаки, присущие другим объектам, но сходные по ассоциации с признаками загадываемого объекта.

Единственная помощь, которую может оказать учитель при разгадывании загадок, носит косвенный характер и заключается в сообщении связи отгадываемого объекта с той или иной содержательной линией информатики или ее разделом. После нахождения ответа целесообразно обсудить, какие признаки объекта были задействованы и в чем выражается аллегория.

Третья проблема, свойственная и другим разновидностям игр, – выделение принципов, которых следует придерживаться при использовании загадок в обучении. К таким принципам относится большинство дидактических принципов, конкретизируемых с учетом специфики загадок как нестандартного средства обучения. Раскроем суть некоторых из принципов.

Принцип	Суть принципа
Научности	Должны быть задействованы признаки, обязательно принадлежащие загадываемому объекту; они могут быть как ключевыми, так и второстепенными
Систематичности и последовательности	Гармоничное включение загадки в процесс обучения, опора на нее в ходе работы с учебным материалом
Наглядности	Задействование образов объектов, уже сформированных у школьников к моменту работы над загадкой. В загадке должен обязательно фигурировать как минимум один ключевой признак
Соответствия возрастным и индивидуальным особенностям	Пересекается с принципом наглядности и требует учета жизненного опыта, сформированного к моменту использования загадки. В первую очередь этот принцип связан с аллегоричностью представления объектов в загадке
Сознательности и активности	Загадка должна способствовать самостоятельному поиску ответов на учебные задачи, связанные с загадываемым объектом, осознанность ассоциативных связей
Вариативности	Один и тот же объект может быть представлен в различных загадках с выделением разных признаков; для каждой категории учащихся могут использоваться разные загадки, в которых фигурирует один и тот же объект
Толерантности	Ответ на загадку может быть высказан любым учеником вне зависимости от его знаний в данной предметной области

Четвертая проблема – определение возраста, с которого можно применять загадки в обучении. На наш взгляд, с учетом перечисленных выше и ряда других принципов, ограничений на возраст нет, хотя обычно загадки необоснованно используются лишь в младших классах, когда до обучаемых через яркие стихотворные образы доносятся признаки распознаваемых объектов. Одной из причин отсутствия загадок на уроках в средних и старших классах, что также выступает существенной проблемой, является малочисленность разработанных загадок по информатике. Указанная проблема в области школьной информатики частично решена в наших работах [2; 4]. Ниже мы предлагаем подборку загадок (некоторые из них вошли в [2]) к различным содержательным линиям школьной информатики. Надеемся, что загадки будут интересны и людям, далеким от информатики. Для помощи указываются задействованные признаки загаданного объекта.

Содержательная линия информации и информационных процессов

- 1) Маленький мальчонка,
Короткие ручонки,
Глазками моргает,
Единицы и нули запоминает.

(Бит)

Задействованные признаки: размеры; способ функционирования; способ своего проявления.

Содержательная линия представления информации

- 2) Палочка, галочка,
Крестик, полукруг,
Отрезок и перпендикуляр,
Хороший был он у римлян.

(Цифровой ряд римской системы счисления)

Задействованные признаки: конфигурация; указание на место, где находит свое применение.

Содержательная линия алгоритмизации и программирования

- 3) Он как кот по кругу ходит,
По отрезку пробежит,
Рыбой в море окунется
И на дерево взберется.

(Алгоритм и алгоритмические структуры)

Задействованные признаки: перечислены особенности базовых алгоритмических структур.

Содержательная линия компьютера

- 4) В древесине желобочки,
В желобочках там комочки.
Ты комочки переставь –
Ответ быстро прочитай.

(Абак)

Задействованные признаки: материал, из которого изготовлен; составляющие объекта; способ работы с объектом.

Содержательная линия информационных технологий

5) Неизвестный хулиган

Пробрался в папин чемодан.

Кто его себе возьмет,

Тот очень сильно слезы льет.

(Вирус)

Задействованные признаки: отрицательность воздействия; указание объекта, на который происходит воздействие; предостережение от взаимодействия с объектом; проблемы, связанные с взаимодействием.

Содержательная линия телекоммуникаций

6) Стекланный волосок

Запрятан под замок.

Свет пропускает,

Кому-то тайны раскрывает.

(Оптическое волокно)

Задействованные признаки: материал, из которого изготовлен объект; размер; наличие изоляции; способ функционирования; назначение.

В завершение подчеркнем, что предложенные и ряд других загадок апробировались нами на уроках информатики в школе. Выявлено, что обучаемым нравится данный вид деятельности, и они с удовольствием пытаются найти аналоги объектам, фигурирующим в загадках. Меньше всего трудностей возникло с загадками, связанными с компонентами компьютерной системы, больше трудностей – с линией информации и информационных процессов и представления информации.

Список использованных источников

1. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь: Философия и литература. Мифология и религия. Язык и культура / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М. : Эксмо, 2004. – 592 с.

2. Зубрилин, А. А. Занимательные материалы по информатике: словесные головоломки, ребусы, загадки / А. А. Зубрилин // Информатика в школе. – 2010. – № 3. – 96 с.

3. Зубрилин, А. А. Игровая деятельность в обучении математике учащихся общеобразовательных учреждений : моногр. / А. А. Зубрилин ; под науч. ред. Г. И. Саранцева ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2009. – 153 с.

4. Зубрилин, А. А. Конструирование уроков-игр по информатике / А. А. Зубрилин // Информатика в школе. – 2008. – № 6. – 96 с.

5. Карпова, Е. В. Дидактические игры в начальный период обучения : попул. пособие для родителей и педагогов / Е. В. Карпова. – Ярославль : Академия развития, 1997. – 197 с.

6. Никитина, Н. Н. Математика в пословицах, загадках и стихах / Н. Н. Никитина. – СПб. : Литера, 2007. – 80 с.

7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

8. Развлечения на досуге / сост. Т. А. Комзало-ва. – Смоленск : Русич, 1997. – 672 с.

9. Российский энциклопедический словарь : в 2 кн. Кн. 1. А–Н / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2001. – 863 с.

10. Советский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1981. – 1600 с.

11. Травина, Н. А. Возможности формирования восприятия и осмысления математической действительности у детей дошкольного возраста посредством устного народного творчества / Н. А. Травина // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 2. – С. 50–55.

12. Физика. Нестандартные занятия, внеурочные мероприятия. 7–11 классы / сост. М. А. Петрухина. – Волгоград : Учитель, 2007. – 115 с.

13. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга ; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. – М. : Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – С. 7–240.

Поступила 02.09.2011 г.

УДК 37.034 (470+571)

ББК 74.200.53

С. В. Куликова

S. V. Kulikova

**ВОСПИТАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИЯНИНА
КАК ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА****UPBRINGING OF NATIONAL IDENTITY OF RUSSIAN
AS HISTORICAL AND EDUCATIONAL PROBLEM**

В статье проводится историко-педагогический анализ проблемы воспитания национального самосознания гражданина России, который, по мнению автора, обогатит современные воспитательные модели, направленные на духовно-нравственное развитие россиян.

Ключевые слова: воспитание, национальное самосознание, духовно-нравственное развитие, национальное образование.

The article is devoted to the historical and pedagogic analysis of problems of upbringing of national identity of Russian, who, according to the author, enriches contemporary upbringing models aimed at the spiritual and moral development of the Russians.

Key words: education, national identity, spiritual and moral development, national education.

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.

Н. А. Некрасов «Крестьянские дети»

Россия – патриархальная, светоносная, несчастная, обильная, всесильная, убогая и могучая. Она как широкая и бескрайняя дорога настраивает путника на созерцательность, философствование, отвлекает от мелочности и суетности. Сама природа России – ее неяркое небо, «сплошные леса», «бесконечные нивы» – формирует особый угол зрения на проблемы бытия и абрис «русского пути». Как бы хотелось, чтобы представление о нашей Родине у современной молодежи навеивалось этими чистыми и светлыми некрасовскими образами. Думается, что именно воспитание национального самосознания поможет приостановить процесс вестернизации российской молодежи, улучшить патриотический фон в стране, сохранить духовность. Историко-педагогический анализ проблемы позволит обогатить современные воспитательные модели, направленные на духовно-нравственное развитие россиян.

Содержательное поле историко-педагогических исследований в последние годы значительно расширилось за счет открытия архивных документов и возрождения имен забытых педагогов и просветителей России. Научный интерес к поиску истоков национального самосознания в истории отечественного образования и педагогической мысли обусловлен также поиском

базовых оснований для дальнейшего развития и процветания России и российского народа. В связи с этим наметился рост историко-педагогических исследований национально-региональной и этнопедагогической проблематики, направленных на концептуализацию педагогических идей о роли национальных традиций и народной педагогики в воспитании и образовании.

Исследования показывают, что проблема воспитания национального самосознания россиян была сформулирована в педагогической мысли России после актуализации отечественными философами национальной идеи, которая неизменно находилась в центре внимания не только русской философии, но и мировой. Всегда существовал русский подход к мировым философским проблемам, о котором достаточно четко писал П. Я. Чаадаев: «Народы – существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру» [9, с. 326]. Данный тезис подтверждает и Б. П. Вышеславцев: «Разные нации замечают и ценят различные мысли и чувства в том богатстве содержания, которое дается каждым великим философом. Национализм в философии невозможен, как и в науке; но возможен преимущественный интерес к различным мировым проблемам и различным традициям мысли у различных наций» [3, с. 54]. Это позволяет нам говорить об

особом российском подходе к проблеме воспитания национального самосознания, основанного на российской национальной идее.

Национальную идею, период зарождения которой относится еще к XI веку, сформулировал первый русский митрополит Иларион: «Защита веры Православной и земли Русской». Эта идея в дальнейшем развивалась параллельно с официальной педагогикой и утверждалась государственными и общественно-педагогическими деятелями России и святыми отцами Русской Православной Церкви и всей. Наиболее ярко российская ментальность проявилась в XVIII – середине XIX вв., что обусловлено двумя важными тенденциями. Во-первых, в этот период наиболее отчетливо стала проявляться официальная позиция государства и представителей российского образования в отношении систем образования и педагогических идей других наций. Во-вторых, в это время актуализировалась проблема взаимоотношения русской культуры и образования с культурой народов, населявших Россию. Особенно остро обозначился национальный вопрос при взаимоотношениях государственной образовательной политики России с образовательными традициями народов Западной Украины, Белоруссии, Прибалтики, Польши. Диалог в рамках национальных традиций в воспитании и образовании на территории Российской империи зависел от уровня развития национальных культур: были народы, которые уступали в уровне развития образования, а были и те, кто – превосходил. На этих образцах диалоговых отношений и складывалась национальная идея, определяющая концепцию воспитания национального самосознания [5].

Российскому национальному самосознанию всегда было свойственно стремление предвидеть будущее в его совершенном варианте. Совершенное будущее само по себе всегда больше волновало, чем настоящее. Сущность мира не в том, что он представляет в настоящее мгновение, но то, чем может стать в последующем. Мир как он есть – лишь частица и минута потенциально-го мира, который и есть настоящий предмет полной философии и полной науки. Согласно теории Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах, родившийся и выросший в России человек воспринимает, понимает и принимает мир и себя самое как живые, становящиеся, восстанавливающие свое «духовное» единство образования. Отношение к человеку как к постоянно становящемуся существу, а к миру как к незавершенному, открытому бытию, позволяет нам рассматривать национальное самосознание в России именно в контексте становления.

Следует также учитывать, что категория «воспитание» исходит еще от древнерусского «възъпитание» и обозначает возвышенное, духовное питание человека, связанное с умением извлекать скрытое. Воспитание в Древнерусском государстве рассматривалось как процесс социализации личности, требующий внутренних ресурсов, которые, безусловно, питались из православия. Поэтому воспитание всегда было первично и главной целью имело духовно-нравственное развитие человека, ориентированное на приобретение национального самосознания, создание духовного образа человека в рамках культурно-исторического опыта и традиций русского народа. Книжное знание, учение было вторично: «Человече, ежели хочешь спастись, а книг не умеешь читать, то не делай другому того, что тебе не любо и спасешься». На этот нравственный императив и опиралась российская педагогика тысячу лет.

В XIX веке были начаты поиски образа нового человека, способного измениться и усовершенствовать общество и государство, в котором он живет. Эти поиски опирались на самобытность народа, проживающего на огромной территории и насчитывающего более ста народностей. Теоретическими и методологическими основаниями данных исканий в философской мысли стали следующие теории и концепции: теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского; славянофильская концепция истории Руси-России как отдельного целого в мировой истории; теория этногенеза и этногенеза русского суперэтноса Л. Н. Гумилева; религиозно-христианская традиция (С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, В. В. Розанов, П. А. Флоренский).

Выдающиеся отечественные просветители XIX века (В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, А. Н. Герцен, Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский и др.) утверждали, что в целях образования отражается система воспитательных взглядов народа, которая формировалась в своем историческом развитии на основе его мирозерцания, его миропонимания, его национального самосознания. Поэтому к середине XIX века не только воспитание, но и весь уклад российской жизни во многих философских и педагогических концепциях стали рассматриваться через призму народности и национальных особенностей. Критикуя подражание российского театра французскому жанру, В. Г. Белинский в статье «Русский театр в Петербурге» писал: «К нашей русской жизни, к нашему русскому быту водевиль не идет, как санная езда и овчинные шубы жителям Неаполя... переложенный на русские нравы или, лучше сказать, на русские имена водевиль есть чудовище бессмыслицы и нелепости» [2, с. 84].

В основных положениях К. Д. Ушинского отмечалось, что общей системы воспитания не существует ни на практике, ни в теории; у каждого народа своя национальная система воспитания, опыт отдельного народа в воспитании есть драгоценное наследие для всех других. Это высказывание выдающегося педагога как будто бы разделяет национальные системы воспитания непреодолимым барьером. «Каков характер народа, таков характер воспитания» [8]. Это полностью справедливо для тех стран, национальные и государственные границы которых практически совпадают. В многонациональном же государстве национальное чувство и сознание народов с ростом культуры и просвещения становилось более толерантным, приспособленным к межнациональному общению.

С начала XX века появляется тенденция, характеризующаяся как стремление расширить рамки отечественной педагогик, открыть ее новым западным влияниям, сделать более научной. Наука не может принадлежать какой-либо одной нации, она общечеловечна. П. Ф. Каптерев, к примеру, эту проблему осветил в следующих работах: «Национальность и наука в организации народной школы», «О национальном образовании».

В работах отечественных педагогов чаще начинает встречаться категория «национальное образование». П. Н. Игнатьев при разработке проекта школьной реформы в структуру национальных ценностей образования включил идеи общечеловеческого воспитания, что актуализировало новые подходы к образованию в контексте достижений мировой педагогической науки.

Основной причиной такого поворота от национального воспитания к национальному образованию явилась начавшаяся мировая война. По утверждению В. Н. Сороки-Росинского, «война показала, сколько скрытой силы таилось в национальном чувстве..., что теперь уже не может быть вопроса о праве национального воспитания на определенное место в русской школе, ибо национальное чувство есть великая не искорененная и страшная по своей стихийности сила. Ее нужно воспитывать, нужно культивировать» [7, с. 125]. П. П. Блонский: Только «созревшая национальная личность, обогащенная внешним содержанием, создавала бы новые сокровища культуры» [1, с. 18–34]. Под внешним содержанием педагог подразумевал достижения мировой науки и культуры.

Обращение к мировой культуре, по мнению М. М. Рубинштейна, поможет обогатить культуру славян, тем более, что российская история доказывает целесообразность использования иностранного опыта. «В лучшей части русской интеллигенции и педагогов жили неувядаемые

общечеловеческие идеалы... общечеловеческую идею мы можем сочетать и выявлять в школе на тщательном изучении всего родного, народного (но не только его одного!)... чтобы каждый народ своим бытием и по-своему дал возможно больше не только себе и своим сынам, но и всему человечеству, и человечности... Только при этом условии педагог выполнит настоящую учительскую миссию» [6, с. 339]. Процесс такого позитивного заимствования должен носить двусторонний характер, иными словами, русская культура и отечественная педагогика способна не только перенимать, ей есть что самой предъявить миру.

Таким образом, в педагогической и общественной мысли России к 1917 году обозначилась идея о необходимости разработки системы воспитания национального самосознания, сущность которого раскрывалась через сочетание национального компонента в образовании России с общечеловеческими образовательными ценностями. Наиболее полно эта идея была определена П. Ф. Каптеревым, В. П. Вахтеровым, П. П. Блонским, М. М. Рубинштейном, В. Н. Сорока-Росинским.

Вместе с тем обращение к инокультурным ценностям и традициям воспитания и образования в разные периоды становления образования в России носило неоднородный характер: от полной изоляции к бездумному копированию. Об опасности последнего предупреждал А. С. Запесоцкий: «Копирование западных моделей образования, ориентированных на развитие человеческой субъективности или на передачу максимального объема знаний и освоение технологий, в условиях России неизбежно влечет за собой кризис социально-культурной и личностной идентичности, ибо инструментальная природа этих моделей делает менее значимой духовную составляющую образовательного процесса» [4].

В современной педагогической реальности важной тенденцией воспитания национального самосознания стали идеи педагогической аксиологии, основы которой разрабатывались в трудах таких философов, как С. Ф. Анисимов, А. Г. Здравомыслов, М. С. Каган, В. П. Тугаринов. Значение данных исследований определяется анализом сущности аксиологии, выявлением понятия о ценностных ориентациях, их структуре, классификациях. Если рассматривать цель как идеальный образ желаемого результата, то разработка ценностных оснований педагогического целеполагания ориентирована на поиск национального образовательного идеала с учетом традиций народной педагогики России. Актуализация педагогических возможностей традиции инициировала исследования о применении этнокультурного компонента в содержании

воспитания (Е. В. Бондаревская, Г. Н. Волков, И. А. Колесникова, Н. Д. Никандров, А. Б. Панькин, В. Ю. Троицкий и др.). Новые варианты педагогических решений связаны прежде всего с обращением к народным традициям, позволяющим включать растущего человека в природные ритмы в культуросообразных, национальных формах, через обрядовый, событийный опыт актуализировать социогенетическую память. Академик Российской академии образования Александр Новиков писал: «Подлинная школа неотрывна от национальной почвы. Она передает, хранит и формирует национальную культуру, обогащая национальное общечеловеческим, а общечеловеческое национальным».

Подытоживая краткий ретроспективный анализ проблемы воспитания национального самосознания в России, следует обратить внимание на специфичную структуру национального образования в России, обоснованную автором, которая составляет совокупность следующих характеристик:

1. Традиции национального образования России (поиск национального образовательного идеала на основе приоритета воспитания над обучением; сочетание общекультурного и этнокультурного компонентов в содержании образования; опора на традиционные формы воспитания и образования и народную педагогику).

2. Базовые ценности национального образования России (духовность, софийность, мессианство, соборность, традиционность, открытость).

3. Направленность отношений национального образования России к другим национальным педагогикам (сочетание замкнутости, диалогичности и интегративности) [5].

Список использованных источников

1. Блонский, П. П. О национальном воспитании / П. П. Блонский // Вестник воспитания. – 1915. – № 4.
2. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. / В. Г. Белинский. – М., 1955. – Т. 7.
3. Вышеславцев, Б. П. Вечное в русской философии / Б. П. Вышеславцев // Этика преображенного эроса. – М., 1994.
4. Запесоцкий, А. С. История одного негосударственного вуза / А. С. Запесоцкий // Педагогика. – 2000. – № 10.
5. Куликова, С. В. Текст лекций к спецкурсу «Становление и развитие теории и практики национального образования в России XIX – начала XX в.» : учеб. пособие / С. В. Куликова. – 2-е. изд. – Волгоград : Перемена, 2007.
6. Рубинштейн, М. М. Война и идеал воспитания (К вопросу о национализме в педагогике) / М. М. Рубинштейн // Вестник воспитания. – 1916. – № 3.
7. Сорока-Росинский, В. Н. Пед. соч. / В. Н. Сорока-Росинский. – М., 1991.
8. Ушинский, К. Д. Собрание педагогических сочинений / К. Д. Ушинский. – 5-е изд. – Спб., 1916.
9. Чаадаев, П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма / П. Я. Чаадаев. – М., 1991. – Т. 1.

Поступила 29.05.2011 г.

УДК 78 : 378 (045)
ББК 85.37

М. П. Миронова
M. P. Mironova

ФУНКЦИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ПЕДВУЗА

FUNCTIONS OF MUSICAL COMMUNICATION IN CULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF HIGHER PEDAGOGIC EDUCATIONAL INSTITUTIONS

В статье поставлена проблема целенаправленного воздействия на музыкально-коммуникативное поведение обучающейся молодежи в условиях культурно-образовательной среды вуза; рассматриваются интегрирующие функции музыкальной коммуникации как частные по отношению к более общей коммуникативной функции музыкального искусства.

Ключевые слова: культурно-образовательная среда, коммуникативные функции музыки, музыкальная коммуникация, функции музыкальной коммуникации.

The article raises the problem of targeting music and communicative behaviour of students in cultural and educational environment of university. It considers the integrating functions of musical communication as special ones compared with more general communicative function of music.

Key words: cultural and educational environment, communicative function of music, musical communication, functions of musical communication.

К числу основных профессиональных компетенций будущего учителя музыки относится умение непосредственного общения с музыкальным искусством, постижение художественного мира музыкальных произведений. Взаимодействие с музыкой или *музыкальная коммуникация* в педагогическом процессе осуществляется в образовательной среде вуза, в которой функционируют многочисленные носители музыкальной информации.

Нам близка точка зрения Т. В. Менг, которая рассматривает образовательную среду вуза как многомерное социально-педагогическое явление, связанное в единое целое различными коммуникативными механизмами и оказывающее ситуативное влияние на развитие ценностных ориентаций личности, отношений и способов поведения, актуализирующихся в процессах освоения, потребления и распространения социокультурных ценностей [3; 8].

Взгляд на образовательную среду как неотъемлемую часть культуры, находящуюся с ней в тесной взаимосвязи, позволяет определить ее *культурно-образовательной средой*. Современное состояние культурно-образовательной среды детерминировано «мозаичным» типом культуры (А. Моль). Последняя есть результат повседневного опыта, полученного в результате воздействия на человека бесконечно больших информационных потоков, случайных по своей сути. В этом типе культуры музыкальные знания, ценностные ориентиры, потребности формируются в основном не системой образования, а средствами массовой музыкальной коммуникации. Несмотря на это, образовательные факторы по-прежнему остаются наиболее значимыми в процессе целенаправленного воздействия на музыкально-коммуникативное поведение обучающейся молодежи. Поскольку музыкальная коммуникация является одной из составляющих современной культурно-образовательной среды, исследование функциональной специфики музыкального общения позволит выявить его педагогический ресурс, направленный на *актуализацию музыкально-культурного потенциала личности* обучающегося.

Рассмотрение функций музыкальной коммуникации должно идти в контексте двух исследовательских направлений: изучения коммуникативного аспекта функционирования

музыки и музыкальной коммуникации как системно-структурного образования. Изучение коммуникативных функций искусства получило освещение в трудах по эстетике и музыковедению Ю. Б. Борева, А. Я. Зиса, М. С. Кагана, В. В. Медушевского и др. Вплоть до настоящего времени данная проблематика сохраняет свою актуальность, стимулируя научные поиски в смежных областях – социологии, философии, теории культуры. В. В. Медушевский предложил следующее, ставшее хрестоматийным, определение: «Коммуникативной функцией музыкальных произведений можно назвать их способность служить средством художественного общения» [7, с. 150].

Важным представляется утверждение автора о том, что коммуникативная функция проявляется в управлении не только познавательными, но и эмоционально-оценочными процессами, что связано с действием механизма *заражения* [Там же, с. 120]. Слушатель, распознавая эмоции, входящие составной частью в структуру художественного содержания музыки, одновременно *проникается* ими, воспринимает их как *свои собственные* переживания.

В качестве вывода своих рассуждений В. В. Медушевский формулирует понятие коммуникативной функции не только в широком (средство художественного общения), но и более узком смысле – «*направленное воздействие музыкальной структуры на процесс и результат восприятия*» [Там же, с. 150]. Заслуга ученого в том, что он одним из первых соединил проблематику художественной коммуникации с психологическими вопросами музыкального восприятия. Он справедливо полагал, что изучение закономерностей восприятия должно быть одним из разделов теории коммуникативной функции. «Восприятие – настолько существенный компонент системы коммуникации, – писал он, – что ему справедливо отвести центральное место в проблеме коммуникативной функции музыки, а всем остальным компонентам определить статус условий коммуникации» [Там же, с. 113]. Таким образом, *коммуникативная функция искусства реализуется в процессе общения с искусством путем восприятия*.

Как и любой другой вид коммуникации, музыкальная коммуникация обеспечивается существованием особой системы знаков – музы-

кального языка. Как известно, язык искусства – эстетический знак – *не является значением сообщения*, то есть информационно достоверным. В этом смысле понятие «коммуникативной функции искусства» не может совпадать с понятием коммуникации в другом виде деятельности. Звуковые музыкальные объекты в меньшей степени служат передаче логической, точной информации, выполняя функцию коммуникации эмоционально-эстетического характера. Подтверждение этому положению можно найти у многих авторов [См. об этом: 1; 2; 3]. Одно из лаконичных высказываний принадлежит композитору А. Веберну: «Музыка – это язык. Человек выражает на этом языке мысли; но не такие, которые можно перевести на язык понятий, а музыкальные мысли» [4, с. 78].

Речь идет о коммуникации особого рода, основным содержанием которой являются эмоциональный контакт и душевное сопереживание. Часто восприятие музыкального произведения приобретает форму *автокоммуникации* (Ю. М. Лотман), самопознания, раскрытия внутреннего потенциала личности. «В этом смысле, – пишет Г. Г. Коломиец, – важно уже не само это (данное) произведение, а важны наши мысли и переживания, вызванные произведением искусства, дискурсом о нем» [5, с. 160]. В этом высказывании мы находим обращенность к ценностным взаимосвязям, когда искусство выступает не средством, а способом взаимодействия на основе ценностных доминант творчества и ценностных центров личности.

По мнению Г. А. Орлова, музыка является коммуникацией, когда она используется как средство немusicalного сообщения. Воспринимаемая как коммуникация, музыка возвращает слушателю кодифицированный образ тех или иных сторон коллективного опыта культуры, к которой он принадлежит, – отчужденное самотражение его культурного «я». Она выступает как средство общения слушателя с самим собой [10, с. 365].

Сказать, что главное назначение искусства, музыки – в человеческом общении и правомерно и недостаточно. Приятно наслаждаясь музыкой вместе с другими, в окружении людей, воспринимающий ее все равно вступает с ней в диалог «один – на – один», то есть *сокровенно*, ценностно индивидуально, неповторимо и необъяснимо вербально. Это значит, что наше внимание при восприятии музыкального произведения сосредоточено и предметно и на собственных ощущениях, это восприятие в сложной цепи эстетико-художественного сознания. Музыку мы интерпретируем, постигаем согласно

своим мироощущению и мировоззрению. Отсюда следуют модификации коммуникативной функции музыки, ее не только общественная, но и *личностная значимость*.

Таким образом, можно заключить, что *коммуникативная функция музыки реализуется в ее способности выступать средством ценностного взаимодействия людей (с самим собой, с обществом, со всем универсумом) в процессе музыкального восприятия и передавать художественную информацию через символ, художественный образ посредством специфического кода – музыкального языка*.

В коммуникативной функции музыки можно выделить ряд составляющих, образующих ее подфункции, *специфических функций музыкальной коммуникации*. Так, описанные В. В. Медушевским свойства кларитивности и эвристичности музыкальных структур [7, с. 120–121] можно отнести к *регулятивной* функции музыкальной коммуникации, так как они связаны с употреблением коммуникативных средств (приемов) для достижения определенных целей, а именно – управления слушательским вниманием.

Опираясь на различные модели коммуникации, исследователи в качестве частных специализированных коммуникативных функций музыки называют также: *эмотивную, конативную, референтивную, поэтическую, фатическую, магическую, этническую, воспитательную, аксиологическую, информационную, когнитивную, герменевтическую, семиотическую, интересубъективную, диалогическую* [9]. При этом имеет место смешение понятий «коммуникативные функции музыки» и «функции музыкальной коммуникации». На наш взгляд, эти понятия не вполне синонимичны и соотносятся как *общее и частное*.

Поскольку музыкальная коммуникация выступает органической частью социокультурной коммуникации, считаем целесообразным при дифференциации ее функций исходить из функциональных значений, присущих общению в целом. Принято считать, что основными функциями коммуникации как социально обусловленного процесса являются *взаимодействие* коммуникантов и *воздействие* на них с определенной целью. Значительная часть исследователей выделяет функции коммуникации (общения), связанные с *обменом информацией, взаимодействием и восприятием* людьми друг друга (Б. Ломов, А. Реан, А. Брудный, А. Бодалев, Г. Андреева, Л. Карпенко). При этом общее количество функций колеблется от трех до восьми. Наиболее часто используется *четырёхэлементная модель*

(А. Реан), в которой базовыми функциями социальной коммуникации выступают: *когнитивно-информационная, регулятивно-поведенческая, аффективно-эмпатическая и социально-перцептивная* [11].

В каждом коммуникативном процессе, в том числе и в художественной коммуникации, заключены его основные стороны – общение (взаимодействие), познание и воздействие. Такое понимание базируется на *интеракционной модели коммуникации* (Д. Шиффрин, М. Л. Макаров) как сложного и многогранного процесса, который может выступать в одно и то же время и как информационный процесс, и как процесс взаимодействия индивидуумов, и как процесс их сопереживания, взаимопонимания и взаимовлияния друг на друга. Исходя из этого, считаем возможным определить следующие основные функции музыкальной коммуникации: *познавательно-оценочную, личностно-ориентированную, интерактивную*. При этом обозначенные функции будут *интегрирующими* функциональными значения не одного, а нескольких аспектов коммуникации в искусстве.

Благодаря таким аспектам, как *отражательный, аксиологический, герменевтический и психологический (перцептивный)* осуществляется **познавательно-оценочная функция** музыкальной коммуникации. Ее характерной направленностью становится ориентация на **объект познания** – музыкальное произведение как целостность.

Личностно-ориентированная функция опирается на *эмоционально-аффективный, воспитательный и развивающий* аспекты. Ее направленность определяется ориентацией на **субъекта** (реципиента) и заключается в *художественно-эстетическом воздействии* на личность человека.

Регулятивно-поведенческий, прагматический, интерсубъективный, метаязыковой, диалогический, риторический аспекты определяют **интерактивную функцию**, ориентированную на *процесс* общения и *организацию взаимодействия* между коммуникантами.

Следует отметить, что выделение и разграничение этих функций носит условный характер,

поскольку в реальной музыкально-педагогической практике они выступают в целостном виде и лишь в своей совокупности обеспечивают достижение в ней высоких творческих результатов.

Список использованных источников

1. Барсова, И. А. Специфика языка музыки в создании художественной картины мира / И. А. Барсова // Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения. – Л., 1986. – С. 99–116.
2. Бонфельд, М. Ш. Музыка: Язык. Речь. Мышление. Опыт системного исследования музыкального искусства / М. Ш. Бонфельд. – СПб. : Композитор, 2006. – 648 с.
3. Боров, Ю. Б. Художественное общение и его языки. Теоретико-коммуникативные и семиотические проблемы художественной культуры / Ю. Б. Боров // Художественная коммуникация и семиотика / Теории, школы, концепции. – М. : Наука, 1986. – С. 5–43.
4. Веберн, А. Лекции о музыке, письма / А. Веберн ; пер. В. Г. Шнитке. – М. : Музыка, 1975. – 123 с.
5. Коломиец, Г. Г. Искусство как способ быть в мире или к вопросу о коммуникативной функции искусства / Г. Г. Коломиец // Вестник ОГУ – 2007. – № 7. – С. 158–162.
6. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
7. Медушевский, В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки / В. В. Медушевский – М. : Музыка, 1976. – 255 с.
8. Менг, Т. В. Педагогические условия построения образовательной среды вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Т. В. Менг. – СПб, 1999. – 17 с.
9. Новиков И. А. Коммуникативные характеристики функционирования музыки в российском социокультурном контексте : автореф. дис. ... канд. социол. наук / И. А. Новиков. – Ростов н/Д., 2009. – 23 с.
10. Орлов, Г. А. Дерево музыки / Г. А. Орлов. – 2-е изд., испр. – СПб. : Композитор, 2005. – 408 с.
11. Реан, А. А. Психология личности. Социализация, поведение, общение / А. А. Реан. – М. : Аст, 2007. – 416 с.

Поступила 20.07.2011 г.

**ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ
В ЦЕНТРЕ МОЛОДЕЖНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ*****FORMATION OF INNOVATIVE COMPETENCES OF STUDENTS
IN THE CENTER OF YOUTH PEDAGOGIC INITIATIVES**

В статье рассматривается проблема формирования инновационных компетенций студентов педагогических вузов. Студенческий педагогический отряд как центр молодежных педагогических инициатив формирует инновационную среду для подготовки нового учителя.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, новый учитель, инновационные компетенции, студенческий педагогический отряд, интеллектуальные продукты.

The paper considers the problem of formation of innovative competences of students of higher pedagogic educational institutions. A pedagogic team of students as a center of youth initiatives creates an innovative environment for training new teachers.

Key words: training, new teacher, innovative competences, pedagogic team of students, intellectual products.

Общезначимым приоритетом в развитии российских вузов и формировании научно-образовательного пространства является научно-инновационная деятельность. Формирование инновационной среды определяется необходимостью развития взаимодействия между вузами и предприятиями, повышением качества подготовки специалистов, уровня развития исследовательской базы и инновационной активности. Все это определяет сетевой характер развития современного университета, становление его в качестве подлинного интегратора достижений науки и практики.

Сегодня все педагогические вузы страны решают проблему соотносимости статусов высшего учебного заведения и центра подготовки учителя для новой школы. В условиях интенсивного развития вузов, когда инновационная активность научно-педагогических коллективов становится необходимым условием успешного позиционирования в формирующемся новом пространстве образовательных услуг, встает вопрос: готовы ли коллективы педагогических вузов к современной инновационно-ориентированной деятельности?

Для инновационного прорыва России в русле реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» необходима скоординированная работа по подготовке новых педагогов, педагогов-исследователей, педагогов-инноваторов. Новый учитель требует новых компетенций. Вместе с тем теория формирования

и развития готовности педагогических кадров к инновационно-ориентированной деятельности представлена недостаточно полно. Очевидно, что в условиях реализации ФГОС необходимы новые подходы, интенсифицирующие инновационную направленность подготовки педагогических кадров. В общекультурных и профессиональных компетенциях, которыми должен обладать выпускник в соответствии с ФГОС ВПО по педагогическому направлению, необходимо выделить те, которые косвенно или непосредственно влияют на подготовку к инновационной педагогической деятельности.

Создание и внедрение любых инноваций происходит в результате *инновационной деятельности* – деятельности, направленной на практическое освоение результатов научных исследований и разработок, повышающих эффективность осуществления технологических процессов, используемых в практической деятельности, а также на практическое освоение результатов научных исследований и разработок, обеспечивающих создание нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке. Под *научно-инновационной* деятельностью будем понимать инновационную деятельность, ориентированную на создание и внедрение инноваций средствами научной деятельности в научно-образовательной структуре. *Инновационная педагогическая* деятельность – это процесс создания и освоения педагогических инноваций [7; 12]. Распространенным является также словосочетание «инновационная направленность педагогической деятельности», предполагающее включение педагога

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (Проект 11-16-37501г/Ц).

в процесс создания, освоения и использования педагогических новшеств в практике обучения и воспитания, создание в учебном заведении инновационной образовательной среды. Под *инновационной педагогической* деятельностью в системе высшего профессионального образования мы будем понимать деятельность по поиску, изучению, распространению, разработке и внедрению педагогических и организационных инноваций, трансферу результатов фундаментальных и прикладных НИР в учебный процесс и созданию инновационной образовательной среды, повышающей инновационную активность студентов.

Определяя инновационно-ориентированную деятельность в сфере профессионального образования, будем рассматривать ее как интегративную совокупность образовательных программ разного уровня, а также инновационных структур и механизмов управления ими, нацеленную на формирование комплекса компетенций, необходимых педагогам для успешной инновационной деятельности, подтвержденной личным опытом участия в разработке, распространении и внедрении инноваций.

Инновационно-ориентированная деятельность направлена на решение ряда задач: разработку инновационных образовательных программ; модернизацию и создание инновационной инфраструктуры, обеспечивающей возможность эффективной реализации инновационных образовательных программ; разработку, апробацию и внедрение в учебный процесс инновационных образовательных технологий; подготовку к инновационной деятельности в рамках основных и дополнительных образовательных программ; создание инновационных продуктов (технологий). Содержание инновационно-ориентированной деятельности в педагогическом вузе представляет собой комплекс образовательных программ, реализующих принципы инновационно-ориентированного профессионального образования, нацеленных на развитие в университете опережающей подготовки педагогических кадров. Формирование инновационной направленности образовательных программ может осуществляться несколькими путями:

- включением в перечень квалификационных требований к выпускникам готовности к инновационной деятельности;
- разработкой новых образовательных программ;
- включением новых учебных дисциплин из различных областей инноватики в действующие образовательные программы.

Результатом подготовки выступает готовность педагогических кадров к инновационной деятельности в профессиональной сфере, базирующаяся на их информационной осведомленности о сущности инновационной деятельности и практическом опыте знакомства с различными вариантами ее осуществления.

Компетентный подход к реализации образовательных программ требует определения структуры и функционального взаимодействия формируемых в выпускниках компетенций. Отечественные социологи, психологи и методисты (В. И. Байденко, Г. Э. Белицкая, Л. Н. Боголюбова, В. А. Болотов, И. А. Зимняя, Д. А. Махотин, Н. А. Рототаева, В. В. Сериков, Ю. В. Фролов, В. Д. Шадриков и др.) под таким подходом в самом общем виде понимают основанное на знаниях формирование в процессе обучения и практической деятельности интеллектуально- и личностно обусловленного социально-профессионального качества индивида. Исследование компетентности в аспекте формирования готовности к профессиональной деятельности привело к появлению и использованию в педагогической литературе термина «профессионально-педагогическая компетентность». Данному вопросу посвящены работы таких ученых, как Е. В. Бондаревская, Ю. В. Варданян, В. Н. Введенский, И. А. Зимняя, И. А. Колесникова, Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, Л. М. Митина, С. И. Панина, Ю. Г. Татур, Т. В. Шадрина и др. Несмотря на имеющееся различие в подходах, исследователи единодушны в том, что «...профессиональная компетентность преподавателя ... является одной из важнейших характеристик его деятельности и интегральным качеством личности, выступающим и как результат, и как важнейшее условие эффективности профессионально-педагогической деятельности» [8].

Современный взгляд на подготовку педагога-исследователя, обладающего обширными методологическими знаниями, умеющего вести исследовательский поиск, готового работать в учебном заведении инновационного типа, способного к самообразованию и реализации в педагогической деятельности гуманистических принципов, обуславливает необходимость формирования инновационных компетенций. Разработчик компетенций Г. Халаж относит способность к инновационной деятельности к ключевым компетенциям, которыми должны обладать европейцы [13].

Обобщенные формулировки компетенций в области инновационной деятельности для выпускников представлены в табл. 1.

Таблица 1

Обобщенные формулировки компетенций

Группа компетенций	Формулировка компетенций
Общекультурные (для всех категорий образовательных программ)	Восприимчивость к инновациям, способность к осмыслению необходимости инновационной деятельности и аккумуляции опыта инновационной деятельности
Профессиональные (уровень высшего образования – бакалавриат)	Готовность к освоению инноваций и выполнению отдельных этапов инновационных проектов в образовании
Профессиональные (уровень высшего образования – магистратура)	Готовность к разработке инновационной продукции и коммерциализации научно-технических достижений, организации инновационной деятельности в образовании
Профессиональные (уровень послевузовской подготовки)	Способность к разработке инноваций, готовность к коммерциализации инновационной продукции, организации инновационной деятельности в научно-технической и образовательной областях
Профессиональные (уровень дополнительного профессионального образования)	Готовность к решению комплекса задач инновационной деятельности в образовании в соответствии с программами инновационного развития учреждения и региона

Г. И. Боинчану определяет инновационную компетентность педагога как психический феномен, характеризующий творческую направленность на качественное преобразование с помощью новых средств практики образовательной деятельности в целях повышения ее эффективности, а также его способность выявлять актуальные проблемы образования учащихся, находить и реализовать эффективные способы их решения [2]. Как отмечает Н. О. Липатова, «...инновационная компетентность (способность творить, создавать новый продукт, вводить новые технологии и методы в процесс обучения) позволяет преподавателю проявлять свои индивидуальные возможности, самореализовываться в профессиональной деятельности...» [5], выступая в качестве меры «...готовности специалиста использовать свой интеллектуальный потенциал для максимально эффективного достижения инновационных целей деятельности» [6].

Мы рассматриваем инновационную компетентность как готовность субъекта деятельности, выраженную в знаниях, умениях, способностях и мотивах, получать и реализовывать продукты интеллектуальной деятельности. Установлено, что

инновационная компетентность позволяет на более высоком уровне формировать студентов как будущих конкурентоспособных специалистов, опосредованно получить признание, быть оцененным как специалист, обладающий оптимальным уровнем профессионализма, мастерства и профессионального самосознания, индивидуальным стилем деятельности и высоким уровнем акмеологического развития [9].

При рассмотрении проблемы формирования инновационной компетентности будущих педагогов мы основываемся на акмеологическом подходе к продуктивной педагогической деятельности Н. В. Кузьминой. Предметом акмеологии являются законы создания продуктов в свойствах участников образовательного процесса средствами образовательных практик. Именно категория продуктивности деятельности синтезирует в себе инновационный потенциал акмеологии и позволяет экстраполировать теоретико-методологический аппарат акмеологии на подготовку педагогических кадров к инновационной деятельности.

Главным в профессиональной деятельности преподавателя высшей школы является подготовка высококвалифицированных специалистов, которая базируется на фундаментальных или прикладных научных исследованиях. Включение студентов в работу научных коллективов, внедрение результатов научных исследований в производственный процесс для получения конечного продукта определяет инновационный потенциал подготовки студентов. Формы оптимизации инновационного потенциала в профессиональной подготовке педагога могут быть разными.

И. А. Зеткина, П. В. Замкин отмечают, что в педвузах не сложилась традиция целенаправленной подготовки студентов к педагогической исследовательской работе. Проблемы мотивации студентов к научно-поисковой деятельности, формирования исследовательских качеств и проектного мышления на базе научно-образовательного центра «Гуманитарные науки и образование» в Мордовском государственном педагогическом институте им. М. Е. Евсевьева целенаправленно решаются в студенческом научно-исследовательском педагогическом клубе им. Е. Г. Осовского посредством погружения студентов в специально организованную социопедагогическую воспитывающую среду взаимодействия с педагогами вуза, учеными, учителями, руководителями образовательных учреждений [4; 11].

Формирование потребности в инновационном характере профессионально-педагогической деятельности стало целевой установкой при создании на базе социогуманитарного научно-образовательного центра Шуйского государственного

педагогического университета центра молодежных педагогических инициатив, который выступил формой интеграции и координации учебного, научного и инновационно-внедренческого потенциала молодежи. Студенческий педагогический отряд «Вегос» как элемент центра молодежных педагогических инициатив – это студенческая организация при вузе, участники которой выступают в роли вожатых, а также организаторов детского коллектива. Они постоянно занимаются самообразованием в рамках своего профессионального интереса и призвания, принимают участие в организации культурно-досуговой деятельности, шефствуют над детьми, лишенными попечительства родителей и др. Цель педагогического отряда – воспитание не только детей, но и самих студентов. Выступая в роли вожатого, студент на практике пробует себя в профессиональной деятельности, что способствует развитию интереса к педагогической деятельности. Студенты в совместной деятельности с учеными имеют возможность апробировать авторские методики и авторские программы, внедрять их в самостоятельной работе с детьми.

В студенческом педагогическом отряде осуществляется научно-исследовательская деятельность студентов (подготовка проектов, участие в конференциях, конкурсах, выставках и т. д.); внеучебная профессиональная подготовка (практикум по работе в детских оздоровительных лагерях, инструктивно-методический лагерь); участие студентов в молодежном педагогическом движении (работа в клубах по месту жительства, оказание помощи детским общественным объединениям); социально-педагогическая деятельность (работа с детьми-инвалидами); организация оздоровительных компаний (работа в детских оздоровительных лагерях). Обеспечивается глубокая интеграция образовательной составляющей в инновационных процессах, формирование у студентов инновационного мышления с целью развития инновационной способности и восприимчивости, содействие в трудоустройстве выпускников; повышение уровня предпринимательской культуры студента, воспитание менталитета предпринимателя.

Для обоснования эффективности формирования инновационных компетенций студентов через внеаудиторные формы теоретическую и практическую значимость представляет модель субъекта профессионально-педагогической компетентности Ю. В. Варданян и характеристика специально созданной системы заданий [10]. Взаимосвязь содержательно-функциональных, процессуально-результативных и мотивационно-смысловых компонентов этой модели позволяет

оптимально и комплексно реализовать компетентностную ориентацию. Несмотря на то, что данная модель деятельности направлена на оптимизацию освоения профессионально-педагогической компетентности в процессе изучения психологических дисциплин, она может быть перенесена на внеучебные виды подготовки студентов.

Программа подготовки студентов в студенческом педагогическом отряде включает в себя следующие компоненты: *школа молодого педагога* – специальный практикум по работе с детским коллективом в различных учреждениях; *школа организаторов досуга* – практикум по работе с детским коллективом в условиях клубов по месту жительства, педагогическая деятельность студентов в клубах по месту жительства, анализ результатов деятельности студентов; *школа молодого вожатого* – практикум по работе с детским коллективом в условиях детского лагеря, инструктивно-методический лагерь, выработка программ смен детского лагеря, педагогическая деятельность в лагерях с различными группами детей, апробация программ смен; *школа социального педагога* – специальный практикум по работе с детьми-инвалидами в условиях комплексных реабилитационных центров, социально-педагогическая деятельность в Шуйском комплексном центре; *школа рефлексии* – анализ результатов деятельности студентов по выбранным направлениям, лидерский семинар; *стажировка* – педагогическая деятельность сформированных отрядов в детских учреждениях.

В процессе реализации программы решаются все типы задач, соответствующих модели субъекта профессионально-педагогической компетентности Ю. В. Варданян:

- субъектно-реализационные: студент самостоятельно ставит и решает задачи по подготовке и разработке программы работы с детьми, приобретая опыт постановки и решения задач, выражения собственной позиции. В школах студенты выдвигают педагогические инициативы в выборе направлений и тематики разрабатываемых программ, их методическому оснащению и т. д.;

- содержательно-технологические: в непосредственном процессе работы с детьми и реализации разработанных программ студенты получают опыт достижения поставленной ими же самими цели, реализуют проект в собственной деятельности, конструируя способы и технологии его реализации, совместно с преподавателем управляют этим процессом;

- предметно-результативные: регулярный мониторинг и анализ и оценка педагогического сопровождения и взаимодействия с детьми

формирует в студентах рефлексивный компонент профессионально-педагогической компетентности.

В системе заданий в студенческом педагогическом отряде предметно-результативный компонент мы дополняем такими видами работ студентов, как оформление и внедрение результатов интеллектуальной деятельности. Студент создает авторские программы, оформляет их в виде баз данных как интеллектуальную собственность, учится работать в области инновационных технологий, развивает свои научно-творческие способности, практически реализует созданные интеллектуальные продукты.

Проект авторской системы деятельности, создаваемой в процессе овладения основами мастерства и профессионализма преподавателем и студентом, выступает тем продуктом, который реализуется студентом в непосредственном педагогическом процессе. Создание интеллектуального продукта в виде проекта авторской системы деятельности характеризует акмеологические технологии с точки зрения инновационной направленности. Проект авторской системы деятельности студента – это теоретическая и экспериментальная модель его практической деятельности, которую он проектирует сам под руководством преподавателя на основе сравнительного наблюдения, анализа и оценки высоко-, средне- и малопродуктивных реальных систем деятельности преподавателей именно в той специальности и профессии, которую он осваивает в вузе. В процессе проектирования авторских систем деятельности на основе синтеза теоретической и практической готовности и возможности использовать знания и опыт их применения в процессе решения имитационно-моделируемых и реальных профессионально-педагогических задач происходит формирование инновационных компетентностей студентов.

В чем же проявляется инновационность в деятельности студенческого педагогического отряда? Системообразующей характеристикой инновационного цикла является процесс от производства идеи до получения серийного продукта. Авторские программы, которые студенты разрабатывают по заявкам субъектов рынка образовательных услуг: организаций, предприятий и других партнеров, выступают именно тем продуктом, который будет реализован ими в непосредственной работе с детьми. Эта особенность – от производства идеи до серийного использования ее на практике – определяет инновационный характер деятельности студенческого педагогического отряда. Те профессионально-значимые новообразования, которые приобретают студенты

при работе с детьми, реализуя инновационные образовательные и воспитательные услуги, свидетельствуют о формировании и развитии компетентностей будущего педагога [10].

Участие студентов в практико-ориентированной деятельности способствует формированию у них навыков творческой реализации полученных знаний и умений, помогает овладевать методологией научного поиска, приобрести исследовательский опыт. Привлечение к творческой, исследовательской и аналитической работе позволяет использовать творческий потенциал молодежи для выработки инновационных подходов к решению актуальных социально-педагогических задач. Студенты получают возможность в реальной практической деятельности применить свои знания, приобрести организационные навыки и инновационные компетенции, накапливать не только опыт самостоятельного решения отдельных вопросов (работая в стабильных коллективах), но и опыт работы, общения в различных (в том числе временных) коллективах, приобретать навыки коллективного принятия решений. Студенческий педагогический отряд обладает значительными возможностями, использование которых в педагогических целях реально при наличии инновационной системы подготовки кадров. Ежегодно студентами разрабатывается и внедряется более двадцати авторских программ. Внедрение программ позволяет студентам реализовывать свои профессиональные знания и умения, формировать опыт инновационной деятельности, коммерциализировать интеллектуальные продукты.

Профессиональное становление личности студента через деятельность в студенческом отряде нацелено на формирование и развитие инновационной активности студентов. Важно подчеркнуть, что выполнение разработок, направленных на решение конкретных задач в условиях педагогической действительности, позволяет привнести в образовательный процесс, составляющий основу деятельности сферы высшего образования, элементы практического использования тех теоретических знаний, которые получают слушатели высших учебных заведений в образовательном процессе. Именно в этом процессе достигается реализация инновационного потенциала вуза и осуществляется практическая интеграция деятельности научных школ в эффективное функционирование инновационной инфраструктуры как единого целого. Все это дает основание считать студенческий педагогический отряд эффективной формой организации инновационной среды в педагогическом вузе, позволяющей реально осуществлять инновационный научно-

образовательный процесс, включающий деятельность по коммерциализации интеллектуального продукта студентов.

Подлинно научный характер открытий, воплощенный в результатах интеллектуальной деятельности, может быть обеспечен лишь тогда, когда студенты, молодые ученые проводят исследования в рамках существующих научных коллективов, динамично развивающихся научных школ. Именно здесь проявляется в явной мере необходимое и достаточное условие научно-образовательного процесса вуза – продуктивное взаимодействие профессора и студента [1]. Только лишь в тесном контакте с учеными студенты могут приобщиться к получению и производству инновационных продуктов и услуг. Возлагать надежды на то, что студент самостоятельно сможет генерировать идею и оптимально довести ее до момента коммерциализации вряд ли стоит. Да и не в этом смысл инновационного характера профессиональной подготовки в вузе. Ведь тесное взаимодействие преподавателей и студентов имеет еще более значимый «некоммерциализируемый» воспитательный эффект – воспитание культуры научного поиска, систематичность в работе, уважение к научному труду, воспитание ученого, обладающего современными навыками и компетенциями инновационной деятельности в профессиональной сфере. Именно эта задача соответствовала бы функции активизации инновационной деятельности выпускников педвуза в сфере их профессиональной деятельности, формирования способностей инициировать и реализовывать инновационные проекты.

Список использованных источников

1. Белов, М. С. Инновационное предпринимательство в педагогическом университете / М. С. Белов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2011. – № 1 (14). – С. 279–281.
2. Боинчану, Г. И. Формирование инновационной компетентности преподавателя высшего учебного заведения системы МВД России / Г. И. Боинчану // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2010. – № 3. – С. 44–50.
3. Варданян, Ю. В. Психологические основы развития субъектных свойств студента / Ю. В. Варданян // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 1. – С. 46–50.
4. Зеткина, И. А. Студенческий научно-исследовательский педагогический клуб: опыт организации и работы / И. А. Зеткина, П. В. Замкин // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1. – С. 10–14.
5. Липатова, Н. О. Модель профессиональной компетентности будущего преподавателя иностранного языка / О. Н. Липатова // Психолого-педагогические проблемы современного профессионального образования : сб. науч. ст. – Самара : Универс-групп, 2005. – С. 160–170.
6. Полещенко, К. Н. Развитие и реализация интеллектуального потенциала персонала организации в условиях экономики знаний / К. Н. Полещенко, Е. В. Верхогляд // Молодежь третьего тысячелетия. XXXIII региональная научно-практическая конференция. – Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. – С. 159–163.
7. Сластенин, В. А. Педагогика: инновационная деятельность / В. А. Сластенин, Л. С. Подымова. – М. : Издат-Магистр, 1997.
8. Цырикова, Н. П. Формирование профессионально-педагогической компетентности преподавателя вуза непедagogического профиля в процессе педагогической деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. П. Цырикова. – Магнитогорск, 2007. – 19 с.
9. Шаймакова, Ж. Б. Роль инновационной компетентности в развитии конкурентоспособности преподавателя высшей школы / Ж. Б. Шаймакова // Акмеология. – 2009. – № 2. – С. 38–45.
10. Шмелева, Е. А. Формирование инновационной активности студентов в педагогических отрядах [Электронный ресурс] / Е. А. Шмелева, М. А. Чистякова // Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ. – 2011. – № 68 (04). – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2011/04/pdf/47.pdf>.
11. Шукшина, Т. И. Организационно-правовые основы функционирования научно-образовательного центра в условиях педагогического вуза / Т. И. Шукшина, А. А. Лобанов, Е. В. Шавыркина // Интеграция образования. – 2009. – № 4. – С. 26–28.
12. Шушкевич, С. Н. Анализ инновационных процессов в педагогической теории и практике / С. Н. Шушкевич // Вестник развития науки и образования. – 2009. – № 2. – С. 88–95.
13. Hutmacher, Walo. Key competencies for Europe // Report of the Symposium Berne, Switzerland 27–30 March, 1996. Council for Cultural Cooperation (CDCC) // Secondary Education for Europe Strasburg, 1997.

Поступила 05.08.2011 г.

УДК 101.1 : 316

ББК 87.6

Ю. В. Бурова

J. V. Burova

ЛИЧНОСТЬ В ХРИСТИАНСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ*

PERSONALITY IN CHRISTIAN AND ANTHROPOLOGICAL PARADIGM

Статья посвящена анализу основных категорий личности в рамках богоподобия. Автор утверждает, что образ Божий в человеке составляет неотъемлемое и неизгладимое свойство его природы, богоподобие же есть дело свободных, личных усилий человека.

Ключевые слова: личность, богоподобие, дух, душа, вера, надежда, любовь, творчество, разум, свобода, кротость, смирение и добродетель.

This article analyzes the main categories of personality within the theomorphism. The author claims that the image of God in a person is an inherent and indelible feature of his nature; theomorphism is the cause of free, personal, efforts of a man.

Key words: personality, theomorphism, spirit, soul, faith, hope, love, creativity, intelligence, freedom, gentleness, humbleness and virtue.

Исходной категорией при характеристике человеческой личности в христианском поведении всегда был взгляд на человека как сотворенного по образу и подобию Божьему. Эти две категории составляют основу человеческой сущности вообще: идеал, образец совершенства и его реализация, копия. Следовательно, образ Божий в человеке составляет неотъемлемое и неизгладимое свойство его природы, богоподобие же есть дело свободных, личных усилий человека, которое может достигать довольно высокой степени развития [Мф. 5, 41; Еф. 5, 1–2], но может иногда отсутствовать совершенно [Бт. 6, 3; Рим. 1, 23; 2, 24]. В соответствии с библейским толкованием образа Божия в человеке отображается в его сложной природе: в бессмертии человеческого духа [Прем. 2, 23]; в первоначальной невинности [Еф. 4, 24] и чистоте [Еккз. 7, 29]; в тех способностях, которыми наделен был первозданный человек для познания Творца и любви к Нему; в тех царственных полномочиях, которыми обладал первый человек по отношению ко всем низшим тварям [Бт. 1, 27; 29] и жене [1 Кор. 11, 7], в особенности – в тройственности своих главных душевных сил: ума, сердца и воли, служившей как бы некоторым отображением Божественного Троиинства [Кол. 3, 10].

Ключ для понимания образа Божия в человеке нужно искать в духовной жизни. Она выражается в том, что душа, безустанно ищущая Бога, способна обрести Его в вере, надежде и любви... Это свойство души потому и есть Образ Божий, что в Боге жизнь бесконечна. Никакая эволюция мира не могла бы родить томление о Боге, если бы оно не было заложено Богом. Обыденная жизнь человека наполнена плотской греховностью. Необходимо отрешиться от нее, чтобы проявить духовность. Аскетизм, страдания очищают душу. Стремление к очищению – бесконечная жажда Бога и духовной жизни. Образ Божий постоянно присутствует среди мрака греховности как «великое напоминание». Ничто не может его уничтожить. То, что дано Богом, не может заглушить даже приятие демонических сил, поэтому человек, преисполненный дьявольской греховности, не способен сдерживать мук совести и стремится к мысли о Боге. Иисус Христос постоянно отвечает на вопрос – Можно ли снять с себя грех? Людям сделать это удастся не всегда. В лучшем случае они умирают в надежде на это. Иисус Христос пытается сконструировать такую надежду, которая вместила бы всех людей; всех поняла, простила и приняла. Такова надежда Христа, желавшего жить в мире со всеми. Она вечно притягательна, но оказывается малоспособной к жизни, так как масштабов индивидуальной души для ее реализации недостаточно.

Когда у человека на пути к «всеобщему счастью» действительно происходит крушение надежд быть счастливым, он и идет на

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума в контексте синергично антропологической парадигмы» (ГК № 14.740.12.1351).

преступление, желая достичь мечты. Попытка сохранить себя человеком в данном случае выступает основанием надежды на прощение. Уже покаяние есть попытка очищения, но это еще не прощение.

Христос всем своим учением показывает возможность дальнейшей жизни с чистой совестью только в надежде на что-то прекрасное, так как без надежды нет возможности дальнейшего спасения, а в этом весь смысл духовной жизни человека. Однако упование нередко становится предтечей веры, чистота и непосредственность которой утрачена в современности.

Человек не раз в жизни осознает мучительность веры, возможно, понимая, что необходима простота в вере. Жить нужно вопреки логике доказательств, отсюда все мучения веры. Чтобы пройти «через горнило сомнений», нужна сила, которую дают христианская любовь и надежда. Ущербность человека не в том, что он не может искренне поверить в Бога, а в том, что он отказывается уже существующему внутреннему убеждению, не отваживается в своей вере положиться на заранее заложенные чувства и сделать их точкой отсчета.

Искание Бога рождает творчество, так как Бог – Творец всего видимого и невидимого. Человеку дается все та же способность к творчеству. В тех людях, у которых есть дар, присутствует образ Божий. Самые яркие среди всех это те, кто способен любить людей и чувствовать их души. Есть и другая крайность – творческое бесплодие сатаны. В Библии сказано: «Без Меня, сказал Господь, не можете творить ничего» [Иоанн. 15, 5]. Значит, человек, теряющий образ Божий, творчески бесплоден. Это распавшаяся личность, не способная к духовной жизни и творчеству. Опыт показывает, что ложная идея, охватившая целиком человека, ведет его к беснованию, к распаду личности.

Путь добра, заложенный духовной жизнью человека, возможен только в условиях свободы. В христианской антропологии свобода не есть постоянный выбор между добром и злом, так как свобода и добро едины в Боге. В человеке объективная возможность выбора открывается в бесконечности: добро не есть природная сила, добро есть жизнь в Боге. Люди не могут сказать, что реальность бесконечности не давит. Человеку свойственно уходить от Бога вместо того, чтобы идти к Нему. Однако видение Бесконечного освобождает от давления эмпирического мира, то есть открывает возможность выбора. Это свобода разума. Свободным человека делает Истина. Чтобы стать свободным, нужно принять Истину не насильственно, а добровольно. Бог дал человеку

свободу, но человек должен принять Бога свободно. В этом добровольном приятии Христа – смысл веры. В противном случае эта идея перерождается в предопределение, что принято католичеством, но отвергнуто православием вслед за тремя искушениями Христа в пустыне.

Свобода мучительна потому, что следование по ее пути лежит через тьму, бездну, раздвоение. Это путь сомнений и испытаний. Коммунистическая идеология предлагает сократить и облегчить этот путь, но это ведет к ограничению и отнятию свободы.

Христос отвергает чудо, тайну и авторитет, так как они лишают человека свободы в выборе, делают его рабом. Не от чуда, тайны и авторитета должна быть вера, а от веры должны рождаться чудо, тайна и авторитет. Тогда вера свободна, а человек деятелен на пути следования Христу. А в этом свободном следовании и раскрывается образ Божий в человеке.

Рожденный Богом разум всегда стремится к своему пределу. Христос – идеал земного человека, демонстрация того предела, к которому идет человечество в своем развитии. При таком подходе исчезает противопоставление земной и вечной жизни человека, личности и Бога, пребывающего в вечности, утверждается следование по пути принятия Бога через идеал Христа.

Важным условием значимости Христа для человечества как идеала и цели исторического развития является факт преодоления им проклятия смерти. Идея воскресения Христа выступает вторым и самым главным аспектом его божественной природы, который должен осмыслить человек. Вокруг этой проблемы концентрируются почти все размышления о роли Христа в истории человечества и значении его образа для каждого человека. Воскресение Христа является залогом грядущего возрождения каждого человека, его бессмертия. Это позволяет признать человека причастным к Абсолюту.

Рассмотрение вопроса о подобии Божьему в историко-культурных учениях не находит своего отражения. Рассматривая исходную фразу о сотворении, следует обратить внимание на то, что человек сотворен лишь «по Образу» Божию, но не добавлено «и подобию», чем окончательно утверждается правильность мнения, что только один образ Божий составляет врожденное качество природы человека, богоподобие же – нечто отличное и зависит в той или иной степени от свободного, личного развития человеком свойств этого Божественного Образа по пути приближения к Первообразу. На земле человек реализует свое богоподобие и решает этот вопрос прежде всех других.

Осмысление вопроса о богоподобии находим у Иоанна Златоуста: «Прежде я сказал, что язык наш есть рука, касающаяся ног Божьих; теперь же еще более скажу: язык наш подражает языку Христову, если прилагает надлежащее старание о том, чтобы произносить угодное Ему. Какие же слова по Его воле мы должны произносить? Слова, преисполненные милосердия и кротости, подобные тем, какие Он произносил к своим оскорбителям... Если и ты так говоришь, если говоришь для исправления ближнего, то имеешь язык, подобный языку Его. Это подтверждает и сам Бог: аще изведеш честное от недостойного, яко уста Моя будеш (Иереем., XV, 19). Итак, когда язык твой будет подобен языку Христову, и уста твои будут как уста Отца, и когда ты соделаешься храмом Духа Святаго, то какая честь может сравняться с этою? Не так бы блистали уста твои, если бы они были из золота, и драгоценных камней, как они блистают, будучи украшены скромностию» [3, с. 789].

Итак, опираясь на слова Иеремии, Иоанн Златоуст говорит, что человек в стремлении к своему пределу преодолевает зло на пути к добру. И в этом случае он уподобляется Христу. Смирение, кротость и добродетель есть великое оружие, при помощи которого Христос преодолевает искушение дьявола. Реализация человеком смирения, кротости и добродетели возможна прежде всего в словах и через слова, так как речь есть непосредственное отражение сознания. Чистота речи свидетельствует о чистоте сознания. Человек, отошедший от подобия Божьего, не приемлем Богом потому, что Бог не слышит его. В связи с этим Устам Бога есть единственная возможность спасения.

Размышляя над сущностью слова, П. А. Флоренский говорит о магичности. Для него слово – «...порождение всего нашего существа в его целостности, есть действительно отображение человека» [4, с. 270]. Исходящее от человека слово обладает определенным зарядом энергии и реализуется в том человеке, к которому оно обращено. Слово концентрирует энергию духа. Отсюда самое сильное оружие – Имя Бога, которое тождественно Славе Бога. Вспомним слова Давида: «Ты идешь с оружием, а я во Имя Господа». Призывая Имя Бога, человек в состоянии противостоять злу. Благословляя или проклиная Именем Бога, человек является лишь орудием для действия. Способность к слову реализуется в жизни в антиномии противостояния Уст Бога и уст дьявола (учение Иоанна Златоуста) с силой, о которой говорит П. А. Флоренский.

Слово Божие, влияя на сознание человека, способствует воплощению и приближению

людей к Устам Бога. Образ Божий, изначально присутствующий в каждом человеке, реализуется соразмерно принятию Божественной истины, о чем уже было сказано выше. Однако следует сказать о подобии. Уста Бога как подобие Божие рассматриваются Иоанном Златоустом в связи со смирением, кротостью и добродетелью, реализующимися через слово как отражение мышления. Высшее добро человека – смирение. Подлинное смирение ничем не выражается; сущность его состоит в полном отсутствии гордости, честолюбия и колкого самолюбия, в склонности забывать о своем «Я» и относиться ко всем людям как к равным себе и друг другу. При этом на первый план выдвигается участие в чужой жизни.

Если Уста Бога привлекают в человеке, то уста дьявола отталкивают. Лукавство речи соблазняет и разрушает собеседника. Когда встречаемся с уже распавшейся личностью, то замечаем, что она всех вводит в обман и ложь. Отсюда самое страшное зло есть изолгание бытия.

В связи с вышеизложенным, мы можем определить, что основные положения христианско-антропологической парадигмы решаются в конкретных идеях:

- а) человек – это личность, созданная по Образу и подобию Бога;
- б) Образ Божий являет себя верой, надеждой, любовью, даром творчества, разумом, свободой, в которых мы видим проявления духовной жизни в нас;
- в) Богоподобие достигается через кротость, смирение и добродетель;
- г) личность реализует себя в единстве духа и плоти, причем утверждается примат духа над телом, поэтому возможно и доминанция начала, способного к греху, под воздействием искушений и страстей, и – спасение через веру, через путь, указанный Богом. Положительно-прекрасное бытие зависит непосредственно от выбранного личностью пути.

Таким образом, в своем становлении необходимо исходить из мысли об образе и подобии Божьих, считая, что правильное учение о душе человека, о человеке вообще не может быть построено без учения о духовной жизни в нас, пронизывающей все стороны нашего существа, освещающей все его движения. Духовная жизнь в нас не только ни из чего не выводима, но, наоборот, является источником смысловой насыщенности нашей душевной жизни. Мы не только не являемся собственниками духовной жизни, но наше «Я», наша личность жива в силу проницаемости ее для безостановочного потока духовной жизни.

Список использованных источников

1. Библия / Московская патриархия. – М., 1992. – 1372 с.
2. Зеньковский, В. В. Об образе Божиим в человеке / В. В. Зеньковский // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – С. 147–161.

3. Иже во святых отца нашего Иоанна Архиепископа Константина града Златоустаго избранные творения: толкование на святого Матфея евангелиста / Издат. отдел Москов. патриархата. – М., 1993. – 902 с.
4. Флоровский, Г. Восточные отцы IV–VIII вв. / Г. Флоровский. – Париж, 1933. – 244 с.

Поступила 10.09.2011 г.

УДК 101.1 : 316 (045)
ББК 87.6

В. И. Гасиев
V. I. Gasiev

**СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ*****FORMATION AND FUNCTIONING
OF THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA**

Рассмотрены основные тенденции становления российской системы высшей школы. Проведен сравнительный анализ российского и американского высшего образования.

Ключевые слова: система высшего образования, реформирование, образовательные системы, социальная функция образования.

The article considers basic tendencies of formation of the Russian system of higher education. The comparative analysis of the Russian and American higher education is given.

Key words: higher education, reform, educational systems, social function of education.

Реформирование системы высшего образования России, происходящее под влиянием всесторонних экономических и социально-политических реформ, требует анализа перспектив и целей, которые могут быть достигнуты. Уже не вызывает сомнений предположение, что российское высшее образование активно подталкивается к американской модели системы высшего образования. США диктуют правила игры не только в сфере экономики, но и на рынке образовательных услуг. Достижения американской высшей школы создали для отечественных чиновников иллюзию о том, что, скопировав структуру, методику и технику высшего образования США, наше страна добьется образовательного прорыва.

Однако представляется необходимым проведение сравнительного анализа различных образовательных систем с целью выявления наиболее удачного варианта реформирования российской высшей школы.

Историю развития образования в США можно охарактеризовать как последовательное претворение в жизнь положения о том, что образование является залогом будущего процветания. Вместе с тем на протяжении всей истории развития системы образования соблюдался принцип самостоятельности колледжей и университетов, а также свободы выбора студентом программы для обучения. Таким образом, на конец XX века треть работающего населения американских штатов имело высшее образование и около трети – незаконченное высшее. Функционировало в стране в указанный период более 3 500 высших учебных заведений, из которых 1 500 были государственными.

Реформирование высшей школы России кардинально изменило порядок поступления

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума в контексте синергично антропологической парадигмы» (ГК № 14.740.12.1351).

абитуриентов в вуз. Можно увидеть аналогию в приеме в американские университеты, который основывается на комплексной процедуре. Эта процедура, как правило, включает в себя: учет результатов одного из национальных тестов, которые проводятся независимыми организациями; сочинение, направляемое абитуриентом вместе с заявлением, в котором он обосновывает выбор учебного заведения; анализ оценок школьного аттестата и т. п. Тестирование американских выпускников школы является платной процедурой. Стоимость одного теста составляет порядка 30 долларов, а заявления от 20 до 100 долларов. Престижные университеты объявляют минимальную сумму баллов по национальным тестам, которая является необходимой для приема заявления.

В США сложилась разноуровневая система образования после школы: ассоциативный уровень, бакалавриат, магистратура, докторантура. Если проецировать на российскую модель, то фактически высшим образованием является бакалавриат со средним сроком обучения 4 года. Ассоциативный уровень (2-летнее образование) во многом соответствует понятию «незаконченное высшее образование» в России. На этих уровнях обучается абсолютное большинство студентов, основная часть из которых на этом заканчивает свое образование.

Магистратура является следующим уровнем, срок обучения в ней может продолжаться от 1 года до 7 лет, но в среднем 2 года. По ее окончании присваивается степень магистра, и на этот уровень образования отбираются только наиболее способные студенты, имеющие образование на уровне бакалавра. В проекции на отечественную систему образования магистратура схожа с российской аспирантурой. Последний уровень в американской образовательной системе – докторантура, обучение в которой заканчивается присвоением степени доктора философии или доктора наук. Срок обучения в докторантуре составляет 3–4 года. Уровень требований к написанию докторской диссертации близок к требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук в российской системе.

Становление российского образования имеет глубокую историю. Самые ранние сведения о системе образования России относят к XV веку, когда существовала система обучения грамотности священнослужителей. Первое высшее учебное заведение в России, Киевская академия, было основано в начале XVII века. Затем в 1700 г. Петром Первым основывается школа математических и навигационных наук. В дальнейшем открыты артиллерийская, адмиралтейская, ин-

женерная и горная школы. Первый российский университет учрежден в 1724 году в Санкт-Петербурге в составе Петербургской академии наук. К этому моменту в Европе уже было открыто более 100 университетов.

К концу XIX века сложилась иерархическая система учебных заведений России, в которой высшими учебными заведениями являлись университеты.

Обучаться в университетах могли выпускники классической гимназии, окончившие все восемь классов. В университетах, как правило, функционировали четыре факультета: историко-филологический, юридический, физико-математический и медицинский. Всего в конце XIX века в университетах обучалось более 25 000 студентов.

В советский период развития системы высшего образования привнесено много нового. В 1918 году к 11 российским университетам, существовавшим до октябрьской революции, прибавились еще 11. В 1923 году число вузов достигло 250, а число студентов составило более 200 тысяч человек. В дальнейшем число студентов, за исключением периода войны, неуклонно и быстро возрастало. В современной России в первой половине 1990-х годов произошел некоторый спад числа студентов: 1991 – 2,7 млн., 1992 – 2,6 млн., 1993 – 2,5 млн., который к концу века оказался преодоленным: 1996 – 2,8 млн., 1997 – 3 млн., 1999 – 3,7 млн. человек. При этом число государственных вузов выросло с 514 в 1990 году до 590 в 1999 году. Ситуация в негосударственном секторе образования сильно напоминает тенденцию в системе высшего образования в США в XIX веке, когда существовала фактическая продажа дипломов о высшем образовании. В настоящее время все государственные учебные заведения России имеют отраслевую принадлежность. Половина из них относится к ведению Министерства образования, а остальные к отраслевым министерствам – здравоохранения, сельского хозяйства, транспорта, внутренних дел и т. п.

Следует отметить такие отличия системы высшего образования России от системы высшей школы США, как:

- 1) огромное превосходство американской высшей школы по объемам финансирования и материально-технической оснащенности;
- 2) фундаментальность и систематичность российского образования (которое нельзя терять) в сравнении с высшим образованием в США;
- 3) целостность российского образования, развитая система междисциплинарных связей, а также последовательность преподавания дисциплин;

4) отсутствие гибкости в изучении дисциплин в российской системе и невозможность выбора преподавателя;

5) перегруженность образовательного процесса в российской системе;

6) превалирование аудиторной нагрузки российских студентов и занижение роли самостоятельной работы, следовательно, способности самостоятельного принятия решений;

7) неопределенность целей российского высшего образования и зависимость его развития от конъюнктурных условий функционирования.

Список использованных источников

1. Система образования РФ : сб. стат. данных. – М. : Министерство образования РФ, 2000.
2. Кинелев, В. Г. Объективная необходимость / В. Г. Кинелев. – М. : Республика, 1995.
3. Рыбников, К. А. Математическое образование и наука в США / К. А. Рыбников. – М. : МГУ, 1997.
4. Федоров, И. Б. Высшее профессиональное образование. Мировые тенденции / И. Б. Федоров, С. П. Еркович, С. В. Коршунов. – М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1988.
5. Жуков, В. И. Российское образование: проблемы и перспективы развития / В. И. Жуков. – М. : Финстатинформ, 1998.

Поступила 16.09.2011 г.

УДК 101.1 : 316
ББК 87.6

Т. А. Жукова
T. A. Zhukova

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

FORMATION OF SOCIOCULTURAL QUALITIES OF PERSONALITY IN THE SYSTEM OF SOCIOCULTURAL EDUCATION

В статье рассматривается роль социокультурных качеств личности в эпоху глобализации, подчеркивается значимость интеграции в образовательном процессе с целью их формирования.

Ключевые слова: социокультурные качества, социокультурное образование, интеграция, глобализация.

The article discusses the role of sociocultural qualities of personality in the age of globalization. It emphasizes the importance of integration in educational process for their formation.

Key words: sociocultural qualities, sociocultural education, integration and globalization.

Процессы глобализации, вызванные развитием интегративных тенденций во всех сферах человеческой жизнедеятельности, обуславливают необходимость формирования социокультурных качеств личности. Формирование личности, способной к успешной интеграции в мировое сообщество, умеющей реализовываться в различных социокультурных системах, становится одной из приоритетных целей современного образования. Вместе с этим значимым на сегодняшний день

является также создание условий сохранения и умножения культурных и духовных ценностей российского народа; укрепление российской нации при сохранении ее этноконфессионального многообразия, гражданского мира и согласия. Иными словами, способность личности к функционированию как в своей, так и иной социокультурной среде, несомненно, определяет смысл понятия «социокультурные качества» [2].

Как известно, качество определяет степень удовлетворения некой потребности (потребности в деятельности, потребности в общении и т. д.); может рассматриваться как совокупность характеристик субъекта или объекта, относящихся к его способности удовлетворять определенные и планируемые потребности. В связи с этим, говоря

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума в контексте синергично антропологической парадигмы» (ГК № 14.740.12.1351).

о социокультурных качествах личности, необходимо их рассматривать как обобщенные свойства, представляющие единую интегративную систему, включающую следующие компоненты:

1. Содержательный – предполагает наличие у человека теоретических знаний о различных социокультурных системах, их специфике; знания об общем и культурно-специфическом в моделях развития различных стран и цивилизаций; знания о различных исторических этапах стран, социальных слоев общества.

2. Деятельностный – включает знания и умения, апробированные в действии, освоенные личностью как наиболее эффективные для интеграции в иной социокультурной среде, а также готовность представлять свою страну и ее культуру с учетом возможной межкультурной интерференции со стороны слушателей, предвосхищая причины возможного недопонимания и снимая их за счет выбора адекватных средств речевого взаимодействия.

3. Личностный – включает личностные качества, определяющие позицию и направленность индивида и субъекта деятельности, уровень его ответственности, сознания и мышления при интеграции в иной социокультурной среде.

Ясно, что из простой суммы данных компонентов «сформировать» данные качества личности не удастся, поскольку они формируются на основе создания собственного практического опыта и его тщательного анализа.

К сожалению, реальность свидетельствует о том, что в настоящее время практически во всех сторонах социальной и культурной деятельности человека в его сознании прочно утвердилось представление об исключительности только своего социума и освобожденности его от подчинения социокультурным закономерностям. В появившихся националистических организациях в нашей стране («Москва – Третий Рим», «национально-державная партия России», «Славянский союз») идея, представляющая русских богоизбранным народом, является доминирующей [1].

Возникновение данной проблемы в первую очередь связано с тем, что до сих пор образование не было направлено на формирование социокультурных качеств личности. Сложность их формирования связана с тем, что до сих пор на первое место выходило информирование личности обучаемого о реалиях различных социокультурных сред, а не ее умение разрешать проблемы, возникающие в различных ситуациях: в осознании и объяснении явлений действительности; во взаимоотношениях людей, в этических нормах, при оценке собственных поступков; в практической жизни при выполнении социальных и социокультурных ролей (эмигрант, турист

и т. д.); в правовых нормах и административных структурах, в потребительских и эстетических оценках; при необходимости решать собственные проблемы жизненного самоопределения, самореализации в современном мировом сообществе, способов разрешения социокультурных конфликтов, разрешения психологических барьеров, возникающих в процессе коммуникации.

Понятно, что научить поведению в подобных ситуациях невозможно. К тому же и термин «научить» в строгом смысле здесь не вполне приемлем. Речь, безусловно, должна идти о «ситуации включения» (Б. Д. Эльконин). Слово «включение», употребляемое им, означает оценку ситуации, проектирование в ней действий и отношений, которые требуют тех или иных решений.

Известно, что каждый человек из совокупности внешней информации выбирает только ту, которая может быть усвоена, не разрушая и не внося существенного разлада в его душевную жизнь. Однако охрана сложившегося представления о мире препятствует творческому процессу, обращенному к пониманию нового. Поэтому возникает задача освобождения от влияния защиты, деформирующей поступающую новую информацию, с одной стороны, и выработка рационального поведения (деятельностный), основанного на эмпатии, толерантности по отношению к представителям иных социокультурных сред, с другой.

Формирование их возможно при условии усиления централизаторских тенденций, объединительных и консолидирующих мотивов при конструировании новой образовательной системы (системы социокультурного образования), носящей интегративный характер. Обучение осмысленному пониманию индивидуальности каждого отдельно взятого социума, ценностей каждого из них, необходимости понимания сохранения всего мирового сообщества, значимости осознания механизма взаимопроникновения личности и социума, а также системы социумов друг в друга должно стать всеобщим. Целенаправленные работы в области социокультурного образования ведутся в нашей стране вот уже несколько десятков лет. Однако трудно говорить о каком-либо улучшении.

На пути к цельной дескрипции человека, основанной на парадигме размыкания (системы включения и выключения), лежит еще ряд этапов обобщения. Существовавшая до сегодняшнего дня модельная система, призванная формировать модельное мышление, является далеко не самым высоким и углубленным способом познания. Так мы рассматриваем определенные социокультурные явления, подбираем способы их адекватного описания с точки зрения нашей «системы координат» или нашей ментальности. Так двигается моделирующее, системно-модельное восприятие

и мышление, которое в малой степени будет способствовать формированию социокультурных качеств личности. Потому, вероятно, необходимо обращение к основам социокультурной антропологии, когда антропологическая дескрипция интерпретируется как модель, но в основе которой заложен принцип конституции человека. Антропологическое размыкание конститутивно и, следовательно, произвольные антропологические проявления так или иначе определяются реализующими его проявлениями, иными словами, восприятие иной культуры как устойчивой и неизменной модели невозможно.

К сожалению, «узкое» представление о культуре иной страны норма для многих народов. Наше непонимание важности познания культуры иных социумов, несомненно, приведет к развитию и активному распространению социокультурного кризиса на планете, порожденного социокультурными аномиями. Попытки найти выход из сложившейся ситуации приводят нас к проблеме, связанной с ослаблением значимости и роли гуманитарного образования, которое является определяющим при изучении иной культуры.

Известно, что исходным элементом при конструировании продуктивного диалога является язык. Многоязычие – это закономерность сосуществования этнических групп в мультинациональной среде. Языковая коммуникация определяется как следствие основного свойства языка: свойства формирования субъекта высказывания. Однако субъект не является «абсолютным

хозяином над смыслом, который он хочет придать своим словам, нельзя быть абсолютным хозяином смысла высказывания, история и бессознательное вносят свою непрозрачность в наивное представление о прозрачности смысла для говорящего субъекта» [3]. Вот почему основу системы социокультурного образования составляет гуманитарное (языковое) образование и его интеграция с другими видами образования. Это становится возможным при условии конструирования образовательного процесса на основе применения интеграции. Вместе с тем интегративный характер образования определен интегративным характером социокультурных качеств личности, единением, взаимосвязанностью и взаимообусловленностью трех его компонентов.

Обобщая изложенное выше, стоит еще раз подчеркнуть роль социокультурных качеств личности в эпоху активных социокультурных взаимодействий и значимость интеграции в образовательном процессе с целью их формирования.

Список использованных источников

1. Грицанов, А. А. Новейший философский словарь / А. А. Грицанов. – М. : Современный литератор, 2007. – 251 с.
2. Эльконин, Д. Б. Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. – М. : Педагогика, 1989. – 554 с.
3. Sapir, E. The psychology of Culture: a course of lectures / E. Sapir, Ed. Irvine J.T. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1993. – 266 p.

Поступила 16.09.2011 г.

УДК 101.1 : 316
ББК 87.6

О. И. Немыкина
O. I. Nemykina

СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ВИРТУАЛИЗАЦИЯ*

STRATEGY OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND VIRTUALIZATION

Одним из наиболее существенных направлений современной философской мысли является анализ проблем, связанных с виртуализацией основных сфер жизни общества. Возрастающая научная значимость этой проблемы обуславливается преимущественно ее всеобъемлющим воздействием на все сферы общественной жизни и личность человека, а также необходимостью обеспечения устойчивого безопасного развития общества. В статье рассматривается процесс устойчивого безопасного развития в контексте виртуализации процессов общественной жизни.

Ключевые слова: устойчивое развитие, общественное развитие, виртуализация.

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума в контексте синергично антропологической парадигмы» (ГК № 14.740.12.1351).

One of the most essential directions of modern philosophical thought is the analysis of the problems connected with virtualization of the basic spheres of life of a society. The increasing scientific importance of this problem is caused mainly by its universal influence on all spheres of public life and personality, and also necessity of maintenance of steady safe development of a society. The article considers the process of steady safe development in a context of virtualization of processes of public life.

Key words: sustainable development, social development, virtualization.

Компьютеризация и виртуализация повседневной жизни современного общества вводит свои коррективы в стратегию устойчивого развития.

Сегодня во всех сферах жизни современного человека можно наблюдать виртуальное замещение практически. Это дает основание для целостного описания социокультурных изменений рубежа XX–XXI вв. как процесса (процессов) виртуализации основных сфер общества. Формируется целостная реальность виртуального характера, замещающая в качестве компьютерных образов реальных вещей и поступков.

С появлением работ М. Маклюэна [7], К. Келли [3], Дж. П. Барлоу [2], Т. Лири [6] о четырех типах культур стало возможным говорить о специфике самоорганизации своеобразного виртуального мира – мира медиа, «кнопочной культуры» телевизора, компьютера, Интернета, который не только выступает как средство передачи информации или взаимодействий, но и обладает собственной смыслообразующей, мирообразующей тенденцией, порождающей специфические культурные практики, для осмысления которых философам и культурологам надо искать новые языки и методы, форму этой деятельности и согласованность в виде производства и воспроизводства стереотипов мышления, концептуальных схем, символов, смыслов, методологий.

Виртуализация – свойство, которое лежит в основе виртуального, возникающее в результате взаимодействия определенных элементов объективной и субъективной действительности (элементов сознания, компьютера и человека), при наличии определенных естественных и (или) искусственно созданных условий, в результате чего возникают потенциальные пространственно-временные относительно самостоятельные образы, замещающие реальность.

Разработка концепции виртуализации как теоретической модели трансформации общества предполагает решение трех задач. Во-первых, для того чтобы иметь основание использовать понятия «реальное» и «виртуальное», нужно проследить генезис социальной реальности. Поэтому предлагаемая концепция виртуализации общества открывается анализом возникновения феномена социальной реальности в ходе изменения общества и ее парадоксальной трансформации в условиях социокультурного сдвига от

индустриального общества к информационному. Во-вторых, для того, чтобы построить модель общественных изменений как сдвига от «реального» к «виртуальному», необходимо обобщение разнообразных эмпирических тенденций. Решением этой задачи является социально-философское ядро предлагаемой концепции, которое представляет собой ряд описаний процессов, наблюдаемых в различных институциональных сферах общества рубежа XX–XXI вв. и обнаруживающих виртуализацию как единый принцип – образец общественных изменений. В-третьих, для того чтобы определить теоретический статус концепции виртуализации, надо сопоставить ее с используемыми в современной социологии и философии моделями трансформации общества, в первую очередь со стратегией устойчивого развития.

Прежде чем говорить об основах виртуализации общественных изменений, следует определить сущность устойчивого развития как стратегии выживания современного общества.

Впервые мировое сообщество узнало о стратегии устойчивого развития в 1992 г. из материалов Международной конференции по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. Всемирный саммит по устойчивому развитию, состоявшийся в сентябре 2002 г. в Йоханнесбурге, объявил переход человечества к устойчивому будущему. Начался новый всемирно-исторический процесс, ставящий стратегические цели выживания человечества и сохранение биосферы через реализации принципов стратегии устойчивого развития. ООН также объявила о декаде (десятилетии) формирования образования для устойчивого развития. Новая цивилизационная парадигма строилась не одно десятилетие. Во второй половине XX в. стало ясно, что стихийный естественно-исторический процесс ведет не к очередному светлому будущему, а к глобальной антропологической катастрофе, трагический финал которой может состояться уже в XXI в.

Переход к модели устойчивого развития требует дальнейшего научного обоснования и постепенной, но весьма активной реализации. Одно из первых обоснований и характеристик устойчивого развития было дано в книге «Наше общее будущее», написанной экспертами Международной комиссии по окружающей среде и развитию ООН и изданной в 1987 г. [8]

Научное обоснование концепции устойчивого развития, на наш взгляд, прошло ряд этапов. Начальным этапом все-таки послужили доклады Римского клуба, следующим этапом – доклад международных экспертов «Наше общее будущее». Еще одной стадией выступили документы Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, хотя понятно, что здесь больше политических аспектов, нежели научных, что и выявилось спустя десять лет на Всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоханесбурге.

Термин «устойчивое развитие» получил широкое распространение после публикации доклада, подготовленного для ООН в 1987 г., специально созданной в 1983 г. Международной комиссией по окружающей среде и развитию [8]. В русском издании этого доклада английский термин «sustainable development» переведен как «устойчивое развитие», хотя слово «sustainable» имеет и другие значения: «поддерживаемое, самоподдерживаемое», «длительное, непрерывное», «подкрепляемое», «защищаемое».

На ЮНСЕД широко использовалась трактовка, приведенная в книге «Наше общее будущее»: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [8]. Она подвергалась критике за нечеткость и антропоцентричность. Отмечалось, что определение понятия «устойчивое развитие» должно в явной форме включать в себя представление о сохранении окружающей природной среды. Вот почему из имеющихся дефиниций надо устранить даже скрытые намеки на деградацию как человечества, так и биосферы. В некоторой мере это сделано в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Под устойчивым развитием в ней подразумевается «стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы» [Цит. по: 5]. Далее это представление конкретизируется: «Улучшение качества жизни людей должно обеспечиваться в тех пределах хозяйственной емкости биосферы, превышение которых приводит к разрушению естественного биотического механизма регуляции окружающей среды и ее глобальным изменениям» [Цит. по: 1, с. 17].

Сама по себе идея перехода к устойчивому развитию заключается в выживании человечества в условиях сохранения биосферы. Поскольку современное развитие цивилизации не обеспечивает реализацию этих целей, требуется смена курса развития, с чем согласились все страны, входящие в ООН.

Упомянутая выше Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию была представлена Правительством РФ и утверждена Указом Президента РФ № 440 от 1 апреля 1996 г. В данном документе было отмечено, что «следуя рекомендациям и принципам, изложенным в документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992), руководствуясь ими, представляется необходимым и возможным осуществить в Российской Федерации последовательный переход к устойчивому развитию, обеспечивающий сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей» [9].

Данная Концепция была принята по рекомендации ЮНСЕД, в документах которой правительству каждой страны предлагалось разработать и утвердить свою национальную стратегию устойчивого развития.

Именно после ЮНСЕД стало ясным, что необходимо коренным образом изменить модель развития человечества и даже непосредственно способ жизнедеятельности каждого человека, провести самые кардинальные за всю историю человечества цивилизационные трансформации, которые обеспечили бы его выживание.

Весь мир, и Россия в том числе, стоит на пороге третьей (после аграрной и индустриальной) цивилизационной революции, не менее, а может быть, и более фундаментальной, чем две предыдущие. Стратегию устойчивого развития невозможно создать, исходя из традиционных общечеловеческих представлений и ценностей, стереотипов мышления. Она требует выработки новых научных и мировоззренческих подходов, соответствующих не только современным реалиям, но и предполагаемым перспективам развития в третьем тысячелетии.

Понятие устойчивого развития должно определяться через два его основных признака – антропоцентрический и биосфероцентрический. Под антропоцентрическим признаком в широком смысле подразумевается выживание человечества (страны) и способность (возможность) его дальнейшего непрекращающегося (устойчивого), непрерывно долгого развития, чтобы наши потомки имели не меньшие возможности удовлетворения своих потребностей в природных и экологических условиях Земли и космоса, чем настоящее поколение (принцип равенства возможностей поколений в плане удовлетворения своих потребностей). Биосфероцентрический (в общем случае – экологический) признак понятия связан с сохранением биосферы как естественной

основы всей жизни на Земле, необходимого условия ее устойчивости и естественной эволюции, так чтобы дальнейшее развитие человечества не происходило в экофобной форме. В книге «Наше общее будущее» отмечается, что «стратегия устойчивого развития направлена на достижение гармонии между людьми, между обществом и природой» [Цит. по: 4]. Этот принцип можно охарактеризовать как принцип коэволюции природы и общества.

Несмотря на то, что мы говорим о научном обосновании идеи и стратегии устойчивого развития виртуальной реальности, сама виртуальная реальность должна также будет трансформироваться в зависимости от приближения к «устойчивому» будущему. В виртуальной реальности тоже должна произойти смена парадигмы развития, она должна стать ноосферно-ориентированной. Перед виртуальной реальностью поставлены новые цели – выживания и выхода из антропоэкологического кризиса, решения глобальных проблем и устранения негативных черт глобальной виртуальной реальности через переход к устойчивому развитию и становление ноосферы. От того, в какой мере виртуализация общества поможет осуществить эти цели, зависит наше будущее.

Говоря о становлении ноосферной виртуальной реальности, мы имеем в виду, конечно, ее будущее состояние, соответствующее ноосфере, которая вначале будет формироваться через устойчивое развитие. Переход от модели ноосферного устойчивого развития к новой цивилизационной модели будет содержать определенные черты ноосферогенеза, но об этом последнем можно будет говорить лишь на более поздних этапах движения по пути устойчивого развития. Само это развитие, несмотря на предполагаемые качественные изменения в широком историческом плане, будет представлять собой эволюционный процесс, поскольку должно обеспечить безопасность существования человеческого рода, достаточно плавный переход на новую магистраль поступательного движения. Поэтому мы считаем, что наряду с системным видением данного процесса важно исследовать наше общее будущее в его становлении в качестве различных типов эволюции виртуализации общества.

Принципиально важным для ноосферного подхода является исследование динамики социоприродной системы «человек – общество – природа – виртуальная реальность» не просто в ракурсе связи времен (прошлого – настоящего – будущего – виртуального), но и оптимизации этой связи и акценте на будущем, что совпадает с направленностью стратегии устойчивого развития

на защиту интересов будущих поколений. Такой акцент необходим прежде всего потому, что требуется достаточно решительно отойти от классических схем видения эволюции и описывающей ее истории (в том числе как чисто стихийного процесса) и рассматривать историю цивилизации лишь в социальном аспекте в модели устойчивого развития.

Модель социоприродного устойчивого развития уравнивает развитие человечества во времени, исходит из того, что конец истории в форме планетарного омницида не должен наступить, следовательно необходимо изменить форму (стратегию) цивилизационного процесса. В этом смысле модель устойчивого развития как социоприродного процесса, если она реализуется, позволит удовлетворять потребности как нынешних, так и будущих поколений людей в природных, информационных ресурсах и экологических условиях.

Вышесказанное позволяет определить устойчивое развитие как стратегию социоприродного развития, которая обеспечивает выживание и непрерывный прогресс общества на базе виртуальной реальности и не разрушает окружающую природную среду, особенно биосферу. Поэтому будущая история (в том числе всемирная и универсальная) – это не отдельные истории природы и людей. Речь должна идти о принципиально новых эволюции и истории – социоприродной эволюции и социоестественной истории, т. е. истории формирующейся системы «человек – общество – природа – виртуальная реальность».

Итак, термин «виртуализация», на наш взгляд, не только адекватно отражает изучаемый феномен с позиций информатизации, но и обладает значительным эвристическим потенциалом для дальнейшей концептуализации трансформационных процессов в жизни современного социума и обеспечения его устойчивого развития.

Список использованных источников

1. Аннан, К. А. Предотвращение войн и бедствий: глобальный вызов растущих масштабов : годовой доклад о работе ООН за 1999 год / К. А. Аннан. – Нью-Йорк, 2000. – С. 17.
2. Барлоу, Дж. П. Декларация независимости киберпространства / Дж. П. Барлоу // «Эйдос» : интернет-журнал. – 1999. – 20 дек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/1999/1220.htm>
3. Келли, К. Вне контроля. Новая биология машин, социальных систем и экономического мира. Ч. 1–2 / К. Келли ; пер. с англ. Е. Н. Фединой // Философия и культура. – 2009. – № 2 (14). – С. 91–108.

4. Концепция коллективной безопасности государств – участников Договора о коллективной безопасности // Безопасность России: правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты : основополагающие государственные документы: в 2 ч. – М., 1998. – Ч. 1.

5. Кузнецов, В. Н. Безопасность через развитие / В. Н. Кузнецов. – М. : Интелтех. – 2000. – 282 с.

6. Лири, Т. Ф. Искушение будущим / Т. Ф. Лири. – М. : Ультра; Культура, 2004. – 448 с.

7. Маклюэн, Г. М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / Г. М. Маклюэн. – Киев : Ника Центр, 2003. – 432 с.

8. Наше общее будущее : доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ. ; под ред. и с послесл. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета. – М. : Прогресс, 1989. – 379 с.

9. Урсул, А. Д. Концепция устойчивого развития и проблема безопасности [Электронный ресурс] / А. Д. Урсул. – Режим доступа: http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philsience/11_01/05_ursul.htm

Поступила 16.09.2011 г.

УДК 101.1 : 316
ББК 87.6

Ю. В. Пустовойт
Y. V. Pustovoit

РЕФЛЕКСИЯ ПРОБЛЕМЫ СТРАХА В ГУМАНИТАРИСТИКЕ*

REFLEXION OF FEAR PROBLEM IN THE HUMANITIES

Данная статья посвящена выявлению базовых подходов к осмыслению проблемы страха в области гуманитарных наук: лингвистического, общеметафизического, конкретно-психологического и этического дискурсов, позволяющих составить целостное представление о феномене «страх» и служащих своеобразным ключом к раскрытию многих дискуссионных проблем современности.

Ключевые слова: страх, гуманитарные науки, лингвистика, экзистенциализм, психоанализ, этика.

The article is devoted to the identification of basic approaches to understanding of the problem of fear in the humanities: linguistic, metaphysical, psychological and ethical discourses, allowing to make a holistic view of the phenomenon “fear” and used as the key opening many controversial problems of contemporaneity.

Key words: fear, humanities, linguistics, existentialism, psychoanalysis, ethics.

Проблема страха в современной науке в разных областях знания – философии, этике, религиоведении, социологии, культурологии, психологии, медицине и пр. является теоретически значимой, поскольку затрагивает одну из глубинных сфер переживаний и преодолений, неотъемлемо присущих человеческой природе. В настоящее время в силу индивидуализации общественной жизни, обособления и отчуждения личности возрастает значимость страха как эмоциональной детерминанты любой человеческой деятельности, что придает весомость

всесторонним научным исследованиям проблемы страха.

Интеграционность проблемы страха предполагает изучение ее с различных позиций. В данной статье мы обозначим базовые подходы, оформившиеся в гуманитаристике и позволяющие, на наш взгляд, составить целостное видение феномена страха.

Философско-феноменологический анализ форм бытия так или иначе опирается на анализ языка, поэтому справедливо выделять лингвистический подход к проблеме страха в качестве базового.

Согласно учению о «внутренней форме» языка как выражении индивидуального мирозерцания народа В. фон Гумбольдта [3, с. 68], именно язык является окном в духовный мир человека, в его интеллект и эмоции; это –

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума в контексте синергично антропологической парадигмы» (ГК № 14.740.12.1351).

средство доступа к тайнам мыслительных процессов и эмоциональных переживаний, человеческой ментальности. Накапливая опыт того или иного социума, язык фиксирует национально-культурную специфику того или иного этноса, его исторический фон, влияющий на восприятие и осмысление мира народа. Все это сейчас принято именовать «языковым характером», который, без всякого сомнения, составляет часть менталитета представителей той или иной культуры. Нельзя не согласиться с В. В. Колесовым в том, что менталитет в узком смысле слова непосредственно связан с логическими операциями суждения на основе понятий, содержащихся в слове [5, с. 13]. Поэтому лингвистическое исследование, предполагающее этимологический и лексикографический способы анализа слова, способствует глубокому и полному анализу феномена страха. Концепт страха анализируется через семантику понятия, что дает возможность в дальнейшем рассмотреть ключевые термины данного исследования. В русском языке слово «страх» является собирательно общим. Оно подчинило себе разбросанность частных, порой амбивалентных ощущений – боязни, ужаса, испуга, опасения, тревоги, собственно страха, страха Божия и др. Этимология [9, с. 62–65] и лексикография выводят на принципиальное для исследования разделение видов страха: страха-боязни (эмоции негативной, парализующей активность, в том числе нравственную) и страха Божия (модуса совести, которая в норме деятельность активизирует, соотносимого с понятием «благочестия»).

В современной гуманитаристике страх полнее всего рассмотрен в своих дисциплинарно крайних – общеметафизическом и конкретно-психологическом ракурсах. В конце 80-х годов XX столетия в российской науке в качестве ведущих и наиболее представительных были отмечены две тенденции в определении феномена «страх», которые зародились в недрах экзистенциализма и психоанализа. В последующие десятилетия исследования, посвященные проблеме страха, прочно удерживаются в намеченном русле, однако предпочтения отдаются экзистенциальному или психологическому подходу.

Страх был поставлен в центр изысканий экзистенциализма, став одной из его основных категорий. Экзистенциализм в лице С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, П. Тиллиха, А. Камю, Г. Марселя, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра и других положил начало в философии определять страх в качестве условия становления человеческого существования, априорной и онтологической формы личности, экзистенциала человеческого

бытия. В метафизике экзистенциализма в «аналитику бытия» оказались включенными такие понятия, как страх, ужас, и т. д., которые раньше по принципиальным соображениям исключались из философской онтологии и отдавались на откуп психологии эмоций или были облекаемы в художественную форму в произведениях искусства различных жанров. Страх был поставлен в центр изысканий экзистенциализма, став одной из его основных категорий. Философская плодотворность страха является крупным антропологическим открытием экзистенциальной философии, пишет О. Ф. Больнов [1, с. 90]. Экзистенциальная философия придала понятию страха онтологический статус. Кьеркегор заложил традицию рассматривать страх в качестве феномена многозначного и неоднородного, разводя понятия Angst и Furcht как формы объективации феномена страха [6]. Если Furcht – это страх психологический, сводимый к боязни какого-либо внутримирного сущего, то есть предметного явления, то Angst выступает как экзистенциал, содержащий в своей глубинной сущности беспочвенность и предметную неопределенность и представляющий собой выходящее наружу чувство тревожности как таковой. Angst онтологичен и самодостаточен; он соотносится с некоей трансцендентной опасностью. Экзистенциалисты утверждают невозможность определения ни сущности Angst, ни тем более его природы, поскольку источником его является Ничто (Кьеркегор, Хайдеггер). С одной стороны, без переживания неизбывного страха-тревоги человек не может состояться как человек; с другой, это переживание имеет, несомненно, мучительный характер, проистекающий из неопределенности страха. В результате констатируется обреченность человека на неизбывное и мучительное переживание страха. Страх здесь выступает признаком некоей психической, душевной болезненности.

Также страх был помещен в фокус всех концепций психоаналитической философии и неопрейдизма. Причиной послужило влияние, оказанное философией экзистенциализма. Психоаналитики (З. Фрейд, Э. Фромм, Ф. Риман, К. Хорни, Р. Эммануэль, В. Бион, Р. Хиншельвуд, К. Рикрофт и др.) вслед за экзистенциалистами стали считать страх исходным основанием бытия сознания, в которое уходят все прочие психологические состояния. Как свидетельствуют классики этого направления в психологии, вся история психоанализа является одной общей попыткой понять, что составляет сущность человеческого страха [12, с. 218].

Экзистенциальный Furcht соответствует в классификации страхов З. Фрейда [10, с. 604–614] страху «реальному». Реальный страх, будучи формой объективации инстинкта самосохранения, выполняет структурообразующую, адаптивную функцию, и потому необходим для правильного функционирования психики и построения поведения. Слабые или умеренные реакции страха побуждают к осторожности и осматрительности в действительно опасных ситуациях. Однако подобные стрессовые ситуации случаются в жизни крайне редко, а страх человек испытывает непрестанно.

Последствием и продолжением экзистенциального Angst выступает онтический невротический страх, полнее всего истолкованный корифеями психоанализа. Страх, с психологической точки зрения, есть эмоция, возникающая в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида, направлен на источник действительной и воображаемой опасности. Хотя страх может выполнять позитивную функцию, когда он побуждает человека к осторожности и осматрительности, многие психологи (К. Изард, В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев) указывают на негативную значимость страха, поскольку основу страха составляет предвосхищение воздействия каких-либо опасных факторов, имеющее следствием мучительное ожидание боли и страдания.

В философской мысли конца XX – начала XXI столетий достаточно прочно закрепилась традиция воспринимать страх сквозь призму психологизма и трактовать его как явление глубоко душевного ряда. Большое значение в развитии философии оказал психологический, по большей мере психоаналитический подход. Поэтому даже современная этическая мысль отталкивается от существующих ныне и доминирующих в человеческом сознании трактовок страха, носящих ярко выраженный психологический характер.

Ставшие общепринятыми в философской науке конца XX – начала XXI веков экзистенциалистский и психологический подходы к определению сущности феномена страха являются наиболее разработанными и, несомненно, авторитетными. Вместе с этим в них отмечается плюрализм, нечеткость определений страха, свидетельствующие о некоторой расплывчатости в понимании сущности страха, некой односторонности в трактовке самой проблемы страха.

Этический подход к осмыслению феномена страха является одним из базовых. Страх

позиционируется в качестве самобытного феномена морального сознания – морального регулятора поступков человека, мощного истока нравственного чувства личности [8]. Тем самым выработанный на протяжении многих десятилетий набор этических категорий, таких как совесть, стыд, долг, ответственность и пр., пополнен еще одной, весьма важной категорией страха. Так, исследование опыта историко-этической аргументации в античной философской традиции и патристике позволяет трактовать определенные модусы страха в качестве основания моральной регуляции поведения людей.

Этическая составляющая страха представляла значительный интерес уже в античную эпоху. В эпоху античности страх воспринимается как стимул человеческих поступков. Именно в этом ключе и выстраивается логика рассуждений о страхе в философских текстах данного периода. Страх в античности онтологичен и тотален, занимая одну из центральных позиций в мировосприятии античного человека в срезе эмоциональном и рациональном. Страх перед удивительным и удивляющим пронизывал самые первые попытки философского осмысления мира, всю жизнь античного человека – грека, позже римлянина. Так, исток философского дискурса, гносеологическая предпосылка Мифа и Логоса древних греков – чувство удивления (το θαυμάζεσθαι), «изумления» (по Шестову) – тесно переплеталось с чувством страха [11, с. 15]. Основными видами страха, присущими мировоззрению античного человека, были экзистенциальные страхи – страх богов, страх смерти и страх судьбы; и социальный страх, объективированный в виде стыда [9, с. 260–262]. Все эти виды в данный период пронизаны преимущественно мифологическими и этическими смыслами и получали осмысление сквозь призму ценностной системы координат эвдемонистической этики.

Этическую модель страха невозможно сконструировать без учета «философии религиозного иррационализма» (термин В. В. Бычкова), представленной в патристической традиции [2, с. 14]. В антропологической плоскости патристики представлен этический взгляд на проблему страха: его природу, формы проявления, действие и значение в человеческом бытии, в том числе и его нравственном аспекте. Человеку, по учению святых отцов, могут быть присущи две разновидности страха: духовный – страх Божий (добродетель, оцениваемая в рамках системы религиозно-этических координат) и душевный – боязнь (страхование). Поскольку учение

отцов и учителей древней Церкви сотериологично, то два вида страха оцениваются сквозь призму спасения: страх Божий спасителен, это одна из важнейших христианских добродетелей; страх-боязнь, напротив, есть грех, следовательно, препятствует спасению души. В функциональном аспекте добродетель страха Божия относится к одному из главных средств, возводящих личность на ступень нравственного совершенства и, следовательно, реализующих христианскую цель жизни. Центральной функцией страха Божия патристические тексты называют удерживание от зла и возрастание в добре, тем самым допустимо говорить о видной роли этой добродетели в механизме нравственного поступка, а также условием и критерием мудрости, мистико-этической способности к познанию сущего. Конститутивно добродетель страха Божия оценивается как неотъемлемый основополагающий элемент в нравственной структуре человека, в зависимости от мотивов богобоязненности (рабского, наемнического и сыновнего) указывающий на степень духовной развития личности. Добродетель страха Господня интерпретирована отцами Церкви в качестве одной из самых значимых для христианства ценностей. Эмпирические проявления страха-боязни, описанные патристикой, аналогичны представлениям о душевном страхе в античной культуре и в полной мере соответствуют современному психологическому взгляду на феномен страха.

Разработка этической модели страха в границах исторического наследия великих культур подтверждает концепцию развития религиозно-философской мысли, расценивающую античную культуру (по А. Ф. Лосеву, «эллинское язычество») и патристику в качестве двух противоположных культурных типов [7, с. 865; 893–894]. Тем не менее в нравственных системах данных самобытных традиций страх расценивался в качестве этического феномена. Изучение проблемы страха в рамках античной и христианской мировоззренческих систем позволяет сделать вывод о доминантной роли страха и в прошлые столетия, в те времена, когда были

сформулированы стержневые идеи современной этической культуры и сформированы базисные основания европейского морального сознания.

Таким образом, рефлексия страха в лингвистическом, общеметафизическом, конкретно-психологическом и этическом дискурсах позволяет составить целостное представление о феномене «страх» и служит своеобразным ключом к раскрытию многих дискуссионных проблем современной гуманитарной науки.

Список использованных источников

1. Больнов, О. Ф. Философия экзистенциализма / О. Ф. Больнов. – СПб., 1999. – 222 с.
2. Бычков, В. В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы / В. В. Бычков. – М., 1977.
3. Гумбольдт, В. Фон. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт ; пер. с нем. – М., 1984. – 199 с.
4. Добродеева, И. Ю. Феномен страха-стыда в героическом дискурсе эпохи античности / И. Ю. Добродеева, Ю. В. Пустовойт // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 260–262.
5. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб., 2004. – 237 с.
6. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – М., 1993. – 268 с.
7. Лосев, А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А. Ф. Лосев. – М., 1993. – 560 с.
8. Пустовойт, Ю. В. Страх как моральный регулятив поступков человека : моногр. / Ю. В. Пустовойт ; под науч. ред. И. Ю. Добродеевой. – Шуя : Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011. – 255 с.
9. Пустовойт, Ю. В. Феномен «страха»: взгляд сквозь призму этимологии / Ю. В. Пустовойт // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Вып. 2 (46). – Тамбов, 2007. – С. 62–65.
10. Фрейд, З. Основной инстинкт / З. Фрейд. – М., 1997. – 304 с.
11. Шестов, Л. Лекции по истории греческой философии / Л. Шестов. – М.; Париж, 2001. – 166 с.
12. Hinshelwood, R. D. A Dictionary of Kleinian Thought / R. D. Hinshelwood. – London, 1991. – 152 с.

Поступила 16.09.2011 г.

УДК 101.1 : 316

ББК 87.6

Е. Н. Родина

E. N. Rodina

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ТВОРЧЕСТВА
В ИННОВАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ*****AXIOLOGICAL STATUS OF CREATIVITY
IN INNOVATIVE SOCIETY**

Статья посвящена проблеме определения ценностного статуса творчества в современном обществе. Делается вывод, что инновации становятся условием адекватного ответа на глобальные экономические и культурные вызовы. Порождающее их творчество приобретает статус формообразующего начала социокультурного развития и выступает как важнейшая ценность.

Ключевые слова: социальные изменения, инновации, творчество, традиция, креативность.

This paper is devoted to the determination of the value status of creativity in contemporary society. The conclusion that innovations become a condition of an adequate response to global economic and cultural challenges is made. Generating their work acquires the status of shape-generating social and cultural development, and serves as a critical value.

Key words: social changes, innovations, creativity, tradition, creativity.

Современный мир характеризуется быстро происходящими изменениями. Мгновенно осуществляемые коммуникации, развитие информационных и телекоммуникационных технологий свидетельствуют о процессе информатизации общества, протекающего неравномерно в различных странах и регионах, однако в целом носящего планетарный характер. Информатизация общества является совокупностью масштабных, радикальных инноваций, провоцирующих ускорение изменений, охватывающих все его сферы.

Эти процессы, увеличивая возможности общества, также порождают ряд правовых, моральных, социальных проблем, требующих рассмотрения и анализа с целями прогнозирования и проработки вариантов управленческих решений для оптимизации дальнейших позитивных изменений. Новизна социальных условий и жизнедеятельности в них различных субъектов – обществ, государств, людей, требуя выработки новых моделей и образцов поведения и отношений, также требуют соответствующих теоретических и практических новаций, необходимых к разработке и внедрению.

Подобный динамизм социальных процессов привел к тому, что значимой проблемой в области социально-гуманитарного знания стала проблема социальных изменений, выявление их

ведущего фактора. Особое внимание отводится рассмотрению творчества и его результатов в качестве одного из важнейших факторов социальных изменений. Становление этой идеи происходило постепенно, и в последнее время она становится все более значимой.

В конце XIX – начале XX века в философии появилась идея о роли открытий и изобретений, меняющих облик социальной жизни. Так, А. Бергсон отмечал, что великие изобретения оказывают огромное влияние на эволюцию человечества, определяют целые эпохи, меняя социальные и индивидуальные привычки [2].

Решая проблему движущих сил развития общества, Г. Тард также акцентировал внимание на значимости в качестве таковых открытий и изобретений, которые он называл капиталом. Основа социальных изменений по Тарду заключается в подражании людьми новому, которое появляется в результате творческой деятельности в любой сфере общественной жизни. «Изобретение и подражание», по его мнению, являются фундаментом всех социальных процессов [4].

Идея значимости изобретений в науке и технике на изменения и ход динамики развития общества находят продолжение в творчестве экономиста Н. Д. Кондратьева. Ученый выявил, что крупные изобретения оказывают огромное влияние на весь ход экономической динамики, придавая ей циклический характер. Кондратьев не использовал в своих исследованиях понятие «инновация», но вместе с тем убедительно показал корреляцию значительных изменений в общественном развитии с динамикой крупных инноваций.

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума в контексте синергично антропологической парадигмы» (ГК № 14.740.12.1351).

Подобные идеи высказывал австрийский экономист Й. Шумпетер в работе «Теория экономического развития», подкрепляя их обширным историческим и статистическим материалом. Шумпетер выделил ряд инновационных волн или промышленных революций, вызванных кластерами нововведений.

Экономическое развитие в целом он понимает как качественные изменения, заключающиеся в изменении траектории кругооборота, смещения от состояния равновесия, причем стихийные и дискретные. Эти смещения касаются сфер промышленности и торговли. Производить изменения, по его мнению, означает создавать новые комбинации вещей и сил – инновации. Они включают в себя изготовление новых благ, внедрение новых методов производства, освоение нового рынка сбыта, получение новых источников сырья, реорганизацию производства [5, с. 157–159]. Процесс реализации инноваций обеспечивает в дальнейшем рост производительности труда и общего благосостояния, в целом способствуя переводу общества на новый виток развития. Анализируя причины их осуществления, Шумпетер делает вывод о том, что основным фактором и движущей силой инноваций являются люди, наделенные особым психическим складом. Шумпетер условно называет их «предпринимателями». В условиях нормального кругооборота они не находят выхода своей энергии, в результате чего стремятся найти самореализацию, в том числе и в экономике, что находит свое конкретное выражение в осуществлении ими инноваций, их внедрении, которое является сложным делом, требующим преодоления ряда препятствий.

Исследования Й. Шумпетера ознаменовали собой несколько важных моментов в развитии философской мысли. Он первый сделал попытку систематического анализа инноваций. Выделенный им тип предпринимателя в качестве инициатора инновационных процессов представляется значительным шагом в формировании субъектной парадигмы в социальном познании. Особое значение она приобретает со второй половины XX века. Активная динамика социальных изменений второй половины XX века обусловила процессы преобразований в сфере теории и методологии социальной науки. Через призму новой парадигмы социальные изменения рассматриваются не как естественно-исторический, но как социально-исторический процесс, в котором социальный субъект (индивиды, социальные группы) играет активную преобразующую роль.

Представители субъектно-деятельностного подхода исходят из того, что воспроизводство общества является результатом практической и,

что особенно важно, творческой активности людей. Наиболее ярко эти взгляды выражены в концепции социальных изменений П. Штомпки, в воспроизводственной концепции А. С. Ахиезера, В. Я. Ельмеева, Н. С. Савкина. В русле этой парадигмы развивались генетический структурализм П. Бурдьё, теория структуризации Э. Гидденса. Ими осуществлен теоретический и концептуальный синтез в области осмысления проблем характера взаимозависимости субъекта социальной деятельности и социальной структуры. Активная личность представляется как субъект, соединяющий в единое целое социальные структуры и собственное социальное действие благодаря такому качеству личности, как рефлексивность, которая составляет основу управляемого характера процесса социальной жизни и деятельности. Для Э. Гидденса быть человеком означает являться «целеустремленным деятелем, который одновременно осознает причины собственной деятельности и способен в случае необходимости детально развить и конкретизировать их» [3].

Основанием субъектно-деятельностной парадигмы в рассмотрении функционирования и развития общества, его динамики в значительной степени являются принципы системного подхода, постепенно распространившиеся в сферу социально-гуманитарного знания. Системное мышление позволило осознать факт того, что человек, являясь элементом различных систем, выступает как носитель, источник и транслятор информации и как агент изменчивости этих систем в целом. Человек, включаясь в качестве элемента в различные системы, проявляет разные виды активности. Одни направлены на их сохранение и являются адаптивными, другие – продуктивными, вызывают изменения развивающихся систем.

Изобретения, открытия, инновации являются выражением такой продуктивной активности человека. Они играют значительную роль в утверждении нового социокультурного порядка и в воспроизводстве его структур. Преобразующее влияние на общество оказывают новшества не только в технике и экономике, но и в сфере культуры, провоцируя изменения в системе общественных связей и производстве отдельных структур общества.

А. С. Ахиезер в своей теории социокультурной динамики конкретизирует механизм «вызов-ответ», выделенный А. Тойнби в качестве основы рождения и развития цивилизаций. При этом «вызов» он представляет как изменения среды, вызванные инновационными процессами, происходящими в культуре. «Ответом» выступают изменения общества, которое осваивает новые условия, восстанавливая равновесие между

собой и средой. Ахиезер исходит из данности процесса общественного воспроизводства, в основе которого лежит активность социального субъекта. Поэтому динамика социума рассматривается им как внешне выраженная динамика воспроизводства, структурированная в нормах, отношениях. Для социальной структуры постоянной является проблема усвоения новаций, идущих от культуры, которая выступает выражением активности субъекта [1].

Отходя от узкой технико-экономической трактовки инноваций, уместно понимать их предельно широко как изобретение новых идей, образов, принципов действия, выработку новых форм деятельности, организации общества или его институтов, появление нового стиля мышления или чувствования, инициаторами которых могут выступать деятели науки, искусства, религии, политики, социальной сферы. При этом необходимо подчеркнуть отличие открытий и изобретений от инноваций, заключающееся в том, что инновации включают в себя открытия и изобретения. Данные результаты креативной деятельности человека являются необходимой основой инноваций, понимаемые в таком контексте, как теоретический аспект. Практический аспект связан с их материальным воплощением и последующим распространением, переводением в статус значимых социальных явлений. На это обращал свое внимание Г. Тард, подчеркивая необходимость принятия «социальным умом» изобретения, освоения его как социальной ценности, после чего оно становится инновацией. Из многочисленных определений инновации, отражающих неоднозначность ее интерпретаций, наиболее адекватно отражает ее суть определение, приведенное в исследовании Б. Ф. Усманова. Инновация трактуется как «создание, распространение и применение нового средства (новшества), удовлетворяющего потребности человека и общества, вызывающего вместе с тем социальные и другие изменения» [6, с. 24]. В этом определении отражена последовательность этапов становления инновации (создание, распространение и применение), показана взаимосвязь теоретического и практического аспектов, социальный смысл инновации, заключающийся в удовлетворении потребностей человека и общества.

Сравнивая современный период, для которого характерны ускоренные процессы, с традиционными обществами, можно определить их как стабильные, поскольку они, как правило, неизменны в течение столетий. Идея стабильности выступает вспомогательным методологическим

средством для сравнения традиционного и современного обществ, поскольку отсутствие изменений не абсолютно, а относительно, постоянные черты наблюдаются на протяжении сравнительно продолжительных периодов времени.

Рассматривая медленно происходившие изменения в традиционных обществах, необходимо отметить, что в общественном сознании господствовала ориентация на стабильность, поддерживаемая совокупностью мифов, ритуалов, обычаев и запретов. Поэтому творчество и инновации не воспринимались как ценность, встречались с большой настороженностью и опаской. Значимым было то, что создавалось по образцам и канонам, передаваемым из поколения в поколение. Можно говорить о высокой степени социальной инерции, заключающейся в сопротивлении общественного сознания новому, в торможении различного рода инноваций. Общества, находившиеся на грани выживания, не могли позволить импровизаций, нарушающих рамки простого воспроизводства социальной жизни. Поэтому вырабатывались устойчивые схемы-стереотипы различных общественных практик, отвечающие прежде всего критерию эффективности. Они распространялись на сферу быта и досуга, включаясь в традиции и обычаи. Инерция служила механизмом самосохранения социальной системы.

В настоящее время инновации становятся определяющим фактором общества, а порождающее их творчество выступает как важнейший механизм его развития. Инновации сегодня продуцируются сознательно и предстают условием адекватного ответа на глобальные экономические и культурные вызовы, поэтому творчество становится своеобразным формообразующим началом социокультурного развития, получая высокий статус в иерархии общественных ценностей.

Список использованных источников

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта : в 3 т. / А. С. Ахиезер. – М. : Философское общество СССР, 1991. – Т. 3. – 470 с.
2. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – М. : КАНОН-пресс, 1998. – 384 с.
3. Гидденс, Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М. : Академический Проект, 2003. – 528 с.
4. Тард, Г. Социальная логика / Г. Тард. – СПб. : Социально-психологический центр, 1996. – 548 с.
5. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М. : Прогресс, 1982. – 455 с.
6. Усманов, Б. Ф. Социальная инноватика / Б. Ф. Усманов. – М. : Институт молодежи, 2000. – 344 с.

Поступила 16.09.2011 г.

РОЛЬ ЗАПРЕТОВ (ТАБУ) В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ*

THE ROLE OF PROHIBITION (TABOO) IN ECOLOGICAL EDUCATION

Автор размышляет о влиянии экологических запретов на сохранение окружающей среды, углубление экологических знаний и воспитание нравственной культуры.

Ключевые слова: экологические запреты, экологические знания, экологическое воспитание.

The author studies the influence of ecological prohibitions on preserving the environment, deepening of ecological knowledge and upbringing of moral culture.

Key words: ecological prohibitions, ecological knowledge, ecological education.

Отношение человека к природе изначально можно назвать потребительским, каковым оно в основном и остается до сих пор. Только с возникновением науки и искусства оно обрело дополнительные функции – познавательную и эстетическую, в том значении, как мы понимаем их сейчас. Однако зачатки таких отношений, в которых природа являлась не только кормилицей, кладовой, откуда можно брать безвозмездно все необходимое для жизни, несомненно, присутствовали и на самой ранней стадии развития человека как индивида общественно-го или даже стадного. Сегодня мы явно ощущаем, что природа, которая кормила нас на протяжении тысячелетий, обеспечивала нашу жизнь, стала потенциальной угрозой и в недалеком будущем может отнять эту самую жизнь.

Человечество усиленно ищет пути решения этой проблемы. Движение «зеленых», многочисленные экологические и природоохранные институты требуют принятия радикальных мер. Однако в человеческом сознании есть механизм, который может помочь более эффективно – это система табу (запретов), высший закон экологии человека, который так ярко высвечивается в русской пословице: «Не плюй в колодец...»

Каждый народ, живя на земле, выработал свою философию общения с природой, в том числе и правила природопользования. Этот неписанный закон приходит к каждому человеку с самого раннего детства через сказки, песни, пословицы и поговорки, через наблюдения за поведением родителей, соседей, любых других

людей, через игры со сверстниками, национальные обряды – то есть через любые проявления повседневной жизни.

Говоря об «экологическом воспитании», мы говорим о воспитании любви к природе. Действительно – это составная часть такого воспитания, но нередко приемы, которыми воспитывают такую любовь, очень сомнительны. Например, с этой целью в неволе содержат диких животных или без должного ухода – морских свинок и хомячков, которые страдают на глазах у детей. И дети привыкают не замечать их мучений. Часто в воспитательных целях во время летних прогулок детям предлагают собирать цветы или ловить бабочек, стрекоз и других насекомых. Такие занятия становятся постоянной летней забавой ребятишек. Не имея морителей, которые нельзя давать маленьким детям, ребенку ничего не остается, как оторвать крылья, затем ноги и, наконец, голову своей жертве или живьем наколоть ее на иголку. Таким образом, подобные воспитательные мероприятия учат детей не любить, а уничтожать живое, причем довольно жестоко. В формировании мировоззрения личности важную роль играет окружение ребенка, социальная и культурная среда, а также его особенный взгляд на все с самого раннего возраста [2].

Определенные экологические запреты абсолютно необходимы. Но «обрушивать» эти запреты «сверху» нельзя, нужна целенаправленная, кропотливая работа, ориентированная на то, чтобы правила поведения в природе были прочувствованы, понятны.

Общество никогда не терпело вседозволенности внутри себя, даже в мелочах. Сложились определенные правила вежливости, которые мы справедливо считаем необходимыми: спасибо, пожалуйста, разрешите, я Вам

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума в контексте синергично антропологической парадигмы» (ГК № 14.740.12.1351).

помогу..., правила поведения в гостях, за столом и т. п. Но вседозволенность по отношению к природе прощалась и даже поощрялась.

К чему все это привело, известно. Очевидно и то, что от детской экологической вседозволенности (сорвать цветок, погубить бабочку) до взрослой (вырубить кедровый лес, извести море, «повернуть» реки) дорога очень короткая, особенно если она накатана.

Осознание причинно-следственных связей природных явлений заставило человека вырабатывать определенные правила, главным смыслом которых был запрет, предостерегающий от опасности. В течение тысячелетий эти правила совершенствовались, уточнялись и превратились в систему, регулирующую взаимоотношения человека и природы, и даже человека и другого человека или группы людей.

Каждый должен знать элементарные экологические запреты, следование которым должно стать нормой поведения для всех людей.

Но встает вопрос: хороши ли эти правила, если они носят в основном запрещающий характер. Ведь получается: «Не делай того, не делай этого... Не слишком ли много запретов обрушивается на человека, тем более, если это ребенок?»

Ответ на этот вопрос будет состоять из двух пунктов.

1. Определенные экологические запреты абсолютно необходимы. Сомневаться в этом – значит делать, пусть и не осознанную, но уступку потребительскому отношению к природе, от которого ничего, кроме беды быть не может.

2. «Обрушивать» эти запреты на ребенка «сверху» нельзя. Нужна целенаправленная, кропотливая работа, сориентированная на то, чтобы правила поведения в природе были осознанны, прочувствованны, стали их собственными убеждениями, а основные из правил постепенно перешли бы в простую и естественную привычку, подобно привычке говорить «спасибо».

Далее можно привести определенные правила поведения в природе.

1. Не ломай ветви деревьев и кустарников. Каким может быть обоснование этого правила? Живое существо, ветви вместе с листьями играют важную роль в его жизни. Например, листья выделяют в воздух кислород, задерживают пыль, не случайно, там, где много растений, легко дышится. Мы должны помнить и о красоте растений, которую можем нарушить, обламывая ветви.

2. Не повреждай кору деревьев! Известно, что ребята нередко вырезают на коре деревьев надписи, например, свои имена, делают другие

отметины. Это нарушает красоту природы и очень вредит деревьям (через ранку вытекает сок, могут проникнуть под кору микробы и грибы трутовики, которые вызывают заболевания и даже гибель дерева).

3. Не собирай березовый сок. Помни, что это вредит дереву.

4. Не рви в лесу, на лугу цветов. Пусть красивые растения остаются в природе! Помни, что букеты можно составлять только из тех растений, которые выращены человеком. Сбор дикорастущих растений на букеты – очень мощный фактор воздействия человека на природу. Именно давняя привычка рвать цветы привела к исчезновению очень многих растений в местах, часто посещаемых людьми (сон-трава, венерин башмачок, стародубка и другие). Жертвами нашей «любви» к цветам стали не только изначально редкие растения, но и когда-то вполне обычные, даже массовые виды, такие как ландыш. Важно показать, какой вред природе могут нанести люди, если сорвут даже по одному-единственному цветку. Ведь от красоты луга не останется и следа, если там побывает класс учеников, любителей «скромных букетиков».

5. Из лекарственных растений можно собирать только те, которых в вашей местности много. Часть растений нужно обязательно оставлять в природе. Лекарственные растения – ценнейшее природное богатство, к которому нужно относиться бережно. Количество некоторых из них из-за массового сбора резко уменьшилось (валериана, ландыш, плаун и др.).

6. Съедобные ягоды, орехи собирай так, чтобы не повреждать веточек.

7. Нельзя грибы срывать вместе с корнем – потом их здесь не будет. Не сбивай грибов, даже ядовитых. Помни, что грибы нужны в природе.

У детей формируется отрицательное отношение к несъедобным, а особенно ядовитым грибам. Встречая такие грибы, дети стараются уничтожить их (сбить, раздавить), нередко мотивируя это тем, что такими грибами могут отравиться животные или люди.

8. Не обрывай в лесу паутину и не убивай пауков. Пауки – традиционный объект неприязни, брезгливого отношения со стороны человека. А ведь эти хищные существа уничтожают множество комаров, мух, тлей и других насекомых, приносящих ущерб человеку и его хозяйству.

9. Не лови бабочек, шмелей, стрекоз и других насекомых.

10. Не разоряй гнезда шмелей. Шмели – насекомые, численность которых в последнее время повсеместно резко сократилась. Причина

этого – широкое, неумеренное использование в сельском хозяйстве ядохимикатов, к которым шмели очень чувствительны; уничтожение шмелиных гнезд при сенокошении; выжигание сухой травы на лугах. Усугубляет тяжелое положение шмелей разорение их гнезд ради меда, который, кстати, невкусен, или просто ради забавы. А ведь шмели являются единственными опылителями бобовых растений. Без них не было бы в лесах и на лугах клевера, люцерны, чины, горошка и т. д.

11. Не разоряй муравейники.

12. Береги лягушек, жаб и их головастиков.

13. Не убивай змей, даже ядовитых. Все они нужны в природе. А из яда ядовитых змей человек получает ценнейшее лекарство.

14. Не лови диких животных и не уноси их домой. Известно, что ящерицы, ежи, некоторые рыбы, птицы нередко оказываются жертвой любви ребят к «нашим меньшим братьям», которая выражается в том, что этих животных ловят, приносят домой и пытаются содержать в неволе, хотя чаще всего такие попытки заканчиваются гибелью животных.

15. Не подходи близко к гнездам птиц. По твоим следам их могут отыскать и разорить хищники. Если случайно окажешься возле гнезда, не прикасайся к нему, сразу же уходи. Иначе птицы-родители могут покинуть гнездо.

16. Не разоряй птичьи гнезда.

17. Если у тебя есть собака, не пускай ее гулять в лесу или в парке весной или в начале лета. Она легко может поймать плохо летающих птенцов и беспомощных детенышей зверей.

18. Не лови и не уноси домой здоровых птиц и зверей. В природе о них позаботятся взрослые животные. Особенно часто дети приносят домой или в класс уже оперившихся, но не умеющих летать птенцов, которых они считают «выпавшими из гнезда». Обычно это оказываются так называемые слетки, т. е. птенцы,

уже покинувшие гнездо (слетевшие с него) и подрастающие, которые учатся летать. Родители подкармливают их. Пойманные ребятами птенцы, как правило, быстро погибают в неволе.

19. В лесу старайся ходить по тропинкам, чтобы не вытаптывать траву и почву. От вытаптывания погибают многие растения, насекомые.

20. Не шуми в лесу, в парке. Шумом можно испугнуть животных.

21. Не жги весной траву на лугу. Весной с сухой травой обгорают ростки молодой травы, погибают подземные части многих растений, в результате некоторые из них совсем исчезают с лугов. Погибают от огня многие насекомые, гнезда шмелей, птиц. Пожар может перекинуться на лес, на постройки человека.

22. Не оставляй в лесу, парке, на лугу, у реки мусор. Никогда не выбрасывай мусор в водоемы. Это одно из самых простых и в то же время самых важных правил [1].

Такие основные правила экологического поведения в природе можно прививать детям еще в начальных классах. Усвоив экологические правила и сформировав на их основе убеждения в необходимости следовать этим правилам, поступки не будут наносить вред природе.

На наш взгляд, именно подобного рода запреты способны воспитать нравственную культуру человека. А единство экологического сознания и поведения – сущность экологического воспитания.

Список использованных источников

1. Булыгина, И. В. Экологическое воспитание в семье [Электронный ресурс] / И. В. Булыгина. – URL: http://irvic25.ucoz.ru/publ/roditelskie_sobranija/ehkologicheskoe_vospitanie_v_seme/2-1-0-3.

2. Экологическое воспитание и ликвидация безграмотности [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ecosystema.ru/.../eco_vosp.htm.

Поступила 16.09.2011 г.

УДК 101.1 : 316

ББК 87.6

А. В. Табакова

A. V. Tabakova

СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ*

MODERN WORLD AND ECOLOGICAL EDUCATION

В статье рассматривается взаимосвязь современного мира с экологическим образованием. Первостепенную роль в формировании экологической культуры играет экологическое образование. Конечная цель такого образования заключается в том, чтобы предоставить населению возможность понять сложный характер окружающей среды в настоящее время.

Ключевые слова: экологическое образование, экологическое сознание, природа, человек, цивилизация, воспитание.

The article examines the relationship between the modern world and environmental education. Environmental education plays pivotal role in the formation of ecological culture. The ultimate goal of such education is to give people the opportunity to understand the complexity of the environment at the present time.

Key words: eecological education, ecological consciousness, nature, human being, civilization, education.

XXI век может оказаться переломным в истории цивилизации, ибо на его протяжении должен разрешиться главный вопрос – быть или не быть человечеству. Современный мир отличается необычайной сложностью и противоречивостью событий, он пронизан противоборствующими тенденциями, полон сложнейших альтернатив, тревог и надежд.

Поистине наша планета никогда ранее не подвергалась таким физическим и политическим перегрузкам, какие она испытывает на рубеже XX – XXI веков. Мы мечтали покорить природу, стать ее хозяевами, взять от нее как можно больше благ. Человек никогда ранее не взимал с природы столько дани и не оказывался столь уязвимым перед мощью, которую сам же создал. Что же несет нам век грядущий – новые проблемы или безоблачное будущее? Чем мы будем дышать, какую воду пить, как питаться и отдыхать? Каким будет человечество через 50–100 лет? Вопрос не праздный: ресурсы планеты не бесконечны, ей все труднее выдерживать наше присутствие. Теперь предстоит полностью пересмотреть отношения с окружающим миром. Сможет ли человек своим разумом и волей спасти себя самого и нашу планету от нависших над ней многочисленных угроз? Эти вопросы, несомненно, волнуют многих людей.

Осознав остроту ситуации, человечество начинает понимать, что кризис, последствия

которого будут губительными для жизни на Земле, становится все более реальным.

Мир хрупок. Мы видим, какие катаклизмы случаются то в одной части Земли, то в другой: небывалые пожары в России прошлым летом, извержение вулкана в Исландии, нарушившее планы европейцев, снежные бури этой зимой, которые парализовали многие аэропорты мира. Нарастает число и сила природных катаклизмов, связанных с жертвами, горем и страданиями большого числа людей во всем мире. Наводнения и жара, землетрясения и ураганы – мы слышим об этом так часто, что невольно приходит мысль: не в нас ли самих причина бунта природы?

Человечество почти полностью вывело себя из системы всеобщего экологического контроля, достигнутого природой. Оно непрерывно наращивает число не утилизируемых природой соединений, развивает опасные технологии, хранит и перевозит множество ядохимикатов и взрывчатых веществ, загрязняет атмосферу, гидросферу и почвы, наращивает энергетический потенциал, стимулирует парниковый эффект и т. д.

Газовые «факелы», автотранспорт и запуски ракет загрязняют и отравляют атмосферу, а магистральные трубопроводы часто являются источником крупных аварий. Львиную долю остальной энергии дают атомные станции. Промышленные отходы этих станций, произошедшие и возможные в будущем аварии на них будут представлять опасность еще многие сотни лет. У живой природы также весомые потери. Ежедневно на планете исчезает один вид живой природы. Фильм «Аватар» Джеймса Кэмерона наглядно показал, как уничтожение природы на планете Пандора губит населяющих ее разумных существ.

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума в контексте синергично антропологической парадигмы» (ГК № 14.740.12.1351).

Но человеческая цивилизация должна избежать экологического коллапса — практически необратимых неблагоприятных экологических явлений, исключающих возможность самого существования человека в образовавшейся среде. Устремление к новой цивилизации должно реализоваться через коэволюцию (совместную, взаимосвязанную эволюцию) человеческого общества и биосферы.

Осознание масштабов экологической опасности, ее возможных катастрофических последствий способствует тому, что в обществе вырабатывается понимание целостности человечества, формируется новый способ мышления, усиливается тенденция экологизации различных форм общественного экосознания. Современное экологическое сознание объединяет беспокойство за состояние окружающей среды и собственную безопасность. Идея господства над природой — одна из важных идей в экологическом сознании.

На сегодняшний день вопрос об экологизации общественного сознания очень актуален. Экологизация общественного сознания включает в себя формирование экологического сознания в качестве самостоятельной формы общественного сознания, а также внесение экологического аспекта во все остальные формы (политическое и правовое сознание, мораль, искусство, философию и т. д.) и уровни (теоретическое и быденное, массовое сознание, идеология и общественная психология) общественного сознания. Экологическое сознание — важнейший компонент экологической культуры, объединяющий все виды и результаты материальной и духовной деятельности людей, направленной на достижение оптимального взаимодействия общества и природы, на экологизацию материальной и духовной жизни общества. Потребность в формировании экологической культуры как решающего фактора в гармонизации отношений общества и природы становится в настоящее время все более актуальной.

Первостепенную роль в формировании высокой экологической культуры играет экологическое образование. Образование — процесс и результат усвоения человеком навыков, умений и теоретических знаний. Слово «образование» имеет двоякое значение. Во-первых, оно значит «выставлять образец и устанавливать предписания», а во-вторых — «формировать уже имеющиеся задатки» [3, с. 273]. Целью экологического образования является целенаправленное формирование у каждого человека на всех этапах его жизни глубоких экологических знаний, целостных представлений о биосфере, понимание органической взаимосвязи единства человечества и окружающей среды, роли природы в жизни общества и человека, необходимости и значимости

ее охраны и рационального использования ресурсов, воспитания личной ответственности за состояние окружающей среды. Конечная цель такого образования заключается в том, чтобы предоставить населению возможность понять сложный характер окружающей среды и необходимость для всех стран развиваться таким образом, чтобы это согласовывалось с окружающей средой. Подобное образование должно также содействовать осознанию человечеством экономической, политической и экологической взаимозависимости современного мира, с тем, чтобы повысить чувство ответственности всех стран, что станет предпосылкой для решения серьезных проблем окружающей среды на глобальном уровне.

Личностная образовательная потребность связана с созданием образа окружающего мира. Это та система ценностей моделей поведения, которая позволяет человеку ориентироваться в окружающем мире. Общество является той образовательной средой, из которой индивид получает информацию, необходимую для ориентации в окружающем мире. В этом смысле личность имеет потребности, выходящие за рамки государственной системы образования. Масштаб образовательной потребности определяется количеством учащихся, желающих попасть или остаться в системе образования. На масштаб образовательной потребности влияют демографический фактор, географический фактор, интернациональное образование.

Наиболее полному решению задач воспитания способствует осуществление собственной гражданской позиции. Необходимо более активно привлекать студентов к деятельности органов студенческого самоуправления, к участию в политических дискуссиях, к взаимодействию с молодежными общественными объединениями и организациями гуманистической направленности, различными социальными институтами и государственными учреждениями [2, с. 22].

Образовательная потребность обладает свойством расширенного воспроизводства, то есть чем выше уровень образования, тем выше потребность в дальнейшем образовании.

Гармонизация взаимоотношений человека и природы ценна не только в экологическом смысле. Она важна также и для решения других проблем. Экологически оправданные решения являются в то же время и социально-позитивными постольку, поскольку сам человек и общество в целом являются частью природы в широком смысле слова.

Определяя дальнейшую стратегию развития человечества и цивилизации, новые нравственно-философские приоритеты во взаимоотношениях с природой, следует помнить, что

биосфера существовала до появления на Земле человека, может существовать и без него. Но человек без биосферы существовать не может – это аксиома. Следовательно, выполнение принципа совместного развития, обеспечение коэволюции биосферы и общества требует от человека известной регламентации в своих действиях и определенных ограничений.

Экологическое образование как социальное явление это относительно самостоятельная система, функцией которого является обучение и воспитание членов общества, ориентированные на овладение определенными знаниями, идейно-нравственными ценностями, умениями, навыками, нормами поведения, содержание которых в

конкретном счете определяется социально-экономическим и политическим строем данного общества и уровнем его материального развития.

Список использованных источников

1. Киселева, К. В биосфере наших интересов / К. Киселева, Ю. Зубцов // Психология. – 2011. – № 60. – С. 140–141.
2. Осипов, П. Н. Воспитательный потенциал инженерного образования / П. Н. Осипов // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 1. – С. 19–23.
3. Социальная философия : словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – М. : Академический Проект, 2003. – 560 с.

Поступила 16.09.2011 г.

УДК 101.1 : 316
ББК 87.6

Е. Н. Чекушкина
E. N. Chekushkina

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОБМАНА В СОЦИУМЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ*

FORMS OF EXISTENCE OF DECEPTION IN SOCIETY AND SOCIAL AND HUMANITARIAN EDUCATION

Среди многих проблем российского общества, порожденных кризисом нравственной культуры, интересной и значимой является проблема выявления динамики содержания феномена обмана, подразумевающая необходимость его исследования как одного из существенных проявлений развития общественной нравственной культуры. Этико-философский анализ проблемы обмана дает возможность наметить возможные пути в понимании особенностей трансформации нравственного сознания личности и специфической структуры общественных отношений в современном мире. Изучение нравственной культуры общества выдвигает требование рассмотреть и осмыслить феномен обмана, выявить перспективные тенденции развития морали человека и социума.

Ключевые слова: нравственное сознание, гуманитарное знание, социальная роль, социум, ценность, феномен обмана.

Among the many problems of Russian society generated by the crisis of moral culture, the problem of identifying the dynamics of the contents of the phenomenon of deception is interesting and significant. This problem implies the need to study the phenomenon as one of the most important manifestations of public moral culture. Ethical and philosophical analysis of the problem of deception makes it possible to identify possible ways to understand the features of the transformation of the moral consciousness of the individual and the specific structure of social relations in the modern world. The study highlights the moral culture of a society and reflects the requirement to consider the phenomenon of deception, identify promising trends in the development of human morality and society.

Key words: moral consciousness, the humanities, social role, society, value, phenomenon of deception.

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума в контексте синергично антропологической парадигмы» (ГК № 14.740.12.1351).

В современном гуманитарном знании существенным элементом исследования нравственной культуры личности является вопрос о проявлении обмана как стереотипического, общественного, индивидуального феномена. Раскрытию данной проблемы способствует рассмотрение феномена лжи в следующих направлениях. Во-первых, ложь и обман являются константами человеческой жизнедеятельности. Во-вторых, специфика возрастного проявления феномена лжи как неизменного показателя психической и моральной жизни человека. В-третьих, особенности проявления лжи как социокультурного феномена, которые прослеживаются в гендерных показателях социальной дифференциации. В-четвертых, этико-аксиологические аспекты обмана. В гуманитарном знании обман представляет достаточно сложный комплекс проблем, связанных с его этической оценкой.

Проблема лжи всегда занимала важное место в социальной жизни и сознании людей, получая теоретическое осмысление в философско-этических и религиозных учениях, в таких науках, как этика, логика, психология. Тем не менее до сих пор она еще недостаточно изучена. В философских исследованиях прослеживается тенденция рассмотрения особенностей проявления лжи как неотъемлемой составляющей человеческих коммуникаций. «Ложь проникла во все сферы человеческого бытия, человеческий мир не только создает для лжи беспристрастные возможности, но и имеет ложь одним из своих начал, нет такого вида социальной деятельности, где бы ни встречался обман», – полагает современный исследователь феномена лжи Д. И. Дубровский [9, с. 22].

В этой связи можно выделить следующие позиции относительно социальной роли лжи: во-первых, характеризующие ложь как морально деструктивный феномен, последствия которого проявляются в нравственной атмосфере общества; во-вторых, понимание лжи как необходимого прагматического выхода из сложившихся проблем социальных коммуникаций: в этом контексте явно прослеживается положение о том, что ложь есть функциональный и необходимый элемент социальной действительности; в-третьих, ложь интерпретируется как амбивалентное явление общественной морали, где сами ложные представления, выражения и действия носят как созидательный, так и разрушительный по отношению к нравственной культуре общества характер. Важным отличительным критерием данного подхода является ситуативное понимание лжи как проявления

ее зависимости от кризисного состояния самого общества и морали человека в нем.

Ложь является уникальным феноменом социальной действительности и социокультурных традиций. Современный социолог Н. Смелзер справедливо отмечает, что в обществе по своему функциональному срезу относительно таких институтов, как государство, экономическая система, политические связи, семья, средства массовой информации и т. д. феномен лжи проявляется в результате их коммуникативности [8, с. 589]. В этой связи немаловажно будет рассмотрение феномена обмана в ряде социально-этических срезов: во-первых, обман – важный аспект жизнедеятельности социальных институтов, проявляющий себя как экстрагенный фактор общественной жизни; во-вторых, ложь как индивидуально-личностный аспект жизни человека в обществе. Таким образом, можно рассматривать феномен обмана в этическом, социологическом, правовом плане, а также в индивидуально-психологической и в социально-психологической плоскости.

Анализируя обман как социально-институциональное явление, важно обратиться к ролевым функциям феномена в межинституциональных отношениях общества. В этом плане трудно не согласиться с позицией немецкого социолога М. Вебера, который рассматривал вопрос о социально-нравственных феноменах в связи с проблемой социального действия различных элементов институтов общества. Вебер указывает, что «общественное действие, ориентированное на рациональную договоренность, относится к поведению, основанному на согласии, институт с его рациональными установлениями относится к «союзу» [4, с. 536]. Здесь ложь заведомо представляется как процесс деструкции рационально установленного союза институтов общества. Проследим механизм этой деструкции. В значительной степени вскрытию этого механизма способствует рассмотрение проблемы в этическом аспекте.

Отечественный исследователь А. И. Титаренко отмечает, что «усложнение социальной структуры... ведет к изменению механизмов моральной регуляции» [10, с. 247]. И действительно, структурная эволюция общественных институтов приводит к существенным изменениям функций, различных феноменов нравственного сознания. В нашем случае это обман, который маскируется подчас в различных ситуациях маргинализированных институциональных каналов в структуре общества.

В каждом конкретно взятом соотношении ложь ведет к распаду ценностных устоев человеческого общежития, к умножению абсурда,

бессмысленности бытия, выражает эгоистическое обособление, разрыв, нарушение общности, недоверие, враждебное отношение к другим или неподлинное общение. Как полагал М. Монтень, «лживость есть порок, разрушительно влияющий на всякую добродетель» [7, с. 594].

Немаловажным является и тот факт, что обман может служить сущностной основой индивидуально-личностного поведения человека в обществе и даже его социальной характеристикой, смыслом его социальной деятельности. А. И. Титаренко замечает, что на протяжении всей истории нравственной культуры человечества коллизия индивидуально социальное решалась двояко: «Честность одних... оказывается удобным качеством, позволяющим выжимать из них, а честность других, владеющих капиталом и собственностью, оказывается удобным моральным прикрытием их корыстных интересов, их положения и деятельности» [10, с. 129].

Верной представляется та позиция, согласно которой индивидуальное пространство человеческой деятельности завершается там, где начинается индивидуальное пространство другого человека. Человек, столкнувшись с перипетиями социальных деструкций и катаклизмов, либо обращается к нравственным идеалам, либо отвращается от них, повинаясь ложным ценностям и ориентациям.

Подходы к рассмотрению ценностной сущности лжи могут быть выявлены в контексте противопоставления категорий ценностей и антиценностей. Следует отметить, что существуют разные позиции относительно ценностно-этической сущности лжи в общественной культуре: от ее оправдания в метафизических и нравственно-философских позициях как необходимо-функционального явления и до ее негативного восприятия как деструктивного, разрушительного феномена общественного сознания. Считаем справедливым и возможным определение ценностного содержания лжи в зависимости от ее конкретных форм ценностного проявления в сознании общества и человека.

Особую роль в восприятии лжи как явления общественного играет аксиологическая ее интерпретация. В данном контексте важно рассмотреть феномен обмана с точки зрения соотношения элементов иерархии ценностей в системе нравственной культуры. Во-первых, ложь является необходимым инструментом сохранения устоявшегося баланса ценностей в обществе. Во-вторых, в системе нравственных ценностей ложь занимает уникальное положение, являясь амбивалентным явлением.

В каждую историческую эпоху формируется целая совокупность условий духовного развития общества. Важным фактором в создании этой совокупности является проблема ценностей. По мнению А. И. Титаренко, «ценностная ориентация играет особенно важную роль в моральном выборе... Даже иллюзорные формы оправдания используются ею для своего утверждения» [10, с. 232].

В истории развития гуманитарного знания можно наблюдать разные ценностно-философские аспекты интерпретации проблемы лжи. Как уже было отмечено, ложь носит системный характер и в этом плане достаточно убедительно выглядит утверждение современного исследователя Л. М. Архангельского: «Доминирующим элементом в структуре морального сознания является его нормативность» [2, с. 83]. Обман в значительной степени проявляется как разнополюсное, многогранное ценностное явление, которое носит в зависимости от фактуры общественного развития изменчивый характер. Этот феномен отражен в различных аксиологических учениях.

В рамках известных нам этико-философских направлений мы можем достаточно наглядно выявить тот факт, что ложь занимает в определенные исторические промежутки времени, в зависимости от доминирования тех или иных парадигм ценностей, координирующее или деструктирующее положение.

Отметим также, что ложь в системе ценностей все более и более становится «утилитарной». В различных случаях бытовой и практической деятельности человека она занимает позицию инструментальной ценности. Мы можем наблюдать в условиях современной дифференциации системы ценностей ту особенность, которая отмечена при рассмотрении современного морального сознания О. Г. Дробницким: «... в обществе... невозможно повсеместное исполнение заповедей «не укради», «не убий» и др., а бесчестность, жестокость, эгоизм являются неперемненными правилами жизни, делается вывод о том, что должно быть достигнуто такое общественное состояние, где эти пороки будут полностью устранены». Современные исследователи в области этики убедительно раскрыли аннигилирующую роль лжи в системе ценностей в условиях нравственной деструкции общественного морального сознания. Русский философ М. М. Бахтин верно отметил негативную сущность воздействия лжи на общественную систему ценностей в условиях современного общества. По его мнению, «ложь – наиболее современная и актуальная форма зла... Нет еще

формы силы (могущества, власти) без необходимого ингредиента лжи. Слепота к смысловому идеальному бытию (независимо от того, знает его кто-нибудь или нет), к смыслу в себе... обманутого превращают в вещь. Это один из способов насилия и овеществления человека» [3, с. 239]. Личность существует и развивается в определенной системе ценностей, которая выстроена в иерархическом порядке в ряду систем общественного сознания. Иерархия может носить конкретно-исторический и личностный характер.

Мы можем со значительной долей уверенности утверждать, опираясь на проведенный выше анализ, наличие такой особенности лжи и обмана, которая современными аксиологами обозначается как повод «к диалогичности» между разными уровнями системы ценностей. Исследователь этико-эстетического среза современной культуры Л. Н. Столович полагает, что любое явление человеческой ментальности имеет амбивалентную окраску. В значительной степени ложь может по причине своей специфики связывать истину с отсутствием какого-либо ценностного бытия культуры, подчас предшествуя истине: «Истина, помимо онтологического и гносеологического значений, обладает и аксиологическим аспектом. Она определяет не только соответствие реальности... но и характеризует значимость реальности и ее познания для человека и общества, для человека как для субъекта, вопреки всем представлениям о «спасительности лжи» и «нас возвышающему» обману [9, с. 101].

И действительно, рассматривая ценностный аспект лжи, можно многократно наблюдать тот факт, что ложь сцепляет различные ценностные и этнокультурные ориентации в условиях максимальной динамики изменения традиционных ценностей и при наличии ценностного кризиса. Л. Н. Столович верно замечает, что «по сути дела, все духовные состояния человека, связанные с актуализацией ценностей, обладают «двойным бытием: в качестве способа освоения ценности и в виде самой ценности» [9, с. 93].

Уже на ранних этапах формирования этических систем ценностей замечается четкая зависимость: насколько глубок ценностный кризис, настолько расширена степень привлечения лжи как функционального звена, связывающего различные уровни ценностей. Т. В. Адорно заметил то обстоятельство, которое трудно не учесть при обосновании тех или иных концептуальных ценностных установок: «Мы живем в век распада личности и регрессирующих коллективов» [1, с. 190].

Не случайно психологи и социологи отмечают особенность, которая характерна для негативных отношений между людьми в обществе, возникающих в результате целенаправленного обмана и лжи, например, с целью опорочить имя преуспевающего человека. Успех способствует развитию языка и ведет к небрежности. Можно высказать искреннее мнение о людях, которые терпеть не могут искренности. Иронические суждения будут переходить из уст в уста. Одно ироническое слово может развязать конфликт. Люди очень чувствительны к тому, как к ним относятся; малейшая критика ранит их, особенно если попадает в уязвимое место. По Дюркгейму, ведущим принципом общества является индивидуализм. «Общество создает условия для расцвета индивидуализма в соответствии с коллективной потребностью и моральным императивом. Сама мораль здесь предписывает каждому проявлять себя. Однако общество, высшим законом которого является индивидуализм, чревато опасностью разъединения и аномалии. Чем больше оно содействует индивидам в отстаивании их прав на самореализацию и удовлетворение их желаний, тем больше опасность того, что индивиды забудут о требовании самодисциплины...» [6, с. 56].

Итак, во-первых, большинство исследователей отмечают такую особенность ценностной содержательной стороны лжи, которая может быть интерпретирована как определенный баланс ценностей. Эмпирически человеческая культура свидетельствует о важной уравнивающей ценностной характеристике лжи как промежуточного феномена между деструкцией и нравственным подъемом общественной культуры. Во-вторых, часто наблюдаемое явление духовного упадка общества сопровождается деструктивной фактурой наличия лжи в системе ценностных коммуникаций. Ложь как бы просачивается во все поры ценностных межчеловеческих отношений и разрывает их. В-третьих, ложь как явление морального сознания человека носит биполярный характер. Она может быть отнесена в некоторых дискурсах к системе инструментальных ценностей. В условиях негативной динамики нравственной атмосферы общества под якобы ложное могут маскироваться конструктивные формообразующие ценности, преследуемые в нравственно распадающемся обществе, что определяет позитивную ценностную составляющую лжи. Ценностно-оценочное содержание лжи при этом выступает как фактор мобилизации индивидуального морального творчества, так как человек, находящийся в среде априорного осуждения лжи

большинством моральных систем, вынужден сталкиваться с проявлениями ее необходимости и оправданности, что заставляет его принимать постоянно новые оценочные решения, составляющие суть индивидуального нравственного творчества (поиска).

Рассматривая социальный контекст феномена лжи, можно дать достаточно четкие свидетельства многоплоскостного его проявления. Люди воспринимают ложь как такой феномен межличностной, межгрупповой, межнациональной коммуникации, с которым практически невозможно бороться, его нужно принимать как данность.

Трудно не согласиться с исследователями, отмечавшими тенденцию нарастания обмана на различных уровнях социальных коммуникаций общества. Проявлениями деструктивного воздействия лжи на всю структуру нравственных отношений в обществе являются: во-первых, фрагментация устоявшихся традиций, отношений и стереотипов поведения человека в обществе и прежде всего в семье, где острейший моральный кризис современности происходит по причине увеличения уровня недоверия и обмана, что фактически приводит к деградации этого института. Во-вторых, можно со всей определенностью утверждать, что политические отношения современности в значительной степени обусловлены осознанием необходимости проявления в обществе лжи как метода политики. В-третьих, в социально-экономических отношениях современного общества доминирует прагматизм, где ложь и обман есть неизменные инструменты достижения социальных и индивидуальных целей. В-четвертых, в государственных структурах современного общества ложь и обман проявляются как амбивалентное явление: с одной стороны, государство вынуждено в интересах общества сохранять определенные заведомо ошибочные цели, с другой стороны – безответственная ложь государственных деятелей приводит к глобальным кризисным последствиям, сказывающимся на последствиях

утверждения атмосферы всеобщего недоверия в обществе.

Важно указать, что функция лжи может быть и амортизирующей социальные отношения, и разрушающей. В немалой степени выявлению функциональности лжи в обществе способствует этико-философский анализ. Рассматривая ложь как морально-этическую и социальную категорию, следует отметить, что ложь – это своеобразная форма поведения человека. Существуют обстоятельства, когда ложь является морально допустимой и оправданной («ложь во спасение»), хотя в большинстве случаев это порок, приводящий к двойной морали и в результате к полному аморализму.

Список использованных источников

1. Адорно, Т. В. Проблемы философии морали / Т. В. Адорно ; пер. с нем. – М. : Республика, 2002. – 239 с.
2. Архангельский, Л. М. О характере морального сознания / Л. М. Архангельский // Вопр. философии. – 1969. – № 5. – С. 83–87.
3. Бахтин, М. М. Риторика в меру своей лживости / М. М. Бахтин // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб. : Азбука, 2000. – С. 232–240.
4. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
5. Дубровский, Д. И. Обман. Философско-психологический анализ / Д. И. Дубровский. – М. : Изд-во РЭИ, 1994. – 117 с.
6. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. – М. : Канон, 1996. – 432 с.
7. Монтень, М. Опыты : в 3 кн. / М. Монтень. – Кн. 1–2. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1997. – 928 с.
8. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М. : Феникс, 1994. – 688 с.
9. Столович, Л. Н. Философия. Эстетика. Смех / Л. Н. Столович. – СПб. : Тарту, 1999. – 384 с.
10. Титаренко, А. И. Структуры нравственного сознания / А. И. Титаренко. – М. : Мысль, 1974. – 278 с.

Поступила 16.09.2011 г.

УДК 94 : 271.2"17"(470.4)
ББК 63.3(2)

Н. О. Шкердина
N. O. Shkerdina

**РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
ПОЛИТИКИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ИНОРОДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XVIII СТОЛЕТИИ***

**IMPLEMENTATION OF MAIN DIRECTIONS
OF POLICY OF CHRISTIANIZATION OF THE NON-RUSSIAN POPULATION
OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE XVIII CENTURY**

Статья посвящена исследованию основных направлений реализации политики христианизации на территории Среднего Поволжья в XVIII в. Основное внимание уделяется методам распространения христианства на территории региона в данный период. Анализируются источники, позволяющие выделить ключевые направления распространения христианства в Среднем Поволжье.

Ключевые слова: финно-угры, тюрки, мордва, татары черемисы, чувашы, удмурты, религиозная политика, церковная история, нормативно-правовые акты.

The article deals with the main directions of the policy of Christianization in the Middle Volga region in the XVIII century. The main attention is paid to the spread of Christianity in the region during that period. Sources are analyzed to identify the key areas of the spread of Christianity in the Middle Volga.

Key words: Finno-Ugrians, Turks, Mordvins, Tatars, Cheremisses, Chuvashs, Udmurts, religion policy, history of church, normative legal acts.

В XVIII в. в истории государства Российского происходят серьезные экономические, социальные, культурные и политические преобразования. В этот период Россия развивается как поликонфессиональное и многонациональное государство, которое требует от власти проводить гибкую, мобильную внутреннюю политику, способствовавшую бы наискорейшей интеграции народов, населяющих ее, в единое социокультурное, геополитическое и экономическое пространство. Значительная роль в этом процессе отводилась Русской православной церкви.

Являясь одним из важных направлений региональной политики Российского государства в XVIII в., миссионерская деятельность Русской православной церкви в отношении языческих и мусульманских народов получила многогранное освещение как в историко-этнографических трудах того времени, так и в текущем законодательстве.

Одним из важнейших направлений жизнедеятельности православной церкви являлась

миссионерская деятельность. В XVIII в. Казань становится одним из центров распространения православия на территории Среднего Поволжья. В 1740 г. активизируется деятельность основанной в 1731 г. Конторы новокрещенских дел в Казани, которая должна была способствовать распространению христианства на территориях Казанской, Нижегородской, Воронежской и Астраханской губерний.

Все эти мероприятия были направлены на уменьшение влияния ислама в средневолжском регионе. По данным В. М. Кабузана в 30–50-е гг. XVIII в. «часть чувашей, мордвы и мари, уклонившихся от крещения, слились с татарами» [2, с. 105]. Законодательно подтверждалось разрушение мечетей и культовых мест как мусульман, так и язычников. За проповеди и обращение татарами других представителей средневолжских народов в ислам следовали жестокие наказания вплоть до сожжения [5, № 8664, с. 720].

В историко-этнографической литературе XVIII вв. получил освещение вопрос отношения представителей средневолжских народов к православию, а так же причины отказа от него. Несмотря на усилия правительства в области христианизации Народов Среднего Поволжья, языческие верования продолжают сохраняться и в конце XVIII в. Д. Перри, И. Г. Георги,

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума в контексте синергично антропологической парадигмы» (ГК № 14.740.12.1351).

Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас подчеркивали именно поверхностный характер христианизации финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья. Новообращенные не восприняли православие как образ жизни, поскольку о нем они знали не совсем достаточно, а те сведения, которые до них доходили, были искажены. Значение предметов культа понималось зачастую буквально.

Постепенно политика христианизации, а вместе с ней и аккультурации начинает приносить свои плоды, о чем свидетельствуют данные И. Г. Георги о том, что большая «половина мордвы исповедует теперь Христианскую веру, и ... они от языческого закона удалились уже больше, нежели черемисы и чувашы» [1, ч. 1, с. 46].

В то же время внедрение христианства интересным образом сказалось на религиозном сознании ряда народов Среднего Поволжья. И. Г. Георги и ряд западноевропейских и российских авторов зафиксировали уникальный факт наличия религиозного синкретизма в духовной жизни мордвы. И. Г. Георги писал: «Николай Пас есть почитаемый россиянами, Святитель Николай, которому приписывают они благосостояние российского народа, ставят перед икону его, в российских церквях свечи, и воздают изображению его, в домах своих почтение» [1, ч. 1, с. 46]. Это свидетельствует о процессе трансформации религиозно-мифологических воззрений, которые являются одним из краеугольных камней культурного сознания каждого этноса.

Переход финно-угорских и тюркских народов в православие достигался различными методами, варьировавшимися от насильственного принуждения до экономического стимулирования в виде льгот, предоставляемых новокрещенцам. Землепользование выступало как способ воздействия на инородцев. Так, в сентябре 1720 г. был издан «Указ о льготах новокрещенцам на три года от разных податей и сборов» [4, № 3637, с. 234–235.]. По данному указу принявшим православие инородцам предоставлялось освобождение от всех государственных налогов, выдавались подарки в виде денег, отрезков ткани, продуктов питания, снятия недоимок и т. п. Льготы носили личный характер и предоставлялись лишь только крестившимся лицам.

В качестве еще одного из рычагов воздействия на так называемое «инородческое население» средневожского региона было насаждение православия не только с помощью миссионеров, но и через представителей региональных элит. В 1713 и 1715 гг. [3, № 2734, с. 66–67; № 2741, с. 71; № 2920, с. 163.] появляются указы, в которых некрещеным помещикам-инородцам, прежде всего это касалось татар-мусульман, запрещалось владеть крепостными крестьянами.

Представителям региональных элит, которые приняли христианство, земли и крестьяне возвращались. В указе 1729 г. была предпринята попытка исправить сложившееся положение и вернуть земельные угодья представителям инородческой элиты [3, № 4962, с. 699]. Предоставление права собственности на владение землей и крепостными крестьянами на протяжении XVIII в. выступало разменной монетой, позволявшей оказывать давление на представителей национальных элит Среднего Поволжья. Указом 1784 г. татарские князья лишались одного из самых существенных прав российского дворянства – права покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианского исповедания, составлявшим основу политического и экономического могущества дворянского сословия.

Еще в середине 60-х гг. XVIII в. наметились тенденции к переходу от жесткой христианизаторской политики с ее откровенной нетерпимостью к более гибкой и прагматичной идеологии. Изданный в июне 1773 г. указ «О терпимости всех исповеданий» по существу обозначил официальное признание Ислама, изменив статус ранее гонимой конфессии до положения «терпимой» в Российской империи религии [6, № 13996, с. 1224]. Последняя четверть XVIII в. характеризуется известной либерализацией позиции правительства Екатерины II по отношению к религиозным воззрениям инородческого населения Среднего Поволжья. А события Крестьянской войны 1773–1775 гг. показали острую необходимость поиска социальной опоры в регионе, что привело к смещению акцентов в национальной политике и в религиозной сфере.

Источники XVIII в. достаточно детально характеризуют весь спектр мер, применявшихся в процессе религиозной унификации инородческого населения Среднего Поволжья. Посредством христианизации государство стремилось реализовать такую глобальную цель, как социально-культурная и политическая интеграция вошедших в состав Российского государства народов, создание духовно-идеологических предпосылок к сплочению многонационального и поликонфессионального общества. Способы для достижения этой благой цели были весьма многообразными и достаточно жесткими. Помимо этого, православная церковь способствовала решению ряда таких глобальных внутривластных задач, стоявших перед Россией в XVIII вв., как: интеграция в российское экономическое пространство территории Среднего Поволжья, достижение социальной стабильности путем христианизации представителей национальных элит, создание единого духовно-культурного пространства в рамках российского социума.

Список использованных источников

1. Георги, И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей / И. Г. Георги. – СПб., 1799. – Ч. 1. – 846 с.
2. Кабузан, В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав / В. М. Кабузан. – М. : Наука, 1990. – 256 с.
3. Полное собрание законодательства Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. – СПб. : Тип. II

отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. V. – 1286 с.

4. ПСЗРИ Собр. 1. СПб. : Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. VI. – 896 с.

5. ПСЗРИ Собр. 1. СПб. : Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. XI. – 1000 с.

6. ПСЗРИ Собр. 1. СПб. : Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. XIX. – 986 с.

Поступила 16.09.2011 г.

УДК 821.161.1
ББК 83.3Р6

Ю. И. Щанкина
Y. I. Shchankina

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗРАБОТКИ СОЦИАЛЬНО-ЗНАЧИМЫХ ТЕМ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

GENERAL REGULARITIES OF WORKING OUT OF SOCIALLY SIGNIFICANT TOPICS IN MODERN RUSSIAN LITERATURE

В данной статье анализируются общие закономерности разработки социально-значимых тем в современной русской литературе в контексте литературной ситуации рубежа веков.

Ключевые слова: тематика, герой, современная литература, нравственность, нравственный релятивизм, проблема героя.

This article examines the general laws of development of socially significant topics in contemporary Russian literature in the context of the literary situation at boundary of centuries.

Key words: topic, character, modern literature, morality, moral relativism, problem of hero.

Проблематика современного литературного развития лежит в русле освоения и преломления различных традиций мировой культуры в условиях кризисного состояния мира (экологические и техногенные катастрофы, стихийные бедствия, страшные эпидемии, разгул терроризма, расцвет массовой культуры, кризис нравственности, наступление виртуальной реальности и др.), которое вместе с нами переживает все человечество. Психологически оно усугубляется общей ситуацией рубежа веков и даже тысячелетий. А в ситуации нашей страны – осознанием

и изживанием всех противоречий и коллизий советского периода отечественной истории и культуры соцреализма.

Часто оказываются синонимичными понятия «современная русская литература», «новейшая русская литература» и выражение «литературный процесс конца XX – начала XXI веков», так как реальное состояние современной литературы может быть представлено как существование и взаимодействие различных художественных систем. Современная отечественная литература развивается на основе русских классических традиций, вместе с тем творчески переосмысливая проблемы и темы, принципы и приемы художественного творчества писателей-классиков. Сегодня реализм развивается в сложном переплетении с натурализмом, модернизмом, сентиментализмом и т. д. Все это составляет общую

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума в контексте синергично антропологической парадигмы» (ГК № 14.740.12.1351).

картину современной русской литературы. Отсюда и понимание последних десятилетий XX – начала XXI веков как особого периода в общем развитии русской литературы.

Однако наряду с выраженной «популяризацией» литературы значима и тенденция притяжения противоположностей. Все более прозрачной и подвижной становится граница между высокой и массовой литературой – налицо очевидное тяготение к совмещению в пределах одного текста сложных приемов письма, пришедших из элитарной литературы, и беллетристически занимательных ходов, позволяющих поддерживать сюжетный интерес (характерный пример – литературный проект Б. Акунина).

В какой мере литература откликается на эти труднейшие жизненные и духовные реалии? Должна ли она, как это было в классической русской литературе, давать ответы на трудные вопросы бытия или хотя бы ставить их перед читателем, способствовать «смягчению нравов», сердечности в отношениях людей? Или писатель – беспристрастный и холодный наблюдатель людских пороков и слабостей?

В нашей критике есть разные точки зрения на современный литературный процесс и само предназначение литературы. Так, А. Немзер уверен, что литература выдержала испытания свободой и последнее десятилетие было «замечательным» [3, с. 34]. Татьяна Касаткина в статье «Литература после конца времен» утверждает, что единой литературы сейчас нет, а есть «клочки и фрагменты» [1, с. 23].

И все же при отсутствии жестких границ, разделяющих литературные явления, современная критика выделяет несколько основных направлений и течений, определяющих литературную ситуацию в России последних двадцати лет [2; 7].

Постмодернизм как литературное направление новой культурно-исторической эпохи – постмодерна – сформировался в 60-е годы XX столетия на Западе. Кризисное состояние современного мира, с присущими ему тенденциями распада целостности, исчерпанностью идеи прогресса и веры в Радио, философией отчаяния и пессимизма и одновременно с потребностью преодоления этого состояния через поиски новых ценностей и нового языка, породило сложную культуру. В ее основе лежат идеи нового гуманизма [3, с. 92].

Культура постмодерна складывалась через сомнения во всех позитивных истинах. Для нее характерны разрушение позитивистских представлений о природе человеческих знаний, размывание границ между различными областями

знаний: она отвергает претензии рационализма на понимание и обоснование феномена действительности. Постмодерн провозглашает принцип множественности интерпретаций, полагая, что бесконечность мира имеет как естественное следствие бесконечное число толкований. Данная культура возникла в эпоху активного развития массовых коммуникаций (телевидение, компьютерная техника), в конце концов приведших к рождению виртуальной реальности. Уже в силу этого такая культура настроена не на отражение реальности средствами искусства, а на ее моделирование через эстетический или технологический эксперимент. Постмодернизм утверждает также свою слиянность с философией.

Постмодернистская культура в силу ее концептуальных положений выдвигает идею деконструкции, демонтажа как основного принципа современного искусства. В деконструкции, как ее понимают постмодернисты, не уничтожается прежняя культура, напротив, связь с традиционной культурой даже подчеркивается, но в то же время внутри нее должно производиться что-то принципиально новое, иное.

Постмодернистский текст активно творит нового читателя, который принимает правила новой игры. Игровое начало в постмодернизме проявляется и в постоянной перемене местами литературности и жизненности, так что граница между жизнью и литературой в тексте окончательно размывается, как у В. Пелевина, например. Писатель – не только ядовитый критик современной цивилизации: он аналитик, констатирующий ее трагическую тупиковость. Речевое ерничество, пародийность, виртуозность композиции, лишенной линейной определенности, вольно разрываемой вставными эпизодами, – не постмодернистские приемы, не отказ от писательской ответственности вообще, а способ предупреждения об опасности, которая грозит человечеству. Подмена живой жизни виртуальной реальностью далеко не безобидна. «Телевизор, – пишет Пелевин, – превращается в пульт дистанционного управления телезрителем... Положение среднего человека не просто плачевно – оно, можно сказать, отсутствует...». Но и сам автор нередко попадает в плен созданной его фантазией художественной реальности. Авторская позиция, несмотря на прозрение трагических коллизий современности, внутренне противоречива. Игровое начало увлекает писателя: жизненные поиски героя романа «Generation P» циника Татарского мистифицированы. Писатель мифологизирует «конец реальности». «Игра» и реальность неразделимы в его романе.

В. Пелевин, протестующий против идеологических догм, абсурдности закрепощающей человека системы, всегда устремленный к свободе, как это ни парадоксально, идеологичен и свободы не достигает. Он никак не может освободиться от власти идеи абсурдности советской истории и даже исторического сознания вообще. Отсюда необычайная рационалистичность, продуманность всех внутренних ходов произведения, и как закономерное следствие – предсказуемость, узнаваемость его писательских «откровений». Эта особенность пелевинского творчества, несомненно, ослабляющая его значимость, просматривается и на уровне художественной концепции, и на уровне приема, образа.

Реализм в эпоху постмодерна претерпевает значительные изменения. Писатели-реалисты по-прежнему исходят из представления о том, что в мире есть смысл – только его надо найти (постмодернисты уверены, что смысл столь же относителен, как и сама реальность, в которой его можно было бы искать). Но при этом главной проблемой, с которой столкнулся реализм, стало «отсутствие единой концепции правды».

Наряду с эмпирическим миром появляется аллегорический, притчевый, метафизический (В. Астафьев, А. Ким). Документальная «правда жизни» вытесняется в ограниченные сферы литературы, воссоздающие жизнь социума: «армейские хроники» О. Ермакова, А. Терехова; «деревенские» рассказы А. Варламова.

Тяготение к реалистической традиции наблюдается в «массовой» литературе – романах А. Марининой, Ф. Незнанского.

Традиционно маргинальные сферы реальности (тюремный быт, ночная жизнь улиц, «будни» мусорной свалки) и маргинальные герои, «выпавшие» из привычной социальной среды (бомжи, проститутки, воры, убийцы) стали основными объектами изображения в неонатурализме. Его истоки – в «натуральной школе» русского реализма XIX века, с ее установкой на воссоздание любых сторон жизни и отсутствием тематических ограничений, поэтому в неонатурализме актуализируется «физиологический» спектр литературной тематики: алкоголизм, насилие, сексуальное вожделение. Болезнь. Примечательно, что жизнь «дна» интерпретируется не как «другая жизнь», а как обнаженная в своей

абсурдности и жестокости обыденность: армия, зона, помойка – это «социум в миниатюре», в котором действуют те же законы, что и в «нормальном мире» [2, с. 9].

Характерные образцы неонатуралистической прозы – повести «Стройбат» Сергея Каледина, «Казенная сказка» Олега Павлова, «Минус» Романа Сенчина. Главный герой повести, монтировщик из провинциального театра – образец «дремотного» сознания человека, для которого поиски ответов на «вечные вопросы» трансформируются в поиск еды, питья и денег. Бесцельная маета, пустая рутина сплошных будней, атрофия чувств – вот чем определяется утекающая в никуда жизнь современного «маленького человека».

Перспективы литературного процесса в России связаны с иными творческими тенденциями, с обогащением художественных возможностей реализма. Его рамки, как мы видим на примере творчества многих современных писателей, могут быть раздвинуты вплоть до модернистских и постмодернистских приемов. Но при этом писатель сохраняет нравственную ответственность перед жизнью. Он не заменяет собою Творца, а лишь стремится выявить его замысел.

И если литература помогает человеку уточнить время его существования, то «всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека его реальность этическую» (И. Бродский). Через приобщение к эстетической реальности человек «уточняет» свои нравственные ориентиры, учится понимать свое время и соотносить свою судьбу с высшим смыслом бытия.

Литературный процесс в России рубежа XX–XXI веков вселяет уверенность в то, что литература по-прежнему необходима человеку и человечеству и верна великому предназначению Слова.

Список использованных источников

1. Касаткина, Т. А. Литература после конца времен / Т. А. Касаткина // Новый Мир. – 2000. – № 6. – С. 43–52.
2. Кучина, Т. Г. Современный отечественный литературный процесс / Т. Г. Кучина. – М. : Дрофа, 2006. – 349 с.
3. Немзер, А. С. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е – Москва / А. С. Немзер // Новое литературное обозрение, 1998. – 432 с.

Поступила 16.09.2011 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.511.152
ББК 83.3 (2Р–6Мо)

О. И. Бирюкова
O. I. Birukova

**НЕКАНОНИЧЕСКИЕ ЖАНРООБРАЗОВАНИЯ И ЖАНРОВЫЕ ВСТАВКИ
КАК ЯВЛЕНИЕ ДЕКАНОНИЗАЦИИ В МОРДОВСКОМ РОМАНЕ
НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ***

**NONCANONICAL GENRES AND GENRE INSERTS
AS PHENOMENON OF DECANONIZATION IN THE MORDOVIAN NOVEL
AT FORMATIVE STAGE**

В предлагаемой статье в аспекте принципа структурности как доминирующего жанр мордовского романа начала XX века рассматривается, с одной стороны, как целостное жанрообразование, а с другой – как система взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов, подчиненных творческой идее.

Ключевые слова: неканонические жанрообразования, жанровые вставки, роман, деканонизация.

In article the author considers a dominating genre of the Mordovian novel of the beginning of the XX century, on the one hand as the complete genre, and with another – as the system of the interconnected and interdependent components subordinated to the creative idea.

Key words: noncanonical genres, genre inserts, novel, decanonization.

Современное литературоведение проявляет заметный интерес к такому литературному феномену, как жанры, во внутренней и внешней структуре которых наиболее зримо представлены особенности определенного этапа исторического развития литературы. Жанровый аспект актуален и в плане «выстраивания» общей исторической картины жанрового развития национального литературного процесса в целом, и в творческом опыте отдельных писателей, и в плане научной «реконструкции» механизма формирования и развития отдельных жанровых образований в их национальном и индивидуально-художественном своеобразии. Изменение социально-экономических и историко-культурных условий жизни и как следствие этого расширение тематики и проблематики, углубление идейного содержания произведений, накопление литературного опыта, межжанровые взаимосвязи – все это в конечном итоге способствовало обогащению национальной литературной практики начала XX века новыми жанровыми формами, «неканоническими» жанровым образованиями.

В определении канонических и неканонических жанров придерживаемся позиции Н. Та-

марченко, который под «каноническими» понимает жанры, структуры которых восходят к «вечным» образцам. «Неканонические» в свою очередь «не воспроизводят готовые, унаследованные формы художественного целого» [12, с. 10].

«Неканонические» жанры характеризуются следующими конститутивными чертами: 1) жанровая модальность, представляющая собой атрибутивное свойство жанра выражать устойчивое отношение к любому объекту своей рефлексии (соотнесение в одном произведении нескольких жанров); 2) стилистическая трехмерность (соединение стилей, присущих используемым жанрам и новообразующемуся жанру); 3) внутренняя мера, которая создается в точке пересечения жанров и является итогом творческого акта.

И в канонических, и неканонических своих разновидностях жанр не просто репродуцирует жанровый канон или принцип индивидуально-творческого выбора, основанного на создании новых жанровых вариаций, но и являет собой форму литературного самосознания. Воспроизводящая структура, независимо от сознательной авторской установки, оказывается переосмыслением и переоценкой воспроизводимой. Это положение означает, что художникам, создающим образцы канонических жанров, можно избежать эпигонства и подражания, а при создании неканонических структур – сохранить тождество с воспроизводимым произведением.

* Статья выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по теме «Интеграция художественных традиций литератур народов Поволжья и Приуралья в контекст современных социокультурных проблем» (гос. контракт № П660 от 19.05. 2010).

Главным неканоническим жанром в литературоведении признан роман, «единственный становящийся жанр» [1, с. 396]. В нем постоянно отражаются изменения писательского отношения к действительности, вырабатываются новые жанровые формы. В этом отношении интересно определение Н. Рымаря: «Роман – литературная форма, обладающая своей творческой задачей, своими ценностями и философией. Это определенная форма художественного мышления, творческого отношения субъекта к действительности. Ее эстетическая концептуальность обусловлена заключенной в ней структурой художественной деятельности, ориентированной на этико-эстетические задачи, специфически романное решение проблемы человека» [11, с. 3].

Следовательно, роман можно рассматривать: 1) в нормативном аспекте как более или менее постоянный набор признаков, атрибутов; 2) в конвенциональном аспекте, т. е. с оценкой жанра в определенные исторические эпохи, литературные периоды; 3) в аспекте структурности, т. е. в единстве канонических и неканонических форм, заключенных в том или ином произведении.

Ориентация на принцип структурности в исследовании жанра романа дает возможность восприятия его как целостного образования и указывает на то, что он является не совокупностью отдельно воспринимаемых признаков, а системой взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов, подчиненных единой творческой идее. В то же время нельзя отождествлять системное единство, рождающее у читателя ощущение жанра, с целостной системой, образующей художественное произведение.

Ярким примером «неканонического» жанрообразования в мордовской литературе начала XX века можно считать роман в стихах, в котором родовой доминантой является не поэтическое, а повествовательное начало. Жанр романа в стихах в мордовской литературе вызревает в рамках лиро-эпической и эпической поэмы 30-х гг. XX века («Ульяна Сосновская» и «Нувази» Д. Морского, «Ёфкс, кона ульс» («Сказка-быль») и «Волянка» («За волю») М. Безбородова, «Валске Сура лангсо» («Утро на Суре») П. Кириллова, «Эрьмезь» Я. Културкаева, «Гале» и «Литува» А. Рогожина и др.). В первом мордовском романе в стихах «Кинель» (1933) А. Лукьянова представлен набор содержательных признаков, перешедших из поэзного жанра в романный: стремление автора к эпически широкому изображению жизни родного народа в далеком прошлом; разработка социально-бытовой проблематики, с одной стороны, и внимание к освоению исторической темы – с другой. При этом

произведения исторической тематики отличались большей полнотой реалистического жизнеописания и более яркой художественной колоритностью. Это достигалось за счет: синтеза реалистических традиций и возможностей, которые давал фольклор; реализации принципа изображения социально-исторических обстоятельств через судьбу человека и народа; повышенного внимания к психологическим способам раскрытия характеров и развернутого сюжета с зачатками многоплановости; незримого участия автора в судьбах героев, что прослеживается и во внутренних деталях, когда поэтический образ раскрывает отношение автора ко всему происходящему, и в картинах природы, которыми он оттеняет внутреннюю сущность события или состояния героев.

В «Очерке мордовской советской литературы», а затем и в «Истории мордовской литературы» [8, с. 105] утверждается, что в период довоенных десятилеток мордовская проза освоила не только жанр повести, но и романа [10, с. 106]. Мы считаем, что целесообразнее говорить о том, что в 30-е гг. мордовские писатели только еще вплотную подошли к решению этой задачи, так как полноценного романа, в котором художественно зрело нашли бы воплощение главные черты этого жанра, в обозначенный период не было. Кроме того, романы, которые были начаты в первой половине 30-х гг. XX в. – «Кинель» А. Лукьянова, «Раужо палмань» («Черный столб») А. Куторкина и «Чихан-пандо ало» («Под Чихан-горой») Т. Раптанова, – по разным причинам не были окончены (вышли только их первые книги). Несмотря на то, что в последующие годы печатались продолжения перечисленных произведений, ни одно из них не было написано до конца.

Первый законченный роман «Большая Каменка» в мордовской литературе вышел в 1931 году на русском языке в Москве, и в критике был назван одним из первых крупных по тому времени романов о новой деревне [3, с. 47], в котором получила развитие линия крестьянского романа с эпическим началом.

С другой стороны, для объективного восприятия романа следует привести и критические отзывы, согласно которым для этого произведения «были присущи просчеты идейного и художественного порядка», а «неумение владеть эпической широтой повествования привело к фрагментарности и аморфности сюжета и композиции, обилию действующих лиц – к беглости в их обрисовке» [13, с. 222].

Имели место и такие критические оценки: «Из романов... А. Дорогойченко «Большая Каменка» и других явствовало, что автор не ставил себе целью разобраться в сложности жизни, выявить типические конфликты, добавить нечто

новое к художественному осмыслению революционной действительности. Критика писала в этой связи о революционном геометизме», пришедшем на смену «революционному космизму», о том, что «вопреки доброй воле автора», у них получается «благонамеренная советская вампука, способная только вызвать недоверие даже к тем случайно подмеченным верным штрихам, которые туда западают» [4, с. 239].

Роман «Большая Каменка» тематически сопряжен со временем его создания. Он воспроизводит особенности типологического конфликта эпохи: противопоставление «темного прошлого» и «новой жизни»; принцип полярного размежевания характеров (параллель – противостояние); изображение жизни до Октября 1917 года как бесконечной вереницы горестей и народных бедствий, контуры страстно желаемого счастливого будущего только намечены; в центре повествования оказывается судьба человека эпохи существенной ломки общественных, нравственных жизненных устоев, переоценки ценностных ориентиров. В связи с этим в центр повествования введены разные персонажи: Митрич (Потап Дмитриевич Солонин), чье представление о счастливой жизни связано с поиском новых плодородных земель; подросток Санек, очарованная душа, отзывчивая на знания, красоту природы и любые проявления человечности; Панок, всю жизнь ищущий правду. Приведенные в качестве примера персонажи, выделенные в романе приемом крупнопланового изображения, выступают носителями лучших черт национального характера: нравственного здоровья, душевной щедрости, готовности к самопожертвованию.

В сфере миропонимания героев романа А. Дорогойченко утверждает истины, приближенные, с одной стороны, к идеалам социалистического строительства (герои объективно слиты с пафосом новой жизни), а с другой – к истинно народному миропониманию, истоки которого следует искать в фольклоре. Именно содержание народного характера послужило писателю благодатной почвой для убедительного художественного воссоздания облика мордвина на переломном этапе. Воспроизведение народной жизни в романе смыкается по своим функциональным свойствам с линией внешнего показа, т. е. с демонстрацией собственной самобытности, хотя при этом одновременно особо подчеркивается общесоветская сущность изображаемого.

А. Дорогойченко явно делает установку на изображение созидательных начал в крестьянском характере, не сужая изображаемый мир до показа малограмотной, слабо информированной, заведомо косной среды. В романе, как впрочем и в новеллистике автора («Ре-ке-сем», «Бондарь

Ваня», «Товарищ Варвара» и др.), крестьянский мир не задавлен убогим укладом сельской жизни, не забит до основания нищенским существованием, как было принято изображать деревню в крестьянской прозе 1920–1930-х гг. В произведениях мордовского прозаика деревня тронута революционным брожением, мечтой, подвижничеством.

Для реализации поставленной мордовским прозаиком задачи в повествование вводится дневниковая запись «Из прошлого для будущего – приключении председателя Савецкой власти села Большой Каменки той же волости Алексей Иваныча Панкова по некультурному прозвищу Панок» [5, с. 256–263], которую мы определяем как жанровую вставку, «локализованный в композиции литературного произведения жанр» [7, с. 136].

Жанровая вставка, реализованная в дневниковой записи Панка, не вторична, не факультативна. Ее функциональный диапазон в романе значим. С одной стороны, такая вставка является простым подражанием типичным жанрам человеческой жизнедеятельности (дневник) и потому существует в границах художественной реальности произведения, а с другой стороны, имеет сюжетообразующее значение. В своих воспоминаниях Панок излагает события личной жизни на фоне современной ему действительности. Это история человеческого мужания, обретения выстраданного, и потому для него бесценного художественного опыта. В изображении событий и перемен жизни Панка стержнем является история падений, метаний, заблуждений. Безыскусный и наивный по форме рассказ героя («география с приключениями») о событиях своей жизни – участие в защите Самары, побеге из-под расстрела и служба в Чапаевской дивизии – одна из самых обнаженных, на наш взгляд, в российской литературе духовных исповедей человека, наделенного даром к духовному подвижничеству во имя идеи.

Панок – романный герой, наверное, поэтому А. Дорогойченко природной стихии, необузданности придал вес исторического сознания. Выразительные приметы, подробное описание вещного мира («я могу быть наводчиком... если призывает международный интерес» [5, с. 256]; «я бежал за красным военным туда, где озверевшие наемники на мировой капитал хотели в зародышке раздавить пролетарское выдвижение во главе с Компартией» [Там же, с. 257]; «Не терпело мое сердце и стучало в грудной скелет. Беги беги беги» [Там же, с. 259]; «что же я буду лечиться ежели перед нами такие задачи проторизации нашей эпохи и я не согласен на нэп» [Там же, с. 262]) было важно не только для изображения

исторического времени, но прежде всего для воплощения исторического самосознания личности.

Речевое сознание Панка свободно от предельной нейтральности «непререкаемо-авторитетного» языка, открыто для полифонии: для воссоздания, с одной стороны, стихии народной речи, а с другой – четкой индивидуализации. А. Дорогойченко вводит лингвистически немотивированные, окказиальные искажения русских слов («реонтироваться», «проторизация», «вчерась», «вакуировались», «вакурат», «с интингенцией» и т. п.). Заметное авторское стремление к насыщению речи персонажа подобными интерферируемыми неологизмами, отражающими новые реалии крестьянского быта, вполне обосновано особенностями мордовского национального характера, которому испокон веков свойственна тяга ко всему новому.

Принципиальная незавершенность истории Панка, открытость финала – это проявление романного начала, так как именно роман стремится не только воспроизвести «текучесть» жизни, но и к незавершенности жизни. Будучи обыкновенным человеком, живущим в маленьком мире Большой Каменки, Панок ищет себя и свое предназначение пока интуитивно, мучаясь и страдая, совершенствуясь по мере освоения большого исторического пространства.

Показ противоборствующих начал в психологии героев «переходного времени», неоднозначность, дисгармония человеческого естества, «текучесть» человеческого «я» – то, что привлекало А. Дорогойченко, осмысливалось им через призму идейно-эстетических идеалов и с большой художественной силой раскрылось в первой книге неоконченного романа «Живая жизнь», который стал своеобразной вехой в творческих исканиях писателя 1930-х гг. В нем автор принципиально отказывается от какой-либо завершающей авторской трактовки художественного образа, заданности и вступает с героем в открытый диалог.

Согласно авторскому комментарию задуманный роман-эпопея должен был стать попыткой показать «на развернутом фоне положительных и отрицательных явлений перестраиваемой деревни женщину-партийку, которая вышла из низов старой деревни... Вторгаясь и мучаясь, сомневаясь и падая. Вновь поднимаясь, она на практике жизни борется с остатками мелкобуржуазной своей психикой...» [6, с. 3]. Поставленная и реализованная в романе цель наложила отпечаток на выбор жанровой формы произведения. «Живая жизнь» – это не просто роман, и даже не роман-эпопея, а **роман-исповедь**.

Объектом художественного изображения в масштабах широкого эпического полотна стано-

вится психология главной героини – Нины Дородновой, эволюция ее внутреннего мира, процессы, происходящие внутри человеческого «я» под влиянием внешних обстоятельств. Учитывая исторический и собственно эстетический аспекты, художник внутренним движущим импульсом повествования романа делает, характерное для поэтики социалистического реализма противоречие между личным и общественным, долгом и чувством.

По художественному определению А. Дорогойченко, два основных начала определяют жизненный комплекс Нины: высокое, гражданское, выраженное самозабвенным стремлением героини к труду во благо людей («Скорей бы работать, работать, работать!» [6, с. 23]; «...мне захотелось скорее приехать сюда: работать практически на земле, в родной крестьянской среде... Ведь я родилась здесь, росла – я органически чувствую привязанность к этим тысячам бородастых моих земляков, потребность все знания свои отдать, себя отдать...» [Там же, с. 75], и вполне естественное начало, представленное неразделенным чувством любви («Моя неразделенная любовь, не находя выхода, переполняла меня, радовала и мучила. Мне хотелось отдать ее тому, кто мог бы ответить таким же большим человеческим чувством. А таких не было...» [5, с. 37]. В попытке сбалансировать эти две особенности в психологическом состоянии героини, в их слитности видит автор реальный путь достижения гармоничного нравственного единства внутри человеческого «я» героини.

Реализованная художественная задача неоднозначно была оценена критикой. Так, Л. Васильев считал, что «образ Нины Дородновой... недостаточно продуман автором и во многом противоречив. Нина представлена передовой женщиной-партийкой, а между тем нравственный ее уровень очень сомнителен и может вызвать у читателя только осуждение. Она мечтает о настоящей большой любви, а сама бесконтрольно расходует свои чувства... А ведь образ Нины имел все основания стать в произведении по-настоящему жизненным и убедительным» [3, с. 73].

Интересное толкование этому образу дала А. Мирошкина: «С первых же страниц книги становится ясной ее позиция. Нина намерена ехать в села, артели и там, на местах, помогать людям, строить новую жизнь... Отнюдь не биологические инстинкты, а высокие гражданские помыслы определяют главное направление в развитии характера героини, ее деятельности. Что касается иронии некоторых критиков относительно «тоски по большому человеческому чувству», действительно присущей коммунистке Дородновой

и мастерски переданной автором романа, то, во-первых, почему непременно ее внутреннее смятение, обусловленное нередко особенностями женской психики, сводить к чисто биологическим началам. Почему не задуматься, а не являются ли некоторые противоречия в характере героини результатом поисков положительного героя? Ничто человеческое не чуждо положительному герою, но он умеет управлять своими чувствами и не дает возобладать личным мотивам в делах общественных, государственных» [9, с. 153–154].

Соглашаясь по некоторым позициям с выдвинутым предположением (а именно в своеобразии воплощения характера уместно видеть результат поисков автором положительного героя), считаем необходимым дополнить обозначенную характеристику. Во-первых, любовный мотив по ходу повествования романа приобретает особую аксиологическую выразительность. Именно с этой точки зрения конфликтные ситуации романа значительно заострены. Приведем текстовое подтверждение: «В товариществе у меня прекрасные отношения и сработанность со служащими..., но все это не то: к ним я повернута одной только общественной своей стороной» [6, с. 27]; «...я негодовала на то, что люди отдают главное внимание своей личной жизни, когда вокруг так много неустройств и вредительства, я называла это упадничеством, разложением, я вообще отвергала личную жизнь в переходное время, как предательство, как барскую роскошь, и вдруг заметила: близко, прямо в мои зрачки и, кажется, в сердце мое прозрачно-голубые смотрят хохочущие глаза агронома. Хозяйка из-за самовара смотрит с настороженным лукавством. Я смутилась, смолкла» [Там же, с. 115]. Именно любовь, самое непредсказуемое и противоречивое человеческое чувство, становится в романе своего «материализацией» интимно-личностного начала, чего так не хватало литературе начала XX века, и так много было в жизни.

Во-вторых, своеобразной особенностью создания образа героини становится его незавершенность. Имеется в виду не незаконченность романа, а художественная «незавершенность-неопределенность» образа героя, недосказанность как художественный прием. В этом аспекте актуальны слова М. Бахтина: «Все устойчивые объективные качества героя, его социальное положение, его социологическая и характерологическая типичность, его *habitus*, его душевный облик и даже самая его наружность, то есть все то, что обычно служит автору для создания твердого и устойчивого образа героя... становится объектом рефлексии самого героя, предметом его самосознания; предметом же авторского видения

и изображения оказывается сама функция этого самосознания» [2, с. 55]. В романе все введено в кругозор героини, окружающая действительность является предметом ее самосознания. Нина сама анализирует собственное существование, поступки, действия с разных точек зрения. Автор вводит в текст даже самопортрет героини: «Я начала подолгу всматриваться в зеркало: оттуда смотрит смуглое, широкоскулое лицо с карими глазами, немного косыми, выдающими мою мордовскую национальность. А нос с горбинкой делает меня похожей на еврейку. Резко очерченные крупные губы мои дьявольски могут улыбаться» [6, с. 26], и самообращение: «Лежу на койке вниз лицом и полноводно, горько плачу. О чем, о чем ты, Нина?.. Ужели стоит только налететь грозovому холодному ветру – и порвется паутинка твоего спокойствия?.. Что же мне делать? Что делать мне, если я немножко устала?.. Устала я, Нина, прости меня за это. Надо больше самообладания, да!.. Я не умею справиться с собой... Успокаиваю себя, убеждаю, стыжу...» [6, с. 169].

Монологическая речь героини характеризуется внутренней диалогичностью и живой обращенностью ко всему тому, о чем она думает. Такая стилевая форма с преобладанием слова героя таила в себе возможность полного отмежевания автора от героя, позицию полного словесного невмешательства. В этом были противоречия найденной формы, в этом были ее несомненные преимущества: установка на воспроизведение «чужого» голоса обеспечивала некую свободу самовыражения, позволяя вложить в уста героя то содержание, которое по тем или иным причинам невозможно выразить в прямом авторском слове. Следовательно, самосознание героини становится в романе А. Дорогойченко художественной доминантой построения образа, а в пределах творческого замысла героиня самостоятельна и олицетворяет полноправное «я». Герой в таком замысле автора является носителем полноценного слова: слово автора ориентировано не на героя как слово, «автор говорит всею конструкцией романа не о герое, а с героем» [2, с. 74].

Автор, видя и понимая жизненные противоречия своей героини, ее метания между личным и общественным, «провоцирует» ее и тем, и другим. При этом внешние факторы раскрытия жизненной ориентации персонажа выступают как моменты самосознания героини. Ценности и антиценности не утверждаются, а рождаются и опровергаются в диалогическом общении автора и героини.

Таким образом, мордовские романисты начала XX века видели мир в динамическом и катастрофическом ракурсе: в радикальных сдвигах

и разломах, в прорывах в область трансцендентного, утопической устремленности в будущее. В художественно-эстетическом аспекте такое самосознание реализовалось в установке на фрагментарность композиции, антитетичность как определяющее отношение создаваемого смыслового мира, соединение реалистической достоверности с условно-символической обобщенностью. Рост духовного самосознания личности и обострение ее противоречий со средой, обществом, миром предстает как закономерность современной жизни, определившая характер действия в произведениях этого периода, его напряженную динамику, насыщенность драматическими коллизиями, связанными между собой в целую систему. В романе проявляются изменения писательского отношения к действительности, к объектам изображения, к сути предмета искусства, создаются его новые формы (роман в стихах, роман-исповедь, роман с жанровыми вставками и т. д.).

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1986. – 543 с.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Худ. лит., 1972. – 469 с.
3. Васильев, Л. Г. Алексей Дорогойченко. Очерк жизни и творчества / Л. Г. Васильев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1961. – 144 с.

4. Горбов, Д. В поисках темы / Д. Горбов // Красная новь. – 1926. – № 12. – С. 239.
5. Дорогойченко, А. Я. Большая Каменка / А. Я. Дорогойченко. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1983. – 280 с.
6. Дорогойченко, А. Я. Живая жизнь: роман / А. Я. Дорогойченко. – М.–Л. : Земля и фабрика, 1930. – 320 с.
7. Иванюк, В. П. Избранные статьи из жанрологического словаря / В. П. Иванюк // Вестник Елецкого гос. ун-та им. И. А. Бунина. – Филология. – Елецк : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2004. – Вып. 3. – 336 с.
8. История мордовской литературы / под ред. Н. И. Черепкина. – Саранск : МГУ, 1981. – 385 с.
9. Мирошкина, А. Е. Роль А. Я. Дорогойченко в становлении советской литературы : дис. ... канд. филол. наук / А. Е. Мирошкина. – Саранск, 1989. – 192 с.
10. Очерк истории мордовской советской литературы / редкол.: В. В. Горбунов, Ф. Ф. Советкин [и др.] – Саранск : Мордкиз, 1956. – 226 с.
11. Рымарь, Н. Т. Введение в теорию романа / Н. Т. Рымарь. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 268 с.
12. Теоретическая поэтика: понятия и определения : хрестоматия / авт.-сост. Н. Д. Тмарченко. – М. : РГГУ, 2001. – 467 с.
13. Шаталин, М. Рецензия на книгу Л. Васильева «Алексей Дорогойченко. Очерк жизни и творчества» / М. Шаталин // Октябрь. – 1962. – № 4. – С. 222.

Поступила 20.08.2011 г.

УДК 82 (092) : 78
ББК ТЗ (2Рос.Мор) 5

Н. Л. Васильев
N. L. Vasiliev

К БИОГРАФИИ ПОЭТА, КРИТИКА, КОМПОЗИТОРА Д. Ю. СТРУЙСКОГО (ТРИЛУННОГО)

BIOGRAPHY OF A POET, MUSICAL CRITIC, COMPOSER D. STRUISKY (TRILUNNYI)

Приводятся новые факты, касающиеся жизни и творчества уроженца с. Рузаевка Пензенской губернии писателя, критика, композитора Д. Ю. Струйского (1806–1856).

Ключевые слова: Д. Ю. Струйский, Трилунный, «Северная пчела», «Параша Сибирячка», «Атаман Косолап».

The article contains new facts about life and creativity of writer, critic, composer D. Y. Strujsky (1806–1856) who was born in Ruzaevka village of Penza province.

Key words: D. Struisky, Trilunnyi, “Severnaja pchela”, “Parasha Sibirjachka”, “Ataman Kosolap”.

В статье ставится задача дополнить новыми данными опубликованный ранее очерк жизни и творчества Д. Ю. Струйского [1].

1. О произведениях Д. Струйского уведомляла и франкоязычная пресса Петербурга. 8 октября 1830 г. анонимный обозреватель газеты «Le Futer» («Le Miroir») отмечал: «Молодой поэт-музыкант, пылко увлеченный романтизмом, г. Трилунный, работает над переводом “Гяура” Байрона. – Стихи его, как и английского барда, вместе пылки, изящны и энергичны» [См.: 14, 15]. 7 января 1831 г. в рецензии на альманах «Северные цветы на 1831 г.» сообщалось, что «выдержки и отрывки из записной книжки» Трилунного отличаются «особенной ясностью слога» [15]. 15 января 1832 г. сотрудник издания В. П. Бурнашев, анализируя «Северные цветы на 1832 г.», писал: «Назовем также имена Федора Глинки, барона Егора Розена, Деларю, княгини Зинаиды Волконской, прежде чем посетовать на склонность наших молодых поэтов к ложному, преувеличенному романтизму. Эту фалангу разочарованных воздыхателей возглавляет поэт, скрывающийся под псевдонимом Трилунный: здесь несчастные судьбы, разбитые сердца, опустошенные души, опрокинутые кубки бытия – все в мешанине слов и идей, теряющихся во тьме. Во имя живого интереса, который питает к вам любитель словесности, позвольте ему, господа, выступить здесь выразителем мысли множества людей с умом и вкусом. Оставьте этот пустой и избитый род, эти бесконечные “букеты Хлое”, и все мы от этого только выиграем» [15].

2. О лирике Д. Струйского отозвался и московский рецензент «Северных цветов на 1832 г.»: «Фантазиями назвали мы: *Аллегорию* Ф. Н. Глинки, *Мечту* О. М. Сомова и *Думу* Трилунного. <...> *Мечта*, представляющая Живаго в Обители Блаженства Вечного (246–304), и *Дума*, посвященная Памяти Графа Каподистрии (241–245), изрядны для своих названий»; «Поэзия Северных цветов состоит из стихотворений Баратынского, Княгини Волконской, Князя Вяземского, Глинки (Ф. Н.), Деларю, Барона Дельвига, Дмитриева (И. И.), Жуковского, Комарова, Князя Мещерского, Пушкина (А. С.), Барона Розена, Ставелова, Станкевича, Теплового, Т-ой, Теплякова, Та-шевой, Трилунного, Князя Шаховского, Ш-б-ва, Щастного, Языкова, Якубовича и трех неизвестных. Почти вся литературная наша знать! Почти все именитое гражданство нашего Парнаса! И что ж?»; «Произведения Трилунного показывают, что он справился со стихом и владеет им лучше, но вперед не подвинулся далеко» [10, с. 299–302].

3. Важные детали, касающиеся первых музыкальных опытов Д. Струйского, содержатся в рецензии Ф. А. Кони [4]: «Спешим обрадовать музыкальную публику известием о выходе в свет шести прелестных мелодий Д. Ю. Струйского. Г. Струйский, который давно уже известен русской публике как поэт и литератор, теперь выступает на музыкальном поприще с неменьшим успехом. Мелодии его, написанные частью в минорном, а частью в мажорном тоне, отличаются какой-то особенною *певучестью* (*mélodie*), которая одна только, в соединении с *гармониею*, может производить высокий музыкальный эффект. К несчастью, в большей части наших компонистов (композиторов. – Н. В.) ощущается великий недостаток мелодии. Все эффекты их основаны на одной только гармонии, так что, прочитывая партитуры без подписи текста, почти всегда можно угадать меру и число стихов, на которые пьеса написана. На каждый слог у них особенная нота, и от повышения и понижения слога зависит и модуляция мотива; иначе сказать, их арии не пение, а просто декламация стихов на распев. Глинка, в опере своей “Жизнь за царя”, первый дал мелодии право гражданства в русской опере и, доказав, что речитатив столь же свойствен гармоническому русскому языку, как итальянскому, заронил свои прекрасные мотивы в душу каждого и сделал их народными. Г. Верстовский, компонист не без дарования, оттого не производил операми своими того волшебного действия, какое производит Глинка, что в нем всего ощутительнее отсутствие всякой певучести, и потому арии его похожи более на куплеты, а оперы на водевили, и также недолговечны, как последние. Всякая народная песня есть мелодия, поющая без помощи инструментов: вот почему нашим компонистам всегда бывало так трудно класть их на фортепиано <...>»; «Г. Струйский, прожив два года под вдохновенным небом Италии, в колыбели Россини, Беллини и Меркаданте, изучал науку играть звуками и очаровывать ими сердца, и нам приятно предупредить публику, что плодом сего изучения – есть опера в двух действиях, с которой автор, вероятно, не замедлит ознакомить наших меломанов. Первая из его мелодий посвящена памяти Пушкина и написана на его собственные слова, вот она: “(Покамест) упивайтесь ею <...>”. Остальные мелодии написаны на стихи князя Вяземского и самого автора. В особенности прекрасна, по своему мотиву и простоте, “Русская песня”, приложенная к концу мелодий. Желаем г. Струйскому успехов на новом его поприще и с нетерпением ожидаем дальнейших трудов его».

4. Опере Д. Струйского «Параша Сибирячка» (1840 г.) предшествовала одноименная драма Н. А. Полевого, сценический успех которой подвигнул композитора на создание музыкального произведения. «Северная пчела» сообщала по этому поводу: «Едва ли какая пьеса произвела у нас столько шума, как “Параша Сибирячка”. Ее давали беспрерывно от первого представления до самого поста. Не только высшее общество, но даже иностранцы, не знающие русского языка, посещали театр»; «“Парашу Сибирячку” почитаю я торжеством таланта г. Полевого»; «Сюжет известен всему миру, в течение тридцати восьми лет <...>»; «Чувство родительское, детскую любовь, привязанность гражданина к родине и тоску по ней в удалении, состраdatельность русского народа, любовь народа к царям, беспредельное милосердие царя, – и все это изображено превосходно»; «...Н. А. Полевой кладет в нашу литературную сокровищницу живые стихи для русской народной драмы, не мертвой, не кабинетной драмы, но сценической, одушевленной» [18].

Газета откликнулась и на премьеру оперы Д. Струйского – рецензией, считавшейся «отрицательной» и как бы подтверждавшей мнение искусствоведов прошлого о бездарности композитора (тем более, что он полемизировал с М. И. Глинкой в понимании категории народности в оперном искусстве): «6-го декабря давали в первый раз русскую оригинальную оперу в одном действии, с эпилогом: *Параша Сибирячка*. Сюжет заимствован целиком из драмы Н. А. Полевого, с исключением сцены второго действия, до торжества коронации, а музыка написана г. Струйским. Публика наша знает г. Струйского по статьям о музыке, помещаемым в разных журналах. Нет сомнения, что г. Струйский знает превосходно теорию музыки, т. е. контрапункт, или искусство композиции. В этой опере он доказал основательность своих познаний, но мы не можем решительно судить об опере по первому ее представлению. Видимо только, что г. Струйский приверженец Берлиоза, который вознамерился пересоздать музыку во Франции, признавая гением одного Бетговена. В партитуре оперы г. Струйского много учености, есть места истинно патетические, есть несколько прекрасных русских арий, но есть и порядочный прием монотонности в целом. Лучше всего хоры и расставание Параша с родительским домом. Когда мы в первый раз слышали “Севильского цирюльника”, “Семирамиду”, “Танкреда” (оперы Дж. Россини. – Н. В.), “Дон Жуана”, “Волшебную флейту” (оперы В.-А. Моцарта. – Н. В.), “Фенеллу” (опера Д.-Ф.-Э.Обера. – Н. В.) и т. п.,

у нас, недели две сряду, вертелись в голове мотивы оперы, и в первую ночь после представления мы просто спать не могли. Демон музыки мучил нас и насвистывал на ухо отрывки из очаровательной оперы. Из оперы г-на Струйского у нас ничего не осталось в памяти – ни одной нотки, и мы не запомнили ни одного мотива. Впрочем, г. Струйский человек с дарованием и обширными познаниями в музыке, и мы очень рады, что он вступил на драматическое поприще. Из первой его оперы можно весьма многого надеяться в будущем. Надобно лишь придать более сценического действия лицам, и не должно оставлять сцены пустою! Чтоб характеризовать одним выражением новую оперу, скажем: много гармонии, мало мелодии, и еще менее драматического эффекта» [13].

Данное издание (1840, № 277, 282) сообщало еще о двух представлениях оперы в Петербурге: «Завтра, в воскресенье 8 декабря – на Большом театре “Жизнь за царя”, оригинальная большая опера»; следующее объявление было напечатано 13 декабря – в день музыкального спектакля.

5. В том же году газета писала о творчестве Д. Струйского по другим поводам, в частности аннотируя «Одесский альманах» [11], журнал «Пантеон» [5], где была напечатана его историческая повесть «Атаман Косолап»: «Что же делал “Пантеон”? Возбудив любопытство публики великолепною программой и сначала заманив ее действительно чем-то похожим на дело, он стал потом помещать плохие водевили, *игранные* на сцене; после начал угощать ее еще более плохими повестями, в роде *Атамана Косолапа* <...>» [2]. Упоминалось о Д. Струйском и в рецензии на сборник, составленный М. И. Глинкой: «Это, сказать, короче, музыкальный альманах, в нем тридцать четыре пьесы для пения и фортепиано; все пьесы (прибавим *почти* все и то на случай только) лучших наших композиторов. Много ли их? спросите вы. Таки не мало? Алябьев, Верстовский, Граф М. Ю. Вильегорский, Габербир, Геништа, Глинка, Даргомыжский, Копьев, Ласковский, Норов, кн. Одоевский, Резвой, Струйский, Титов, Ф. Толстой, Яковлев <...>» [12].

6. С ностальгической грустью по минувшей поэтической эпохе вспоминал о Д. Струйском предположительно А. А. Григорьев: «Помните ли вы в «Литературных мечтаниях» Белинского – наивное, милое, пламенное место о том, как стихи Пушкина журчали в воздухе, неслись отовсюду <...> Это было точно так не только со стихами Пушкина, но со всякими стихами и поэмами эпохи от “Чернеца” Козлова до “Байроновой урны” Трилунного» [3, с. 42].

7. Появилась возможность подробнее рассказать о замысле Д. Струйским поэмы «Деревня» (Лит. приб. к Рус. инвалиду. 1832. № 58), раскрывающей его творчество с новой стороны – как бытописателя сельской жизни: «Люблю я встречу с мужичком! / С гайтаном (шнурок, на котором носят нательный крест. – Н. В.) пестрая рубашка, / Топор за красным кушаком, / Брада курчавая клубком, / И рук небрежная размашка: / Всё как-то просто, мило в нем! / Пускай Французы суетятся, / А он идет себе тишком; / Зато при встрече с Русачком / И черти-некрести крестятся! / Как будто чуют Божий гром. – / Он прослыл варваром, нахалом, / Зато не колет он кинжалом, / Лишь иногда, как под хмельком, / Благословляет кулаком. / За что ж его винить так строго? / Он редко весел, редко пьян. / У нас воды и хлеба много, / Но дорог Бахусов стакан»; «Быт Русачков не слишком чинен, / Зато он прост, зато невинен. / Француз заденет вас ногой, / И сколько слов, пустых поклонов! / Так надоест... что Боже мой! / Мусьё, я человек простой, / Толкни еще меня ногой, / Но, право, душно от пардонов!»; «В нем (Русачке. – Н. В.) много веры и добра. / Отчизне предан он до гроба. / Он с высшим взглядом незнаком, / И сердцем прост, и здрав умом. / Живет он в хижине убогой; / Его кушак, топор, кафтан / Ему к лицу – когда он пьян, / Пока в России лесу много, / Пусть петиметры Русачки, / На зло расчетливого Сея, / Душистой липы не жалея / Плетут: *Двенадцетерички* (примеч. поэта: «Лапти, плетенные в 12 лык. Узор их гораздо мельче, и деревенские *головочосы* (щеголи) носят их по праздникам». – Н. В.)); «Но что сказать о вас, лебедки? / Вы – длинноносые (вероятно, опечатка, так как напрашивается эпитет *длиннокосые*. – Н. В.) красотки! / Как мил кумачный сарафан! / Как бескорсетный, строен стан! / Под дымкой серебряной мороза / Алеет и пылает роза! / Она душиста, как щербет, / Сладка – как липовый наш мед; / Как под ресницей черной, длинной / Застенчив взор их голубиный! / При встрече с сельскою красой – / Как Донкишот склоня колена – Я никогда мечтой презренной / Не посрамлял любви святой. / Стыдливой девы образ кроткий / Святыня для моей души!».

8. Удалось обнаружить новые произведения писателя и уточнить сведения об уже известных.

Один из ранних литературных опытов Д. Струйского – драматическая поэма «Покорение Сибири», датируемая 1826 г. (Атеней, 1829. № 21. С. 264–287). Здесь повествуется о Ермаке, который представлен благородным романтическим героем, хотя и «разбойником». Например: «Е р м а к: А мы, друзья, проложим дерзкий

след – / В тот край обширный и далекий; / Пойдемте, храбрые; ни богатырь Мегмет, / Ни горы, ни леса, ни хлад, ни снег глубокий / Не преградят орлиный наш полет! / Не вечно нам здесь в страхе пресмыкаться, / Не вечно, как зверям, в оврагах укрываться, / Где мысль о казни день и ночь / От нас не отлетает прочь, / И где знакомые берлоги, / Большие селы и дороги / Грозят, напоминая нам / И царский гнев, и казнь, и срам! / Друзья! настанет ли то время, / Когда Москва нас призовет; / Когда с разбойников спадет / Свинцовое злодейства бремя? / В Сибирь! друзья, в Сибирь! // В с е: В Сибирь! / Веди, Ермак, наш богатырь! / Веди! на смерть пойдем с тобою! // Е р м а к: Мы их кумиры сокрушим, / Мы новый им закон дадим, / Соединим Сибирь с Москвою, / Да будет царь их – Иоанн; / Загладим наше преступленье, / И купим у Москвы прощенье / Удалой шайки атаман!». Сюжетно произведение примыкает к повести «Атаман Косолап».

В том же московском журнале напечатан перевод поэтом отрывков комедии Мольера «Амфитрион» [17]. Приведем фрагмент этого текста: «Действие I. Явление I. С о з и й (раб Амфитриона): Кто здесь?... Мой страх час от часу сильнее!.. / Я, господа, люблю домашний кров, / Не из числа удалых смельчаков. / Фу пропасть! что за ночь? час от часу темнее? / Зги не видать... а я иду один... / Что ж делать!.. Но каков мой господин! / Хоть мало-мальски б знал он к ближним состраданье, / Уволил бы меня от этого посланья! / Чтоб рассказать жене счастливый свой поход / И все подробности победы над врагами, / Не мог он подождать, покуда день взойдет? / Как хорошо быть господами! / Как тяжело у знатных быть слугами! Они идут всему на перелом, / День, ночь, град, буря, дождь и зной – им ни по чем! / Они не ставят в грош природу! / Как скажут нам: иди, так и ступай хоть в воду; / Служи им сорок лет – все это ничего, / А за безделицу – лишат как раз всего!».

9. Упоминание о Д. Струйском содержится в воспоминаниях И. П. Сахарова: «Помню, как он [Л. А. Якубович] хлопотал поставить памятник на могиле Полежаева. За то он горько негодовал на Струйского, считавшегося родным Полежаеву» [9, стб. 955].

10. Говоря о сдержанном отношении Д. Струйского к опере М. И. Глинки «Жизнь за царя», стоит принять во внимание реплику Н. П. Огарева в поэме «Юмор» (1840–1841): «Вы музыкант в душе, как я, / Бетговен вам всего дороже, / Но, южный край боготворя, / Люблю я и Беллини тоже. / Слыхали ль вы “Жизнь

за царя”? / Нет? – Ну и впредь спаси вас боже / И русских опер вообще / Не нужно б нам иметь еще» [6, с. 410], – что отражает неоднозначное восприятие оперы русской интеллигенцией.

11. В стихотворении С. Стромиллова «Орел», датированном 6 августа 1830 г. (Атеней. 1830. № 15. С. 196 – 197), прослеживаются следы знакомства со стихотворением Д. Струйского «Земная цепь» (1829) [16, ч. 1, с. 58 – 63]. Ср., например: «Орел! среди пустынь эфира / Как весело несешься ты! / Как быстро взором – красоты / Объемлешь ты земного мира!» (Струйский); «Жилец небес! в полях зефира / Как ты гордишься красотой, / Как из-за облак на полмира / Брошаешь взор отважный свой!» (Стромилов).

12. В одной из рецензий на нашу книгу о Д. Струйском [8] имеется важное указание на письмо Н. И. Греча к Ф. В. Булгарину от 23 июня 1846 г.: «Ты знаешь Струйского? Он всю зиму был в Париже и часто бывал у меня. Теперь пишут мне из Бадена, что с ним там, на чужбине, сделался припадок бешенства. После кровопускания он утих, но оказалось, что он сошел с ума» [7, с. 279]. Это позволяет уточнить, когда у Д. Струйского стала развиваться болезнь, приведшая его к преждевременной смерти.

Список использованных источников

1. Васильев, Н. Л. Д. Ю. Струйский (Трилунный): биография, творчество, библиография / Н. Л. Васильев. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 284 с.
2. В. Т. Русская литература // Сев. пчела. – 1840. – № 291 (24 дек.).
3. Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики // Время. – 1861. – Т. 2. – № 3. – С. 35–59.
4. К [Ф. А. Кони]. Мелодии Д. Струйского для тенора или альты, с аккомпанементом фортепиано. У

К. Пеца, в Большой Конюшенной, в доме Петропавловской лютеранской церкви, 16 стр.; цена 5 рублей // Сев. пчела. – 1837. – № 86 (17 апр.).

5. [Объявления] // Сев. пчела. – 1840. – № 154 (11 июля).
6. Огарев, Н. П. Стихотворения и поэмы / Н. П. Огарев. – Л. : Сов. писатель, 1956. – 920 с.
7. Письма Н. И. Греча к Ф. В. Булгарину / публ. и коммент. А. И. Рейтבלата // Нов. лит. обозр. – 2000. – № 42. – С. 264–317.
8. Рейтблат, А. [Рец.] / А. Рейтблат // Нов. лит. обозр. – 2011. – № 107. – С. 365–367.
9. Сахаров, И. П. Записки / И. П. Сахаров // Рус. архив. – 1873. – Кн. 1. – № 6. – Стб. 941–986.
10. Северные цветы на 1832 г. [Рец.] // Телескоп. – 1832. – Ч. 7. – С. 295–313.
11. Смесь: лит. изв. // Сев. пчела. – 1840. – № 4 (5 янв.).
12. Смесь: музыка: собрание музыкальных пьес, составленное М. И. Глинкою. Пять тетрадей. 120 печатных страниц // Сев. пчела. – 1840. – № 237 (19 окт.).
13. Смесь // Сев. пчела. – 1840. – № 279 (10 дек.).
14. Сперанская, Н. Петербургская газета «Le Furet / Le Miroir» (1829–1833) / Н. Сперанская // Нов. лит. обозр. – 2008. – № 94. – С. 391–406.
15. Сперанская, Н. Материалы по русской литературе в петербургской газете «Le Furet» в 1829–1830 годах / Н. Сперанская // Нов. лит. обозр. – 2009. – № 96. – С. 376–401.
16. Стихотворения Трилунного. Альманах на 1830 год : в 2 ч. – СПб., 1830.
17. Трилунный. Амфитрион, комедия Молиера // Атеней. – 1829. – № 15. – С. 251–269.
18. Ф. Б. [Ф. Булгарин] Параша Сибирячка, Русская быль в двух действиях, с эпилогом. Сочинение Н. А. Полевого. Напечатана во второй книжке Репертуара русского театра, 1840 года // Сев. пчела. – 1840. – № 23 (29 янв.).

Поступила 17.06.2011 г.

УДК 811.511.152

ББК 81.66.3

Л. П. Водясова

L. P. Vodyasova

ЧАСТИЦА КАК СРЕДСТВО СВЯЗИ КОМПОНЕНТОВ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ*

THE PARTICLE AS A MEANS OF COMPONENTS COHESION IN THE COMPLEX SYNTACTIC UNITY IN THE MORDVIN LANGUAGES

В статье анализируется роль частицы в создании связности текста в мордовских языках, отмечается, что в этой функции чаще всего используются разряды указательных, выделительно-ограничительных, вопросительных частиц. Они транспонируют в разряд союзов, но сохраняют свои лексико-грамматические свойства.

Ключевые слова: связность текста, частица, переход в разряд союза, текстовое значение.

The article analyses the role of the Particle in text cohesion in the Mordvin languages. It is noted that in this function categories of demonstrative, excretory-restrictive, interrogative particles are most commonly used. They transform into the category of Conjunction, but retain their lexical-grammatical properties.

Key words: coherence of text, the Particle, transition into the category of the Conjunction, text meaning.

В мордовских (мокшанском, эрзянском) языках текст представляет собой достаточно сложное, многообразное и в то же время весьма интересное явление. Его основной единицей является сложное синтаксическое целое (ССЦ), представляющее собой тесное семантико-синтаксическое и модальное единство. Отдельные предложения, входящие в состав ССЦ, являются его компонентами. Их объединение в одно целое происходит с помощью средств межфразовой связи (МФС).

Вопрос о средствах МФС – один из центральных вопросов в современной лингвистике текста, так как фразовые скрепы являются не только внешними, формальными, показателями сцепления компонентов ССЦ. Прежде всего, они отражают логические связи и отношения, с их помощью выражаются содержательные категории текста. Средства МФС по своему составу не однородны. Они подразделяются на лексические и грамматические. К лексическим относятся лексический повтор, синонимическая и антонимическая лексика, перифрастические выражения и т. д., к грамматическим – частицы, союзы, местоимения, наречия, вводные слова, соотношение форм глаголов-сказуемых, порядок слов в компонентах ССЦ и т. д.

Как известно, *частица* – это неизменяемая служебная часть речи, которая придает различные

смысловые, модальные, эмоциональные и экспрессивные значения словам, частям предложения или предложениям в тексте [4; 6]. В объединении компонентов ССЦ собственно частицы не играют существенной роли в связи с тем, что им, как неполнозначным словам, не присуща функция связи. Однако ученые-лингвисты неоднократно отмечали их транспозиционные возможности, способность переходить в разряд союзов. Так, еще акад. В. В. Виноградов подчеркивал: «Границы частиц и союзов пересекаются, а иногда становятся очень зыбкими, текучими» [3]. На наш взгляд, это объясняется тем, что характерной чертой многих частиц является то, что по своему строению и функциям они сближаются с наречиями, союзами, междометиями или модальными словами и не всегда могут быть им строго противопоставлены.

В мордовских (мокшанском, эрзянском) языках явление транспозиции весьма распространено. Так, в результате перехода частиц в союзы возникли грамматические омонимы: мокш. *аньцек*, эрз. *ансяк* «только» (выделительно-ограничительная частица) и мокш. *аньцек*, эрз. *ансяк* «только» (сочинительный союз для выражения ограничительного значения), мокш., эрз. *жо* «же» (усилительная частица) и мокш., эрз. *жо* «же» (сочинительный союз с противительным сопоставительным значением), мокш. *-га/-ге/-ка/-ке/-вок*, эрз. *-гак/-как/-як* «и» (усилительная частица) и мокш. *-га/-ге/-ка/-ке/-вок*, эрз. *-гак/-как/-як* «и» (сочинительный союз, служащий для выражения соединительных отношений) и т. д. Контекстное сцепление предложений вовлекает в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках регионального научно-исследовательского проекта РГНФ («Лексические и грамматические средства создания связности текста в мордовских языках»), проект № 11-14-13006а/В.

круг так называемых «гибридных» слов все большее количество частиц, которые или самостоятельно, или в сочетании с другими частицами, союзами, наречиями, модальными словами функционируют в качестве средств МФС. При этом сохраняются их лексико-грамматические значения. Они или выражают самые разнообразные субъективно-модальные характеристики и оценки сообщения или отдельных его частей, или участвуют в выражении цели сообщения, в выражении утверждения или отрицания. Кроме того, могут характеризовать действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления. Все это способствует наиболее точному оформлению логико-смысловых отношений между компонентами в ССЦ.

Функцию средств МФС выполняют частицы различных разрядов.

Указательные частицы. Среди других разрядов частиц указательные занимают особое место, отличаясь семантико-синтаксической полифункциональностью. В качестве средства МФС наиболее употребительны: мокш. *вага* «вот», *вов* «вот, вон», *тя* «это», *ся* «это», «то», эрз. *вана* «вот», *оно* «вон», *се* «это», «то», *те* «это».

С помощью частиц мокш. *вага* «вот», *вов* «вот, вон», эрз. *вана* «вот», *оно* «вон» осуществляется указание на предметы и явления внешнего мира, их выделение в речи: мокш. <...> *мон озань* <...> *Сталин ялгати сермань тяштема. Вов мезе сермадонь* <...> (А. Тяпаев) «<...> я сел <...> писать письмо товарищу Сталину. Вот что написал <...>»; эрз. *Анатолий Аполлинариевич кувать учнесь се ишканть, зярдо юты Сивинькань окольцятнева* <...> *Ды вана сон ней тесэ* (А. Мартынов) «Анатолий Аполлинариевич давно дожидался того времени, когда пройдет по Сивинькинским околицам <...> И вот теперь он здесь». В этих фрагментах ССЦ соединение смежных предложений осуществляется с помощью указательной частицы *вов* / *вана* (в первом случае самостоятельно, во втором – в сочетании с соединительным союзом *ды* «и», при помощи которого более отчетливо оформляются перечислительные отношения, отражается точка зрения рассказчика при описании фактов действительности).

Частицы мокш. *тя* «это», *ся* «это», «то», эрз. *те* «те» «это», *се* «это», «то» служат для большей конкретизации указания: мокш. <...> *ървяямась ефси аф сепови. Тя въдь аф салмокс, а ломань сувафтоь кудозт* (А. Тяпаев) «<...> женитьбу совсем не скроешь. Это ведь не иголку, а человека вводишь в дом»; эрз. *Морыцятне пачкодсть сынст [Картаевень] кудонть икелев ды каитмолезевсть. Те, улема, сась Наталь ял-*

ганзо марто (К. Абрамов) «Поющие дошли до их [Картаевых] дома и замолчали. Это, видимо, пришла Наталья (Наталья) с подругами». В этих фрагментах связь компонентов осуществляется с помощью указательной частицы *тя* / *те* «это», которая в первом случае выступает в сочетании с частицей *въдь*, придающей эмоционально-экспрессивный оттенок высказыванию, во втором – в сочетании со словом *улема* «видимо», выражающим модальное значение предположительности.

Частица *тя* / *те* «это» может выполнять и катафорическую функцию. В этом случае она употребляется в сложном целом, находящемся в начале произведения (обычно это произведение малого жанра типа новеллы, короткого рассказа или сказки), и организует дальнейшее повествование: мокш. *Тя ульсь «Маленький оборвыш» книгась. Лувине и мъзардовок ашине юксне. Эсонза азондовсь ризф* <...> (А. Тяпаев) «Это была книга «Маленький оборвыш». Прочитал и никогда не забывал [ее]. В ней описывалось горе <...>»; эрз. *Те ульнесь вельть умок. Минек велесэ, кода лиятнесэяк, эрять сюпавт ды беднойть. Вейке сюпавонть ульнесь тейтерезэ* <...> («Сятко») «Это было очень давно. В нашем селе, как и в других, жили богатые и бедные. У одного богача была дочь <...>». Подобные зачины близки к заставкам фольклорным зачинам типа *Эрять-аштесть* <...> «Жили-были <...>».

Выделительно-ограничительные частицы. В качестве средства МФС из этого разряда частиц чаще всего используется мокш. *аньцек*, эрз. *ансяк* «только»: мокш. *Лядыкс кить алят-церат етазь каит аф молезь. Аньцек кудть малас пачкодемста, Каль атя азозе* <...> («Мокша») «Остаток дороги отец с сыном прошли молча. Только добравшись до дома, старик Каль (букв.: Ива) сказал <...>»; эрз. *Монголонь покиштне, сядонь прявтсто саезь, сынсь а тюрить. Ансяк кучнить нукертнэнь* <...> (М. Брыжинский) «Старейшины монголов, начиная с сотников, сами не воюют. Только посылают воинов <...>».

Ученые-лингвисты, в частности Н. Н. Амосова [1], А. В. Подольский [5], ограничительные частицы относят к частицам со смысловой функцией. Их роль, отмечают исследователи, заключается в том, что они «расширяют и обогащают содержание высказывания, добавляя к нему известные дополнительные обстоятельства» [5, с. 134]. С этим мнением вполне можно согласиться. Так, например, частица *аньцек* / *ансяк* «только» служит для выделения части из целого или противопоставления одного субъекта другому и синонимична противительному союзу *но*, ср.: <...> *но кудть малас пачкодемста* <...> «<...> но добравшись до дома <...>»; *но кучнить нукертнэнь* <...> «<...> но посылают воинов <...>».

Усилительные частицы. Усилительные частицы близки к выделительно-ограничительным. Их основная функция – «подчеркивание, акцентирование языкового выражения» [2, с. 71]. В роли средств МФС чаще всего используются: мокш., эрз. *а* «а», мокш., эрз. *жо* «же», мокш. *мяк*, эрз. *мик* «даже», мокш. *–га/–ге/–ка/–ке/–вок*, эрз. *–гак/–как/–як* «и», эрз. *натой* «даже». При этом они уточняют смысл высказывания, придавая ему большую эмоциональную яркость: мокш. *Аляксонь эсь школасонк лувондыне «Жуков Ванька» азксонц, «Каштанканц, кой-мезенц нинге. А тяса кядьсон эчке книгацоль* (А. Тяпаев) «В юности в своей школе прочитал его рассказ «Ванька Жуков», «Каштанку», еще кое-что. А тут в руках его толстая книга»; эрз. *Столь лангс вардонзо кандтнесть мезе кедест алов понгиль: пидезь ды парязь сывель, саразт, коптязь калт, чапавтозь умарть, пангот. А уш кодат ансяк симемкат икелензэ эзть путне <...>* (А. Доронин) «На стол прислуга несла все, что попадало под руки: вареное и тушеное мясо, кур, копченую рыбу, моченые яблоки, грибы. А уж какие только напитки перед ним не ставились <...>»; *Чись варишась пельтнень экиштэ, ды паксясонть друк весеменень теевсь одсчачома <...>* **Натой** *Яхимень сеяськак, кона чияк, пиземеденть начкозь, неявсь пайстомо назолак, ней кода-бути друк мазылгадсь <...>* (В. Коломасов) «Солнце выглянуло из-за туч, и в поле вдруг все возродилось <...> Даже коза Яхима (Ефима), которая совсем недавно, намокнув под дождем, казалась несчастной, теперь вдруг как будто похорошела <...>».

Частица мокш. *–га/–ге/–ка/–ке/–вок*, эрз. *–гак/–как/–як* «и» пишется со словами слитно и считается суффиксальной частицей: мокш. *Штоба панемс удомать, кармась коське кишинда порема. Тевок изь лезда* (А. Тяпаев). «Чтобы прогнать сон, стал грызть сухой хлеб. И это не помогло»; эрз. *Митрейть-Марят мельспаросольть цёраст кувалма. Шабратнеяк инасть Степанонь <...>* («Сятко») «Митрею с Марей (Дмитрию с Марией) было приятно из-за сына. И соседи хвалили Степана <...>».

Усилительные частицы служат для выражения перечислительных отношений и синонимичны соединительному союзу *и / ды* «и», ср.: вместо *а*: <...> **и** *тяса кядьсон* <...> «<...> и здесь в руках <...>»; <...> **ды** *кодат ансяк симемкат* <...> «<...> и какие только напитки <...>»; вместо *натой* «даже»: <...> **ды** *Яхимень сеяськак* <...> «<...> и коза Яхима (Ефима) <...>»; вместо *–га/–ге/–ка/–ке/–вок / –гак/–как/–як*: <...> **и** *тя изь лезда* «<...> и это не помогло»; <...> **ды** *шабратне инасть* <...> «<...> и соседи хвалили <...>».

Несколько обособленное место в группе усилительных занимает заимствованная из русского языка частица мокш. *въдь*, эрз. *ведь / эдь* «ведь». По мнению В. В. Виноградова, это «усилительно-ограничительная, или выделительная частица» [4], так как способность выражать модальное отношение является преобладающей в ее семантике. Она является маркером модуса знания и служит иллокутивной цели – убедить собеседника в правильности вывода, представленного субъектом речи. В качестве средства МФС частица *ведь* является достаточно употребительной, но только в мокшанском языке. Ее усилительная функция легко соединяется с союзным значением, благодаря чему она может выступать в роли подчинительного союза: *Аф пара мялезон аньцек сяс, мес ламоц аф содасазь, мезе стамсь фунтсь. А од ломаттне ефси изь куленди. А коста тейст кулемс? Въдь аф сире пингть шачсть* (А. Тяпаев) «Не хорошо на душе только потому, что многие не знают, что такое фунт. А молодые люди совсем не слышали [о нем]. А где им слышать? Ведь не в старое время родились» (частица *въдь* синонимична причинному союзу *сяс мес* «потому что», ср.: <...> *сяс мес аф сире пингть шачсть* «<...> потому что не в старое время родились»).

Вопросительные частицы. Группу вопросительных составляют заимствованные из русского языка частицы: мокш. *аразди*, эрз. *арази* «разве», «неужели», мокш. *неушта*, эрз. *неушто* «неужели», мокш., эрз. *што ли* «что ли». В художественной литературе прошлых лет, когда особых требований к нормированной речи не предъявлялось, в функции средств МФС они использовались практически все, а также диалектная *деряй* «разве». В настоящее время в основном только в эрзянском языке используется частица *арази* «разве», «неужели»: *Кие соды, кода мольсь тевесь кезэрень пингева, зярдо лемдясть велетнень. Арази варишават кезэрень пингенть потмаксос <...>* (К. Абрамов) «Кто знает, как обстояло дело в древности, когда давались названия селам. Разве сможешь заглянуть на дно древности <...>». Основная функция частицы *арази* «разве», «неужели» вопросительная, но ее следовало бы назвать вопросительно-усилительной, так как с помощью нее высказыванию придается эмоционально-экспрессивная окраска. Эта частица чаще всего выражает сомнение, недоверие или уверенность. По своему значению она синонимична противительному союзу *но*, выступающему в сочетании с отрицательной частицей *а* (ср.: <...> *но а варишават кезэрень пингенть потмаксос* <...> «<...> но не сможешь заглянуть на дно древности <...>»).

Таким образом, в мордовских языках в функции средств МФС могут использоваться частицы различных разрядов. Они, сохраняя свои лексико-грамматические значения, сближаются с союзами и способствуют наиболее точному оформлению логико-смысловых отношений между компонентами ССЦ. Частицы выражают различные текстовые значения: идентичность (мокш. *-ga/-ge/-ka/-ke/-вок*, эрз. *-гак/-как/-як* «и»; мокш., эрз. *жо* «же»), выделение элемента смыслового повторения (мокш. *аньцек*, эрз. *ан-сяк* «только», эрз. *натой* «даже») и т. д. Кроме того, обладая ярко выраженной коннотативностью, привносят дополнительную характеристику в высказывание, придают речи большую выразительность, эмоциональность. Предложения с частицами синсемантически, причем степень синсемантики такого компонента намного выше, чем предложений с союзами.

Список использованных источников

1. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – 2-е изд., доп. – М. : URSS, 2010. – 216 с.

2. Булатникова, А. Е. Модальные частицы в славянских языках / А. Е. Булатникова. – М. : Наука, 1977. – 23 с.

3. Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов // Электронная библиотека ; biblioteka.cc > topic...grammaticeskoe-uchenie...slove...

4. Мокшень кяль. Морфология : вузонь мокшень и финнонь-угрань отделениянь тонафнихнеди учебник / серматф-тиф Н. С. Алямкинонь кядяла. – Саранск : Крас. Окт., 2000. – 236 с.

5. Подольский, А. В. Текстовая семантика имплицитной оценки во французском языке и способы её воспроизводства на русском языке / А. В. Подольский // Коммуникативная теория перевода (испанский язык) : сб. науч. тр. Моск. ин-та ин. языков им. М. Тореза. – Вып. 317. – М., 1988. – С. 123–138.

6. Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология : вузонь эрзянь ды финнэнь отделениянь тонафнихнеди туртов / редкол.: Д. В. Цыганкин (отв. ред.), Н. А. Агафонова, М. Д. Имайкина [и др.]. – Саранск : Крас. Окт., 2000. – 280 с.

Поступила 05.09.2011 г.

УДК 373.3
ББК 74.2

Е. В. Гетманская
E. V. Getmanskaya

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ УЧЕБНИК XVII ВЕКА КАК ФАКТОР ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МЕЖДУ НАЧАЛЬНОЙ И ПОВЫШЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТУПЕНЬЮ

PHILOLOGICAL TEXTBOOK OF THE XVII CENTURY AS THE FACTOR OF CONTINUITY BETWEEN THE ELEMENTARY AND ADVANCED EDUCATIONAL STAGES

В статье рассматривается функционирование филологического учебника как специфический фактор становления регулярной русской школы. Структура и содержание такого учебника создаёт общий предметный концентр начальной и повышенной образовательной ступеней, формируя их преемственность.

Ключевые слова: становление элементарной и повышенной школы, филологический предметный концентр, грамматика как центральное ядро учебника XVII века.

The paper considers the functioning of Philology textbook as a specific factor of formation of a regular Russian school. The structure and content of this textbook provide a common objective centre of primary and advanced educational levels, forming their continuity.

Key words: formation of elementary and advanced schools, philological subject centre, grammar textbook as the central core of the XVII century textbook.

Создание целостной модели филологического образования, включающей все традиционные ступени обучения, от начальной до высшей, – обязательное условие формирования

общегуманитарного потенциала личности. Формирование преемственности филологического образования – проблема, решаемая отечественной педагогикой с конца XVII века. Факторы,

образующие подобную преемственность в тот или иной исторический период, имеют конкретную социально-историческую обусловленность. В русском филологическом образовании последних десятилетий XVII века особое место занимает *учебная книга*, на материале которой осуществлялись, с нашей точки зрения, основные содержательные взаимосвязи ступеней обучения. В XVII веке филология, не представляя отдельной дисциплинарной области, была включена в общее гуманитарное образование, которое складывалось на дисциплинах «семи свободных мудростей» – грамматике, диалектике, риторике, музыке, арифметике, геометрии и астрономии. В историко-педагогических исследованиях, посвященных генезису филологического образования (работы Д. Л. Мордовцева, М. Н. Сменцовского, Л. Н. Майкова, Н. Н. Полевого, А. Н. Пыпина, С. С. Смирнова, А. И. Рогова, Н. Б. Мечковской), учебная литература рассматривается как нормализующая составляющая объема и содержания обучения на отдельных ступенях. Нормализующая функция «филологического» учебника XVII века актуальна, как нам представляется, прежде всего потому, что в данный период в России возникают первые учебные заведения, представлявшие регулярную школу. Процесс институционализации регулярной школы происходил одновременно с формированием предметного концентрированного и высшего образовательного звена – «семи свободных мудростей» и его филологического ядра (грамматики, риторики, пиитики).

Исследуемый период функционирования учебной книги характеризуется определенной условностью в определении уровней отдельных ступеней школьного образования, в том числе и филологического. По мнению авторитетного исследователя истории филологического образования О. Е. Кошелевой, в данный период была возможна лишь предварительная дифференциация ступеней образования, различающая начальную и «повышенную» ступени [8, с. 57]. Мы связываем термин «повышенное» образование с уровнем обучения в организованных в конце XVII века греко-латинских школах и с дисциплинарным концентром открывшейся в это же время славяно-греко-латинской академии, включавшим в первую очередь знание грамматики, риторики и пиитики. Вместе с тем учебники грамматики, риторики и пиитики XVII века не имели конкретного адресата и не содержали прямых указаний на то, в какой мере они употреблялись в школах, учебный курс которых превышал начальный (элементарный) уровень, какова была методика обучения по имеющимся учебникам. Как нам представляется, для анализа учебной литературы гуманитарного цикла (грамматик, риторик

и пиитик) методической точкой отсчета должна быть избрана учебная литература элементарной школы, о которой исторические источники дают более ясное представление.

I. Азбуки, буквари, азбуковники и грамматики как учебник для начального обучения. Подавляющая часть исследователей учебной книги избранного периода считает, что способы и объем элементарного образования середины XVII века соизмеримы с содержанием азбуки и букваря. В то же время при отсутствии государственной регламентации начальная школа могла выходить из пределов элементарного обучения, неостребованность какой бы то ни было стандартизации диктовало существенную разницу в требованиях к объему начального образования. Как подчеркивает исследователь начальной школы XVII века М. Ф. Владимирский-Буданов, начальное образование не было неподвижным в своих границах, оно «было способно выделить из себя множество переходных оттенков к среднему» [3, с.190].

Увидеть «оттенки среднего» в начальной ступени образования в России второй половины XVII века позволяет структура и содержание учебной литературы – азбук, букварей, азбуковников и грамматик. Как отмечается в исторических источниках, сам факт функционирования *азбук и букварей* может свидетельствовать о значительной распространенности начальных школ. Для таких школ создаются азбука Василия Бурцова (1637 г.), букварь Печатного двора (1657 г.), букварь языка словенского Симеона Полоцкого (1679 г.), вышедший в Верхней Типографии и азбука Кариона Истомина (1694 г.). Сохранившийся Лицевой букварь Кариона Истомина, несомненно, относится к учебно-педагогическим сочинениям для элементарной школы [5]. Отличительная черта этого букваря – направленность на разъяснение законов и правил фонетики и графики славянской речи. Цель обучения грамоте, которую сам перед собой ставит автор букваря – подготовка детей к самостоятельному дальнейшему образованию. Для достижения этой цели в букваре предложено средство – знакомство школьников с важнейшими грамматическими правилами и формами родного языка. Такое знакомство, признанное необходимым и в современной начальной школе, давало возможность правильно читать книги и правильно писать прочитанное. Существенный недостаток букваря, по нашему мнению, – отсутствие к нему достаточного материала для чтения. В силу этого обстоятельства Лицевой букварь выполнял роль своеобразного послесловия азбуки, без которой он был непригоден для обучения грамоте.

Следует отчетливо представлять, что педагогические идеалы букваря XVII века довольно

точно передавали характер своего времени и не вносили каких-либо радикальных идей в методику обучения грамоте. Процесс обучения по букварю можно охарактеризовать как буквальное заучивание всего, написанного в книге. Наряду с этим следует признать, что со времени издания рукописных и печатных букварей начальное школьное обучение значительно расширилось. Ученики начали знакомиться с буквами по определенному и разборчивому шрифту и приобретали не только элементарную грамотность, но и сведения из грамматики. Принимая во внимание все грамматические правила, содержащиеся в букваре, можно предположить степень сложности их изучения для детей, едва начавших знакомство с грамотой. Вместе с тем, с нашей точки зрения, грамматические сведения нельзя признать избыточными в букварной системе обучения, так как, знакомясь с основными оборотами и графикой родной речи, дети готовились к дальнейшему образованию и самообразованию. Включая в буквари опережающие учебные сведения (грамматику), авторы букварей выстраивали будущую образовательную траекторию ученика. Обилие букварей в XVII столетии и особенно в его последние десятилетия дает основание утверждать, что качество филологических знаний средней ступени на данном этапе во многом зависело от уровня азбук и букварей, используемых в элементарной школе.

Последовательное развитие грамматических знаний в системе начального и последующего повышенного обучения осуществлялось в применяемых обычно после букварей *грамматиках*, которые были распространены и как самостоятельные учебные книги, и как грамматические разделы в азбуковниках XVII века. Изначальное целеполагание *азбуковников* – объяснение непонятных слов в церковно-славянских книгах. В азбуковниках в алфавитном порядке объяснялось значение слова, которое было расширено его грамматическим толкованием. К XVII веку основная функция азбуковника меняется, он становится учебной книгой для школьного употребления, но без ясной возрастной и институциональной адресации. Последующий анализ учебника позволяет, с нашей точки зрения, соотнести его со школами, в которых курс превышал элементарный уровень.

Во всех известных исследованиях (в работах Д. Л. Мордовцева, М. Ф. Владимирского-Буданова, М. И. Демкова, С. Н. Брайловского, А. И. Рогова) отмечается, что учитель XVII века под скрытой формой азбуки преподавал массу разнообразных, но самых необходимых сведений. Эту часть азбуковников, в которой даются сведения о широком круге предметов, М. И. Демков

определяет как учебно-методическую [4, с. 212]. И действительно, в ней сосредоточивалось все, что только можно было найти в рукописных памятниках по всем отраслям знаний. Более широкое определение азбуковника XVII века как учебника принадлежит известному исследователю учебной книги Д. Л. Мордовцеву, который толковал его как «всякий учебник, всякое руководство, предназначенное для обучения юношества» [7, с. 31]. Такие широкие рамки определения, на наш взгляд, обусловлены тем, что каждый азбуковник был в большой мере оригинальным пособием, не повторяющим набор сведений другого подобного учебника. В истории педагогики самой главной и существенной частью азбуковников считается языковедение [7, с. 55; 6, с. 301; 7, с. 147]. Азбуковники, кроме азбучного сегмента, были дополнены сведениями по фонетике, истории, письменности, подробными сведениями о правописании и ударении, о падежах, местоимениях и склонениях. Не случайно существовавшие отдельно грамматики восходили, а иногда почти целиком воспроизводили грамматические статьи азбуковников.

Буквари и азбуковники представляют первую учебную (предназначенную для школы) грамматическую литературу России XVII века. Исследователи отмечают, что толкование грамматики в азбуковниках ведет к ее нормативности и обязательности для элементарной и повышенной ступени [5, с. 220; 4, с. 46; 7, с. 297]. Вместе с тем содержание азбуковников не дает сведений о целостной системе преподавания грамматики: правила излагались так, как казалось удобнее для учителя, и потому объяснение значения и важности грамматики помещалось после правил правописания. Но содержание грамматик в азбуковниках не сводилось только к орфографии: в одних азбуковниках знание грамматики определялось как: «... грамматическое есть, еже разумети орфографию и просодию и соединительная воображения и полагания их» [1, с. 27]. Иными словами, в содержание грамматик в азбуковниках XVII века включались также элементы просодии, красноречия, стилистики. Понимая под словом «грамматика» гораздо более широкую область филологических знаний, от грамматики требовали всего, что изучается сегодня целым рядом наук внутри филологической области. Это была целостная теория словесных наук; и потому с изучением грамматики соединяли и риторику, и стилистику, и даже пиитику. Такая трактовка грамматики является основополагающим результатом анализа азбуковников в русле нашего исследования, и дает основания считать грамматику предметным «механизмом» связи начального и повышенного гуманитарного образования в данных исторических

условиях. Таким образом, грамматический сегмент азбуковников XVII века расширял рамки начального обучения, представляя его не автономной областью, а переходным этапом к среднему образованию.

В отечественной методике существуют различные оценки *грамматик*, как разделов в азбуковниках, так и отдельных учебников. А. И. Рогов утверждает, что грамматика, изложенная в азбуковнике довольно полно, все же не могла заменить учебника, достаточного для обучения этому предмету в средней школе [9, с. 148]. Д. Л. Мордовцев считает, что известные грамматики М. Смотрицкого и Л. Зизания, очевидно, использовались и при обучении детей, но это были грамматики без конкретного адресата, скорее, это были учебники не для школ [7, с. 47]. Наша точка зрения близка позиции Н. Б. Мечковской, которая отмечает, что в XVII веке важнейшие памятники, вобравшие в себя открытия и достижения филологической мысли своего времени, создавались как *учебные книги* (курсив наш. – Е. Г.) [8, с. 193].

Использование в «Грамматике» М. Смотрицкого европейской грамматической традиции, в том числе достижения конкретных грамматик греческого и латинского языков, – признанный и отчасти оправданный периодом создания учебника факт. Однако по способу изложения грамматика была независима от греческих и латинских образцов. Она писалась для читателя, который не знает другого письменного языка и другой грамматики. Поэтому такая грамматика была не только описанием церковнославянского языка, но и книгой по теории грамматики. Добавим, что в «Грамматике» М. Смотрицкого, как и в грамматических разделах азбуковников, мы находим буквальное подтверждение чрезвычайно широкого толкования грамматики как всеобъемлющей теории словесности: на первой странице предисловия «Учителем школьным автор» М. Смотрицкий помещает определение грамматики: «Что есть грамматика: есть известное художество, которое учит, как говорить и писать» [10, с. 7]. Подобное определение, безусловно, идентифицирует грамматику не только как языковую, но и литературную дисциплину, «художество».

II. *Включение в содержание грамматик предметного центра риторики и пиитики как средство формирования преемственности гуманитарного обучения от начальной к повышенной ступени.* Входя в общую систему филологических дисциплин XVII века, грамматика, риторика и пиитика тяготели все же к различным обучающим ступеням. Если грамматика в этот период занимает едва ли не главное место в круге предметов элементарной школы, то для образования повышенного типа таким предметным центром

становится риторика и пиитика. Первые учебные книги риторики и пиитики, адресованные высшей школе, были написаны преподавателями Московской славяно-греко-латинской академии Лихудами. Предназначенность данных учебников для высшей школы мы связываем прежде всего со статусом авторов (преподаватели учебного заведения повышенного типа) и неразвитостью регулярного среднего звена образования в России XVII века. По этой причине основными адресатами учебной литературы становятся элементарное обучение и обучение повышенного типа, к которому мы причисляем продвинутую ступень некоторых греко-латинских школ в Москве и курс славяно-греко-латинской академии, первого высшего учебного заведения в России.

«Риторика» Софрония Лихуда, написанная на греческом языке, переведена на русский язык в 1698 г. иеродиаконем Чудова монастыря Козьмой. С. Лихуд объявляет риторику царицей всех художеств, имеющей свою систему правил. «Сию преславную и преползную риторику, – пишет Софроний в предисловии, – мы намерены объяснить теперь, а следовать будем Аристотелю, Демосфену, Феофрасту» [6, л. 2]. Первая книга представляет собой вступительные размышления о достоинстве и пользе риторики, используемой «в судилищах, и в училищах, и наконец, в священных поучениях» [Там же, л. 5]. Для нас в ней важно центральное по логике С. Лихуда положение риторики во всех гуманитарных науках (художествах), для которых она является «общим союзием всех художеств», Софроний говорит не только о божественной сути риторики («риторика суть божественна»), но и о ее учебном потенциале, о том, что она «в учительства переходит» [Там же, л. 9]. По учебному значению автор учебника считает ее равной грамматике и диалектике, но риторика, с точки зрения С. Лихуда, «ближе всего из них к пользе гражданской» [Там же, л. 14]. Понимание автором XVII века социального значения риторики также можно причислить к имплицитным факторам формирования преемственности ступенчатого гуманитарного образования. Гражданский потенциал риторики мы бы истолковали как вынесенную за пределы школьной среды социальную целесообразность ее изучения на всех ступенях обучения. В истории образования, как мы считаем, «Риторика» С. Лихуда является учебной книгой, отражающей филолого-педагогическую концепцию учителей первого высшего учебного заведения в России, славяно-греко-латинской академии.

Попытка осмысления проблем преподавания риторики и пиитики в конце XVII века приводит нас к выводу о том, что на данном этапе риторика и пиитика еще не были четко отграниченными

друг от друга учебными предметами. Общей областью преподавания риторики и пиитики являлись образцы античных риторических сочинений, разбиравшихся одновременно и как образцы пиитики, и как образцы риторики, а также обилие примеров из литературных произведений, на чем строилась в частности «Риторика» С. Лихуды. Разойдясь впоследствии в большом количестве списков, рукописные учебники риторики и пиитики конца XVII регулярно переписывались в училищах и школах в течение всего XVIII века. Распространенность этих сочинений в читательской, а, главное, в школьной среде позволяет считать их чрезвычайно популярными и оценивать их учебное значение очень высоко. В контексте нашего исследования анализ учебников риторики и пиитики XVII века связан с широким распространением этих предметов как в звене элементарного, так и повышенного образования. Наряду с грамматикой, изучавшейся как в начальном, так и в повышенном звене, пиитика и риторика также реализовывали механизм преемственности гуманитарного образования.

Анализ основных функций «филологического» учебника XVII века позволил выявить целый ряд условий, при которых происходило становление преемственности ступенчатого образования к таким условиям, свойственным исключительно русской модели гуманитарного образования, мы считаем необходимым отнести следующие:

1) XVII век – время институционализации средней и высшей школы гуманитарной направленности, нуждающейся в унифицированной учебной литературе филологического сегмента;

2) функционирование грамматики как основного ядра семи свободных мудростей и как общего содержательного ядра букваря, азбуковников и собственно грамматик;

3) использование азбуковника как учебной книги одновременно на начальной и повышенной ступенях обучения;

4) содержание грамматических отделов в азбуковниках – отражение целостной теории словесных наук, включающей помимо грамматики, риторику, стилистику и пиитику;

5) слияние в учебниках грамматики жанров научного исследования и учебной книги как фактор оптимизации взаимосвязей образовательных ступеней;

6) формирование в учебных книгах XVII в. предметного филологического центра – грамматики, риторики и пиитики;

7) учебники грамматики, риторики и пиитики – общая учебная литература для первоначального и повышенного обучения, общий предметный «механизм» взаимосвязи начального и повышенного гуманитарного образования.

Представленные условия формирования взаимосвязей ступеней обучения позволяют считать учебник XVII века, обеспечивающий филологические знания в общегуманитарном центре, одним из первых и важных педагогических факторов формирующейся преемственности начальной и повышенной ступени образования.

Список использованных источников

1. Баталин, Н. И. Общий характер азбуковников XVII века / Н. И. Баталин // Филологические записки. Вып. I. – Воронеж : В тип. Н. Д. Гольдштейн, 1873. – С. 11–34.
2. Брайловский, С. Н. Один из пестрых XVII столетия / С. Н. Брайловский // Записки Императ. академии наук. – Т. V. – № 3. – С.-Петербург, 1901. – С. 3–481.
3. Владимирский-Буданов, М. Ф. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств / М. Ф. Владимирский-Буданов // Журнал народного просвещения. – Окт. – Отд. 2. – Спб., 1873. – С. 165–220.
4. Демков, М. И. История русской педагогики. Ч. I. Древне-русская педагогика (X–XVII вв.) / М. И. Демков. – Изд. 3-е, испр. – М. : Тип. Г. Лисснера, 1913. – 302 с.
5. Истомин, К. Букварь славяно-российских письмен, уставных и скорописных, греческих же латинских и польских лета 1692 месяца марта в царствующем граде Москве : факсим. изд. 1694 года Леонтия Бунина (Лицевой букварь) / К. Истомин. – М., 1694. – 44 л.
6. Лихуд, Софроний. О силе риторической / С. Лихуд. – 113. – РГБ, ОР. – Ф. 256, № 245. – 237 л.
7. Мордовцев, Д. Л. О русских школьных книгах XVII века / Д. Л. Мордовцев // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете : кн. 4-я. Окт.-дек. – М. : В университетской тип., 1861. – С. 1–102.
8. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / Э. Д. Днепров, О. Е. Кошелева, Г. Б. Корнетов [и др.]; АПН СССР, НИИ общ. педагогики. – М. : Педагогика, 1989. – 480 с.
9. Рогов, А. И. Школа и просвещение / А. И. Рогов // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 2. Духовная культура / под ред. А. В. Арциховского. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – С. 155–169.
10. Смотрицкий, М. Г. Грамматика. Памятки української мови XVII ст. / М. Г. Смотрицкий : факсим. изд. В. В. Нимчук. – Київ : Наукова думка, 1979. – 112 с.

Поступила 20.05.2011 г.

УДК 8Р 36 (=511.142)

ББК 81.66

Ф. М. Лельхова

F. M. Lelhova

ГЛАГОЛЫ ПЛАВАНИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ VERBS OF SWIMMING IN THE KHANTY LANGUAGE

В данной статье рассматриваются глаголы с семантикой плавания в сынском диалекте хантыйского языка. По семантике глаголы плавания подразделяются на группы: глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов; глаголы ненаправленного (разнонаправленного) плавания людей, рыб, птиц и животных; глаголы движения по водному пространству.

Рассматривается семантика глаголов, лексико-грамматическое значение, морфологический состав глагольных единиц.

Ключевые слова: хантыйский язык, глагол, семантика, лексико-семантическая группа глаголов, морфологические категории, сочетаемостные особенности.

In the given article verbs with semantics of swimming in Synja a dialect Khanty language are considered. The semantics of verbs of swimming are divided into groups: verbs of unidirectional movement oriented towards the source and destination points, non-directional verbs (multidirectional): navigation of people, fish, birds and animals, verbs of motion on the water space.

The paper considers the semantics of verbs, lexical and grammatical meaning, the morphological structure of verbal units.

Key words: Khanty language, the Verb, Semantics, lexical-semantic group of verbs, morphological categories, compatibility features.

В настоящей работе рассматриваются глаголы с семантикой плавания в сынском диалекте хантыйского языка. Целью работы является описание системы глаголов, обслуживающих семантическую зону движения людей, рыб, животных, птиц, транспортных средств по водному пространству и нахождение их в воде. Народ ханты проживает в бассейне крупных рек – Обь, Иртыш, это край, покрытый многочисленными реками, озерами, болотами. И рыболовство является одним из основных традиционных занятий местного населения, что находит отражение в данной группе лексики.

Хантыйский язык относится к числу тех языков, для которых характерна богатая, с достаточно большим количеством противопоставлений, система глаголов плавания. Среди глаголов плавания мы выделяем:

1. Глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов. Существуют различные классификации глаголов по семантике. В нашей работе мы придерживаемся классификации глаголов, изложенной в словаре под ред. проф. Л. Г. Бабенко [1, с. 27–70]. В данной классификации глаголы плавания выделяются в лексико-семантической группе глаголов движения.

Необходимо заметить, что в хантыйской культуре не принято было плавать, старые ханты не умели плавать и считают, что плавать нельзя,

опасно, вода не для плавания людей. Глагол *уцты* ‘плыть, подплыть’, его основное значение «двигаться в определенном направлении по поверхности или в глубине воды при помощи приспособленных для этого органов (о рыбах и животных, живущих в воде)», например: *Хўды-йэлўхйщеллауццас* ‘Приплыла к нему рыбка’; *Навэрнэйиңканавэрмас, уццал* ‘Лягушка в пруд запрыгнула, плывет’. Глагол *уцты* ‘плыть, приплыть, уплыть’ имеет также семантику «передвигаться в воде с помощью определенных движений тела, загребая, выталкивая воду назад (о человеке и животных, не живущих в воде)», например: *Хййатуццтал* ‘Видно, человек плывет’; *Хййатйиңкидпийәнущал* ‘Человек плывет под водой плывет’; *Навэрмутлыпэлауццал* ‘Мальчик плывет к берегу’; *довущал* ‘Лошадь плывет’; *Посал шйппиампуццал* ‘Через протоку собака плывет’.

Производным значением лексемы *уцты* является значение ‘подниматься на нерест (букв.: плыть на нерест)’, образован от существительного *уц* ‘нерест’: *Щахашикхўл па щи уццал* ‘Скоро рыба опять пойдёт на нерест’; *Хўл уццты-пйрайхтас* ‘Время, когда рыба поднимается на нерест, настало’; *Уццтылэццанхўл пакәтмәндәт* ‘В месяце вонзя (в июле) косяки рыб поднимаются (вверх по Оби) (букв.: идут)’. Июль в хантыйском фенологическом календаре называется *уццтылэцц* ‘месяц нереста’. В хантыйском

языке есть синонимичное значение, которое передается глаголом *хйты* ‘подниматься на нерест’, *хйтымьнты* ‘идти на нерест’ (ср.: *хйэ-мур* ‘место для нереста’): *Хўл хйэд* ‘Рыба поднимается на нерест’; *Мёхсунхўлэнхйтымьнал* ‘Муксун идет на нерест’.

Движение и нахождение в воде в хантыйском языке обозначается также следующими лексемами, производными глагола *уцты*–*уцидэты* ‘плавать’, *уцийэдэты* ‘плыть, плавать’, *уцидэтэты* ‘плавать’ (многокр.), *уцидэтийэдэты* ‘заставить плавать’, образованными от глагола *уцты* с помощью деривационных суффиксов. Они употребляются в итеративных контекстах: *Тўвхёшавасэтуцийэдэсэ* ‘В озере утки плавали’; *лорэнхотнэтуцийэдэсэ* ‘В озере лебеди плавают (плескаются)’; *Панка лыпийэн ай хулуй-эуцидэтийэдэ* (уцийэдэ) ‘В банке малек плавает’; *Ныла ци, туташэкавасэтуцидэдэсэ* ‘Видно, как недалеко утки плавают’. К глаголам со значением плавания относятся также следующие лексемы: *ванауцты* ‘подплыть’, *шоппиуцты* ‘переплыть (вплавь)’, *на пэлкауцты* ‘переплыть на противоположную сторону’ и т. д., например: *Ванауцэсхўл на инцасэс* ‘Подплыла рыбка и спросила’; *Йёхансорэм, мисэс на пелкауцэсэ* ‘Речка пересохла, коровы на противоположный берег переплыли’.

Движение живых существ, предметов, судов по течению/против течения передается в хантыйском языке устойчивым сочетаниями: *ёв шашэнмьнты* (*хунхты*) ‘по течению (букв.: на спине течения) ехать (взбираться)’, *ёв йэцалт-мьнты* ‘против течения (букв.: навстречу течению) ехать’, *увсанопэтты* ‘плыть по течению (букв.: на север плыть)’, а также специальным глаголом *нопэтты* ‘уносить течением’ (см. далее), с помощью превербов *нёхлы*, *нёхлыпэла* ‘вверх по течению’; *ныкды*, *ныкдыпэла* ‘вниз по течению’ и другими конструкциями: *Нёхлы-мьндэу* ‘Поднимаемся вверх по течению’; *Ныкдыйэңхэс* ‘Вниз по течению съездил’.

Глагол *уцты*, *шоппиуцты* ‘переплыть, переехать, перейти (пешком, вплавь, на судне)’: *лыийёханшоппиуцидэсэ* ‘Они реку переходят’; *Ас уцтыхонмосэс* ‘Чтобы переплыть большую реку, нужна лодка’; *довытёханшоппиуцидэсэ* ‘Лошади переходят вплавь реку’.

Глаголы *щелэтты*, *щелты* ‘скользить по волнам’ с семантикой «двигаться (двинуться) в определенном направлении легко, плавно, едва касаясь поверхности чего-л., словно катаясь по гладкому льду»: *Хопевайлтащелэд* ‘Лодка медленно скользит по волнам’; *Намэн кэв пўлйовэдэу, йўвэтлэн на, йиңкхёцатэми-тыщелманьнал* ‘На берегу камешки бросаем,

бросишь и по воде, скользя, идет’. Производными глагола *щелэтты*, *щелты* являются следующие глаголы: *щелматты* ‘скользить по волнам’, *щелтамтты* ‘заскользить по волнам’, различающиеся оттенками значений: *Райнэмэсэ на кэвэмшикэмхўварэ́кнэс*, *щелматманьнал*, *нёхрэ́кнёптийэдэ*, *рэ́кнёпэдэ* и *лёңэмийэдэ* на *нёхэтмийэдэ* ‘Размахнулся и камень так далеко упал, идет скользя, подкакивает, подскочет, исчезнет в воде, опять появится’.

Семантика глагола *ховиты* «безвольное движение предметов по течению, по волнам», данный глагол имеет значения: 1) плыть (качаться на волнах); 2) плавать (на поверхности): *Хон ховийэдэ* ‘Лодка плывет (качается на волнах)’; *Ёшамэмийиңкарэ́кэнмал*, *йиңкэнховийэдэ* ‘Платок в воду упал, плавает в воде (на поверхности)’. Субъектом действия с глаголом *ховиты* выступают только неодушевленные существительные (вещь, предмет, лодка, плот и т. д.).

Глагол *нопэтты* имеет следующую семантику: ‘уносить, нести течением, ветром’, ‘плыть по течению’, ‘нести лед’, образован от существительного *нопэт* ‘плавь’: *Вот так. Хон сора нопэтэла* ‘Ветер сильный. Лодку быстро уносит течением’; *Посэд хўватпавэртнопэтэла* ‘По протоке бревно плывет’; *Вотэнхонэвкэдна-ншёманопэтэса* ‘Попутный ветер нес нашу лодку прямо к пристани’; *Йэдэн хон нопэттыныла* ‘Вдали плывет лодка’.

Производной формой глагола *нопэтты* является глагол *ноптэдэты*, образованный с помощью словообразовательного суффикса *-э□-*, обозначает способ ловли рыбы ‘ловить рыбу неводом, плавными сетями’, производное значение этого глагола ‘сплавлять’.

Глагол *ноптийэдэты* ‘уносить течением’, помимо указанной семантики имеет значение ‘ловить рыбу неводом’, в составе глагола *ноптийэдэты* выделяется корень *нопэт-*, суффикс залогового типа *-ийэдэ-*.

Глагол *навэ́рты* ‘плыть (о пене)’ (>*навэр* ‘пена’): *Хумпэң, навэ́рэдэ* ‘Волны большие, пена плывет’.

Глагол *хўвэдэты*, *ныкхўвэдэты* имеет следующие значения: 1) поплыть, выплывать; 2) уплыть (вынести волной): *Най лёңэмкэмэнхон-пэ́тэсэуло́насэтынык дора хўвэдэсэ* ‘Как солнце зашло, лодки как утиный выводок на озеро поплыли (выплывали)’; *Хонэдэ хўвэдэсэ* ‘Лодка уплыла (волной вынесло)’.

2. Глаголы разнонаправленного движения субъекта (ненаправленного (разнонаправленного) движения рыб, птиц, людей и животных): *уцийэдэты* ‘плыть, плавать’ (>*уц* ‘нерест’), *уцидэты* ‘плавать’ (о рыбах, птицах и

животных, живущих в воде). В составе глагола *уцийэдты* выделяется корень -ущ-, суффикс многократности действия -ийэд-. Данные глаголы употребляются в итеративных контекстах: *Түвхощавасэтуцийдсэт* 'В озере утки плавали'; *лорәнхотнэтуцийэддэт* 'В озере лебеди плавают (плескаются)'; *Панка лыпийән ай хулуйэуцийдйэд(уцийэд)* 'В банке малек плавает'; *Ныла щи, туташэкваэтуцийдэдэт* 'Видно, как недалеко утки плавают'.

Для обозначения ненаправленного (разнонаправленного) плавания употребляется также глагол *пэвэдты* 'купаться, плескаться' (предполагает совершение активных телодвижений в воде, сопровождаемых брызгами, плеском, барахтаньем, что на русский язык лучше всего передается глаголом купаться). Субъектом действия выступает человек: *наврэматйоханәнпэвэддэт* 'Дети в реке купаются'.

Глагол *пöлцэмэты* 'плескаться (в воде)': *Ай öтөтпитарпүңэдәнпöлцэмэдэт* 'Малыши около берега плескаются'; *наврэматийиңкәнпöлцэмэдэт* 'Дети плещутся в воде'; *Худәтпүүлцэмэдэт* 'Рыба плещется'.

Глагол *лöхцэмэты* 'плескаться (колыхаться, производя плеск)': *Йиңкдхуцэмэд* 'Вода плещется'; *Хүвдхуцэмэд* 'Долго плещется=она'.

Глагол *купайэтты*, *купайэттыя* является русским заимствованием (ср. купаться) и обозначает ненаправленное плавание людей, пребывание в воде для удовольствия. В отличие от русского купаться слово *купайтты* не используется в значении 'мыться' (ср.: *Иметьлохэтэдэт* 'Женщины моются').

Глагол *плавайэтты* 'плавать, купаться' также заимствован из русского языка: *Щарсальүңәнийәнхәс, йәмәсплавайтәс щита* 'Летом на море съездил, вдоволь там накупался'. Данный глагол также используется современными рыбаками в значении 'ловить рыбу неводом, плавными сетями', хотя в хантыйском языке есть исконное слово *ноптэдты*. При ловле рыбы плавными сетями рыбаки выезжают на плавь поочередно: *Тамхатәд мўнплавайттыхәтлэв* 'Сегодня наш день ловить рыбу плавом'; *Хöй ин плавайтәд* 'Кто сейчас плавает (ловит рыбу)'; *Ин хўд йәмамәнәд, ноптәдтийәнйәм арат хойәд* 'Сейчас рыба хорошо идет, когда ловим рыбу, хорошо попадает'; *Ноптәдты хоп* 'Лодка для ловли рыбы плавными сетями'.

3. Глаголы движения при обозначении перемещения в воде.

В хантыйском языке общие глаголы движения (*мәнты*, *йиты* 'идти', *йöхәтты* 'приходить, приехать', *мәнты* 'уходить', *ушиты* 'переходить' и др.), прототипически обозначающие движение пешком, используются для обозначения направленного движения судов, людей на них, а иногда и для самостоятельного плавания людей.

Глагол *йәңхты* 'ехать, ездить': *Хоп намәнйәңхәд* 'Лодка по реке едет'; *Ин исамолт кем карты хопнйәңхдәт* 'Сейчас все больше на железных лодках ездят'.

Глагол *йиты* 'плыть, проплыть', *уцманйиты* 'плыть' с семантикой «передвигаться по поверхности или в глубине воды при помощи специальных приспособлений (о лодке, корабле)»: *Хопәнийисув* 'На лодке приплыли (приехали)'; *Түтәңхопйид* 'Теплоход идет (подъезжает)'; *Акайэмхопәнийид* 'Дядя на лодке приплывет (подъедет)'.

Глагол движения *йöхәтты* имеет значение 'приплыть', например: *Сорнәнхўдйәд йöхтәс* 'Приплыла золотая рыбка'.

Глагол движения *мәнты* 'плыть, уплыть, проплыть', *шöппимәнты* 'переехать' с семантикой «перемещаться по поверхности воды в определенном направлении на водном транспорте»: *И хўд пак мәнәд* 'Один косяк рыбы проплывет'; *Хоп айлтамәнәд* 'Лодка медленно плывет'; *И икиныклы (ныклыпәдә) хопәнмәнәд* 'Рыбак плыл вниз по реке на лодке'; *Вантсэм, катер мәнәс* 'Видел, что катер плыл'; *Тәм пöсәд ай хопәншöппимәйтсэв* 'Эту протоку мы переехали на калданке'.

Таким образом, мы рассмотрели семантику глаголов лексико-семантической группы плавания в хантыйском языке. Они различаются по следующим параметрам: тип субъекта (живое существо/предмет/судно); направленное/ненаправленное плавание; движение по течению/против течения; движение живых существ/судов и предметов и т. д.

Список использованных источников

1. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.

Поступила 26.05.2011 г.

СОПРЯЖЕННОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУР В АСПЕКТЕ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

COMBINED LITERATURE STUDY IN THE ASPECT OF HUMANITARIAN TECHNOLOGIES

В данном исследовании раскрывается сущность технологии сопряженного изучения литератур, показаны возможности использования данных технологий в процессе изучения литературы, поставлена проблема применения гуманитарных технологий в рамках реализации компетентного подхода.

Ключевые слова: образовательные технологии, гуманизация образования, диалог культур, русская, национальная и зарубежная литература, сопряжение.

This study reveals the essence of technology of co-study of literature, shows the possibility of using these technologies in the study of literature, raises the question of humanitarian technologies in the framework of the competence approach.

Key words: educational technologies, humanization of education, cultural dialogue, Russian, national and foreign literature, combination.

Инновационный опыт отечественных учебных заведений требует обновления образовательного процесса на основе переосмысления всех методов и приемов обучения с опорой на современные возможности и культурный контекст, а также внедрение новых не только информационных, но и гуманитарных технологий.

Трактовка технологии обучения как системного метода создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических ресурсов позволяет сделать вывод о том, что на смену отдельным формам и методам активного обучения приходят целостные образовательные технологии, в том числе гуманитарные.

Гуманитарные технологии, с точки зрения Н. В. Бордовской [2], – это средства организации социальной деятельности и взаимодействия человека с окружающим миром, позволяющие выразить свое личностное отношение к пространству вокруг и самому регулировать характер своих отношений с миром. Благодаря развитию инновационного процесса в настоящее время повышается интерес к трансляции культурных традиций. Сама идея гуманитарных технологий рассматривается, например, Н. А. Кузнецовой [5] как технология инноваций или производство новых способов деятельности, ориентированных на развитие человеческой личности и на создание соответствующих условий для этого. Иначе – это способы совершенствования моральных и этических норм, способы развития интеллектуального потенциала и физического состояния.

Исходной позицией при разработке гуманитарной технологии выступает положение о свойствах и способах обучения, потому что именно совокупность особенностей их содержания определяет сущностные характеристики педагогического процесса. В данном случае гуманитарная технология должна строиться на изучении результативности процесса сопряжения литератур, на основе изменений уровня литературного образования обучающихся и росте психолого-педагогического мастерства педагогов.

Теоретическими позициями гуманитарных технологий выступают положения теоретиков и методистов литературы о «диалоге культур» [1; 3; 4]. В теории и методике преподавания литературы подобные идеи нашли отражение в применении «диалога культур» при анализе художественного произведения, основой которой стала концепция диалога культур М. М. Бахтина, введенная в педагогический процесс В. С. Библером [3].

В связи с этим концептуально звучит утверждение М. М. Бахтина, что «один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. При такой диалогической встрече двух

культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [1, с. 334–335].

Идея «диалога культур», разработанная В. С. Библером, заключается в следующем: «...многоголосье мира существует в индивидуальном сознании в форме внутреннего диалога, диалог есть позитивное содержание свободы личности и др.» [3, с. 346–347]. Она, по нашему мнению, должна стать фундаментом для формирования компетенций сопоставительного анализа.

Обращение к изучению произведений писателей разных стран в сопряжении является одним из резервов повышения эффективности преподавания литературы: расширяет представления обучающихся о мировом литературном процессе; развивает самостоятельность мышления, активизирует их познавательную деятельность, открывает перспективы для эстетического и нравственного воспитания; дает возможность представить единый процесс литературного развития.

Необходимо отметить, что изучение русской литературы в диалоге с отдельными произведениями национальных и зарубежных писателей может составлять единый процесс и протекать в определенной последовательности на протяжении обучения.

Таким образом, подобная технология дает возможность формирования у обучающихся умений и навыков позитивного межкультурного взаимодействия, толерантного отношения к культурам других народов. Однако приходится констатировать и тот факт, что внедрение технологии изучения сопряжения литератур в общеобразовательный процесс и деятельность по формированию культурной компетентности обучающихся нередко носит не массовый, а избирательный, частный характер.

Разработанная технология предполагает использование разнообразных методических приемов, форм и видов работы, что является непременным условием формирования у обучающихся компетенций по взаимосвязанному, сопряженному анализу текстов мировой литературы.

В современном образовательном пространстве необходимо создать условия для формирования профессиональной компетентности, умения организовывать и осуществлять работу в указанном направлении. Важно обеспечить научно-методическими разработками и необходимыми материалами для применения в образовательном процессе. Решать эти проблемы

следует комплексно, во взаимосвязи с другими образовательными задачами.

Сопряженное изучение литератур как гуманитарная технология, выявление общности и национального своеобразия художественных произведений отдельных писателей; выяснение авторской позиции; усвоение жанрового своеобразия текстов русских, национальных и зарубежных авторов – актуальные проблемы изучения мировой литературы.

Прибегать к сопоставлению, сравнению образцов русской, национальной и зарубежной литератур нужно продуманно, учитывая целесообразность и необходимость взаимосвязанного анализа. При сопоставлении художественных текстов отдельных писателей педагог должен решать задачи по формированию у обучающихся умения создавать сравнительную характеристику литературных героев, персонажей, образов. Сопоставление определяет сходства сюжетов, характеров, отдельных эпизодов рассматриваемых текстов; выявляет сходства позиции писателей и национально обусловленные различия в их подходе к изображаемому; способствует закреплению навыков сравнительного анализа художественных произведений. Сопряжение литературных произведений способствует выработке у обучающихся самостоятельного, личностного отношения к прочитанному; формированию умения мыслить диалектически, находить единство в противоположном и различие в сходном.

Реализация гуманитарных технологий посредством сопряжения в изучении литератур отдельных народов показала, что обучающиеся инициативно включаются в деятельность, предлагаемую в рамках диалога культур. Это позволяет участникам образовательного процесса решать многие поликультурные проблемы, а их персональная включенность в работу делает ее более эффективной.

Таким образом, сопряженное изучение литератур, на наш взгляд, должно учитывать эффективность усвоения теоретико-литературоведческих понятий, читательских компетенций; развитие познавательных интересов обучающихся на основе изучения творчества отдельных писателей; анализ средств художественного своеобразия текста с учетом индивидуальных особенностей и стиля писателя; использование приемов сравнения и сопоставления, диалог разнонациональных литературных явлений и фактов. Гуманитарная технология – это последовательность этапов и система приемов, направленных на решение определенных педагогических задач

[5; 7]. В нашем случае такими задачами являются вхождение в текст, постижение его внутренних и внешних взаимосвязей, авторской позиции и через произведение – формирование общих представлений о сопряжении культур и в целом о мировом культурном процессе.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Бордовская, Н. В. Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: теория и методология проектирования : учеб. пособие / Н. В. Бордовская. – СПб. : Книжный Дом, 2007. – 408 с.
3. Доманский, В. А. Литература и культура: культурологический подход к изучению словесности в школе / В. А. Доманский. – М. : Флинта, 2002. – 368 с.

4. Жиндеева, Е. А. Миф о советской эпохе в исполнении Вен. Ерофеева и М. Елизарова: опыт сравнительно-сопоставительного анализа двух произведений / Е. А. Жиндеева, Н. А. Дергунова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 2. – С. 64–70.

5. Кузнецова, Н. А. Расширение гуманитарных технологий на основе компетентного подхода. [Электронный ресурс] / Н. А. Кузнецова // Интернет-журнал «Эйдос». – 2006. – 1 сент. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0901-3.htm>.

6. Сафонова, С. В. Педагогическая диагностика качества организации образовательного процесса в вузе : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / С. В. Сафонова. – М., 2008. – 257 с.

7. Хруненко, М. Л. Роль гуманитарных технологий в образовательном процессе технического вуза [Электронный ресурс] / М. Л. Хруненко // Интернет-журнал «Эйдос». – 2010. – 10 дек. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0901-3.htm>.

Поступила 02.09.2011 г.

ИСТОРИЯ

УДК 94(5)
ББК 63.3(0)6

Д. В. Буяров
D. V. Buyarov

**РОСТ СЕПАРАТИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ В 1990-Е ГГ.**

**GROWTH OF SEPARATIST MOVEMENTS
IN XINJIANG-UYGUR AUTONOMOUS REGION IN THE 1990s**

В статье рассматривается развитие сепаратизма в Синьцзяне в последнее десятилетие XX века как закономерное историческое явление, обусловленное национальной политикой Китая.

Ключевые слова: Синьцзян, сепаратизм, уйгуры, ислам, национальное движение, национальная политика.

This article discusses the development of separatism in Xinjiang in the last decade of the twentieth century, as a natural historical phenomenon caused by the national policy of China.

Key words: Xinjiang, separatism, Uighurs, Islam, national movement, national policy.

«Синьцзянский сепаратизм» как явление имеет вековую историю. Борьба местного населения за независимость приобретает своего рода перманентный характер с момента насильственного присоединения к Китаю. За период XVIII–XX вв. в этом многонациональном регионе произошло около 400 народных восстаний.

В современном Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), образованном в 1955 г., уйгуры признаны национальным меньшинством, несмотря на то, что их численность в провинции на сегодняшний день составляет около 9 млн. человек или 46 % от общего числа населения [4]. Национальная политика китайского правительства, направленная на сохранение государственного единства и формирование общекаитайской нации, не в состоянии подавить сепаратистские настроения, которые развиваются не только на основе комплекса внутренних факторов, но и под влиянием извне.

1990-е гг. становятся своеобразным пиком развития сепаратизма в Синьцзяне. После распада СССР в 1991 г. в Центральной Азии образовалось пять исламских суверенных государств. В результате из всех крупных народов региона только уйгуры по-прежнему не имели своего национального государства. Центральнo-Азиатский сценарий значительным образом повлиял на активизацию сепаратистского движения в СУАР, где именно уйгурское население стало проявлять наибольшую активность в выступлениях. Формы этой борьбы были различными, они включали в себя демонстрации, народные волнения с погромами и террористические акты.

Условным началом выступлений можно считать беспорядки в Кызылсу-Киргизском округе в апреле 1990 г., в которых приняли участие киргизы и уйгуры, недовольные закрытием мечетей, демографической политикой и вывозом природных ресурсов. В ходе столкновений с полицией погибло 15 человек и примерно 100 человек было арестовано [6, p. 21].

В июле 1995 г. начались протесты в Хотане. Они были спровоцированы арестом 7 июля имама Абдула Каюма. Уйгуры, собравшиеся на пятничную молитву и узнавшие об аресте своего религиозного лидера, направились к зданию администрации. В результате столкновений у правительственного комплекса было ранено более 60 партийных чиновников и полицейских. После появления подкрепления правительственных сил несколько сотен человек были задержаны на месте, а позже аресты продолжились. Впоследствии около 20 обвиняемых в участии в инциденте были осуждены на сроки от 3 до 16 лет [5].

Достаточно крупным было выступление, произошедшее в феврале 1997 г. в Кульдже, когда был запрещен мусульманский праздник, а его организаторы арестованы при попытке обратиться в городской комитет КПК с жалобой. Утром 5 февраля началась демонстрация, участники которой вышли с лозунгами равноправия уйгуров и ханьцев и с требованиями религиозных свобод. Демонстранты были остановлены полицейскими подразделениями, а число задержанных составило от 300 до 500 человек. После этого волнения приобрели насильственный характер: уйгуры стали нападать на полицейские участки и китайские

магазины. Вскоре в город были введены дополнительные войска, которым было разрешено использовать оружие, в результате более 200 демонстрантов было ранено. В течение двух недель Кульджа была полностью закрыта; число арестованных за это время варьируется в пределах от 3 до 5 тыс. человек. Важно, что в это время в больницах отказывались оказывать медицинскую помощь нуждающимся. Большинству задержанных в течение нескольких недель даже не предъявляли обвинения, многих подвергали пыткам [5].

События в Кульдже способствовали активизации недовольных в других городах Синьцзяна. После подавления выступлений в СУАР было вынесено 210 смертных приговоров и 190 человек были осуждены на тюремное заключение [5]. Большинство осужденных были уйгурами. Жесткие методы подавления народных волнений и суровые наказания привели к временному спаду протестного движения.

Рассмотренные выше народные волнения нельзя было бы считать в полной мере сепаратистским движением, если бы они не дополнялись террористической деятельностью вооруженных группировок и политической борьбой уйгурских организаций. Период 1990-х гг. характеризуется ростом активности уйгурских организаций радикального толка как в Синьцзяне, так и за его пределами. В это время появляется ряд организаций, которые получают зарубежную поддержку и склоняются к вооруженному пути борьбы за независимость. Одной из самых активных подобных организаций на тот момент было «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ), основанное в начале 1990-х гг. Хасаном Махсумом и насчитывавшее несколько сотен боевиков, прошедших подготовку в Пакистане, Афганистане и Чечне. Движение поддерживало тесную связь с «Талибаном», «Аль-Каидой» и «Исламским движением Узбекистана».

По заявлениям китайских властей, в период с 1990 г. по 2001 г., в результате террористической деятельности ИДВТ погибло 162 и ранено более 440 человек [7]. Этой организацией было совершено более 200 терактов в СУАР и за его пределами. Среди пострадавших были не только представители ханьского населения, но и уйгуры. Помимо взрывов, нацеленных на убийство гражданского населения, члены ИДВТ организовывали нападения на полицейские участки и религиозных деятелей, также сопровождавшиеся убийствами.

Западные исследователи оценивают масштабы и характер терактов в СУАР иначе, нежели китайские эксперты. По мнению Д. Гладни, в период 1990-х гг. в КНР произошло 140 терактов,

из которых 25 обусловлены политическими целями сепаратистов и лишь 17 из них были организованы уйгурскими сепаратистами в Синьцзяне [8, p. 385].

Для китайских же властей любое выступление против существующего режима расценивается как страшнейшее преступление. В результате любое движение, выдвигающее политические или религиозные требования, может быть классифицировано в КНР как антигосударственное, а акции протеста рассматриваются как проявления сепаратизма. Примечательно, что к террористическим актам в Китае и особенно в СУАР относят не только действия таковые по содержанию, но также, например, нападения на полицейских или нападения на инкассаторов с целью ограбления. К террористической деятельности китайские власти относят даже поджог рынка китайских товаров в Бишкеке в мае 2000 г., хотя данное преступление не было раскрыто до конца.

Позиции руководства КНР и правительства СУАР, с одной стороны, и политические взгляды лидеров радикальных уйгурских организаций, опирающихся на поддержку из-за рубежа, с другой, отличаются пафосом и непримиримостью. По мнению официальных лиц КНР, Синьцзян является исконной территорией Китая с середины I в. до н. э. Несогласные с подобной позицией по сути дела причисляются к террористам и получают нелицеприятную характеристику: «Антипатриотические элементы... выступают против развития и реконструкции Синьцзяна... история уже доказала, что националисты-раскольники – это государственные изменники, антипрогрессивные элементы, подлинное национальное отребье Китая» [1, с. 150].

Члены уйгурских национальных организаций определяют содержание проблемы иначе. Для них значительная часть территории Синьцзяна – это место коренного проживания уйгуров, территория, оккупированная Китаем. При этом «небывалые по масштабам репрессии против носителей идеи самоопределения нации, происходящие на фоне политики «планового деторождения» и политики «миграции китайцев», ставят нацию на грань выживания» [2].

Конфликт в СУАР развивается на национальной почве, и он схож с борьбой против колонизации [3]. Проблема осложняется тем, что даже попытка политической либерализации со стороны китайских властей изначально ограничена риском отделения Синьцзяна. Авторитарный режим Китая не может позволить развиваться реальной национальной автономии из-за опасения, что демократические изменения приведут к расколу страны.

Список использованных источников

1. Ван Вэньхэн. Национально-территориальная автономия Синьцзяна и социальная стабильность / Ван Вэньхэн // Региональное развитие и региональная экономическая политика РФ и КНР. – М., 2000. – С. 141–155.

2. Мухлисов, М. Движение за освобождение Уйгурстана [Электронный ресурс] / М. Мухлисов // Центральная Азия и Кавказ. – 1997. – № 10. – Режим доступа: <http://www.ctaj.elcat.kg/tolsty1>

3. Пейруз, С. Перед лицом сепаратизма: Европейский Союз, Средняя Азия и уйгурский вопрос [Электронный ресурс] / С. Пейруз // EU – CentralAsiamonitoring. 2009. – № 4. – С. 1–8. – Режим доступа: http://www.eucentralasia.eu/fileadmin/user_upload/PDF_RU

4. Синьцзян тунцзинянцзянь, 2004 (Статистический ежегодник Синьцзяна). – Урумчи, 2005.

5. China: Gross violations of human rights in the Xinjiang Uighur autonomous region [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amnesty.org/en/library/info>

6. Dillon, M. Zinjiang: Ethnicity, Separatism and Control in Chinese Central Asia / M. Dillon. – University of Durham, 1995. – 185 p.

7. Giglio, D. Separatism and the War on Terror in China's Xinjiang Uighur autonomous region [Электронный ресурс] / D. Giglio. – Режим доступа: <http://www.peaceopstraining.org/theses/giglio.pdf>

8. Gladney, D. Responses to Chinese Rule / D. Gladney // Xinjiang : China's Muslim Borderland. – N. Y., 2004. – 506 p.

Поступила 31.08.2011 г.

УДК 39=511.152
ББК 63.5 (2Р–6Мо)

Г. А. Корнишина
G. A. Kornishina

**ОБРЯДОВАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОРДОВСКОГО ЭТНОСА****RITUAL CULTURE IN THE SYSTEM
OF FUNCTIONING OF THE MORDOVIAN ETHNOS**

Рассматривается обрядовая культура мордвы в качестве одного из важнейших компонентов функционирования и эволюции этноса, а также ее значение в формировании этнической идентичности на примере троичной обрядности. Проанализированы факторы внешнего и внутреннего характера, оказывающие влияние на развитие составных компонентов традиционной обрядности. Дана характеристика структурных элементов, которые в настоящее время приобрели значение своеобразных этнических символов, способствующих объединению людей и укреплению национального идентитета.

Ключевые слова: Акша Келу, бинарная структура этноса, дисперсность расселения, национальное самосознание, обрядовая культура, Раськенъ Озкс, субъекты традиционной обрядности, троичная обрядность, этническая идентичность, этнокультурные контакты, этноязыковая сфера культуры.

The paper considers ritual culture of the Mordovian ethnos as one of the major components of functioning and evolution of ethnos, and also studies its value in formation of ethnic identity on the example of Troitsa (Trinity) ritual. The factors of external and internal character influencing development of compound components of traditional ceremonialism are analyzed. The characteristics of structural elements which now have acquired the significance of the original ethnic symbols that contribute to bringing people together and strengthen national identity. is given.

Key words: Aksha Kelu, binary structure of ethnos, dispersion of resettlement, national identity, ritual culture, Ras'ken' Ozks, subjects of traditional ceremonial rites, ceremonial rites of Troitsa, ethnic identity, ethnic and cultural contacts, ethnolinguistic sphere of culture.

Традиционная обрядовая культура мордвы является одним из важных компонентов функционирования и эволюции этноса. За длительную историю своего существования она испытала

различные влияния внешнего и внутреннего характера, которые во многом определялись развитием и состоянием самого этноса. Так, основным носителем (субъектом) традиционной обрядности

до сих пор выступает сельское население. Из-за специфики своего расселения (люди живут в условиях более тесного соседства, чем в городе, непосредственных контактов с локальной общественной средой – сельским коллективом), большей моноэтничности поселений, сравнительно слабого развития социальной инфраструктуры и ряда других причин, сельские жители отличаются приверженностью к сохранению народных традиций, их консервации. Кроме того, культура селян имеет много общего с культурой городской мордвы, особенно недавних мигрантов из сельской местности. Последние принесли с собой и, как правило, сохраняют в своем быту многие элементы обрядности своего народа.

Другой характерной особенностью мордвы является большая дисперсность ее расселения. В границах РМ проживает лишь треть всего мордовского населения страны. Компактные группы мордвы обитают практически во всех регионах Урало-Поволжья, а также в Сибири, Алтайском крае, Московской области и других местах. В силу определенных условий (изоляции от других групп мордвы, тесных контактов с соседними народами) культура отдельных групп мордовской диаспоры сохранила, с одной стороны, многие архаичные черты, исчезнувшие или претерпевшие существенные изменения у мордвы, живущей в Мордовии; а с другой стороны, приобрела ряд элементов, которых не было на прежней территории их обитания. Эти новации появились как в результате этнических контактов мокши и эрзи с другими народами, так и в результате их близкого взаимодействия друг с другом. Дело в том, что в отличие от РМ, где эти этнические общности мордвы территориально удалены друг от друга (мокша проживает в юго-западной части республики, а эрзя – в восточной), в других регионах они часто селились вместе. Это было характерно, например, для Пензенско-Саратовского края, Заволжья (Самарской и Оренбургской областей, Татарстана, Башкортостана) и др.

Еще одним важным фактором, который надо учитывать при изучении мордовского этноса, является его бинарная структура, то есть наличие в его составе двух этнических общностей (мокши и эрзи), обладающих собственным самосознанием, языком и специфическими чертами культуры. Одной из серьезных предпосылок возникновения дуализации древнемордовских племен многие ученые считают обширность их этнической территории, затруднявшей контакты между отдельными племенными группами. С другой стороны, такая территориальная разобщенность обусловила тесные связи мордвы с другими этносами, как на этапе ее формирования, так и в

процессе дальнейшей истории, что также способствовало возникновению специфических черт у отдельных этнотерриториальных групп мордвы. Следы этих генетических и культурных связей можно обнаружить в языке, материальной и духовной культуре мордовского народа.

Одними из наиболее древних были связи мордвы с иранскими племенами (скифами, сарматами, аланами и др.). В ее культуре прослеживаются некоторые элементы, связывающие ее с балтскими (летто-литовскими) этническими образованиями, затем – тюркскими и славянскими. Причем этнокультурные связи с тюркскими и славянскими народами, которые начались более тысячи лет назад, продолжают вплоть до настоящего времени.

Наиболее интенсивными являются мордовско-русские этнокультурные контакты. Влияние русской культуры отразилось в верованиях и обрядах, костюме, народных блюдах и напитках, в устно-поэтическом творчестве. Все это привело к тесному сближению двух народов, а также к слиянию части мордовского населения с русской нацией. Ассимиляционные процессы среди мордвы (в основном выступающие в форме обрусения) сказались на динамике ее численности. Переписи населения, начиная с 1959 года, фиксируют постоянное сокращение количества мордовского населения. Данный процесс существенным образом стимулируется исторически сложившейся в условиях Российского государства дисперсностью расселения мордвы как этнического меньшинства среди русского большинства.

Обрусение особенно заметно за пределами РМ, в мордовской диаспоре. В самой республике процесс этот протекает менее интенсивно. Численность мордвы в ней по переписи 1970 года была выше (365 тыс.), чем по переписи 1959 года (358 тыс.). Перепись 1979 года впервые показала начало уменьшения численности мордвы и в РМ: в 1979 г. – 339 тыс., в 1989 г. – 313 тыс., в 2002 г. – 284 тыс. [3, с. 269].

В этноязыковой сфере мордовского народа также наблюдается постоянный рост роли русского языка, который выступает не только в качестве средства общения с другими народами, но и как преимущественное средство общения между мокшей и эрзей. Более того, среди мордвы растет число лиц, считающих своим родным языком русский: в 1979 году по РФ их было 25,4 %, в 1989 году – 31 %, в 2002 году – 32,4 % [1].

Вместе с тем надо отметить, что мордва по-прежнему сохраняет свою самобытность во многих сферах жизнедеятельности. В ее среде, преимущественно среди сельского населения, сохраняются многие элементы национальной культуры

(особенно в духовной сфере), люди проявляют большой интерес к истории своего народа, в большинстве своем продолжают считать мордовские языки родными. Всесоюзная перепись 1989 года и всероссийская перепись 2002 года показали, что соответственно 88,5 % и 67,6 % мордвы считают родным язык своей национальности [3].

В связи с этим все актуальнее становится проблема формирования и сохранения национального самосознания мордовского народа и такого его базового феномена, как национальная идентичность. В настоящее время активно идет поиск путей укрепления идентичности, усвоения этнофорами эталонов и этнических стереотипов поведения, норм и ценностей, посредством которых должно осуществляться становление этнически обусловленного мировосприятия. Большая социальная значимость в сближении людей одной нации и их консолидации принадлежит в современном мире обрядовой сфере культуры.

Обрядность в современных условиях несет существенную этническую нагрузку. Ее стержневой основой является устойчивость и традиционность форм. Несмотря на значительную степень разрушенности и неизбежных эволюционных преобразований, обрядовая сфера сохраняет отдельные элементы весьма архаичных структур и глубинной мифологической семантики. Прослеживая изменения и инновации, происходящие с ней в различные периоды, в разных социальных средах, реконструируя ее древние пласты, можно получить наиболее полное и глубокое представление об этнической истории народа, эволюции его мировоззрения, связях с другими этносами.

Таким образом, обычаи и обряды являются своего рода хранителями исторической памяти народа. С их помощью народ воспроизводит себя, свою культуру и характер из поколения в поколение. Именно поэтому многие столетия преемственность обычаям и традициям своих предков рассматривалась людьми как один из законов жизни. Следование этим обычаям, которое предполагало, в частности, участие в различных ритуальных действиях, позволяло человеку ощущать себя не только индивидуальной личностью, но и членом определенного этнического, социального, возрастного сообщества. Это укрепляло его связь со своим народом и являлось важным фактором сохранения и развития разных форм идентичности: этнической, социальной, культурной, групповой, региональной и др.

Обрядовые церемонии способствовали приобщению к материально-духовным ценностям этноса молодого поколения. Недаром мор-

довские дети и подростки были непременными зрителями большинства ритуальных действий. При этом они усваивали накопленный социально-культурный опыт народа, включались в систему общественных отношений. Таким образом, обрядность выполняла функцию социализации новых поколений, готовя их к производственной и семейно-бытовой жизни. Перенимая опыт старших, молодое поколение активно усваивало сложившуюся систему обычаев, норм, традиций, как и все формы народной культуры: религии, языка, фольклора и др.

Все это сплачивало этнический коллектив, формировало пути его сохранения и развития. Данная функциональная составляющая обрядности представляется особенно важной для мордвы, в среде которой в условиях дисперсного расселения, активных урбанизационных и интеграционных процессов происходит девальвация ее этнического своеобразия и национального самосознания.

Признание обрядовой культуры важнейшим фактором консолидации и самоидентификации мордовского этноса свойственно в настоящее время как рядовым представителям мордвы, так и ее активу. Это связано прежде всего с тем, что у многих представителей мордовской национальности передача знаний об истории и культуре своего народа, а также общение с соплеменниками часто происходит именно в дни коллективных празднеств.

Как показывают результаты опроса, проведенного в 2005–2008 гг. в рамках Финляндско-Российского проекта «О положении финно-угорских народов Российской Федерации», мордовские респонденты, проживающие в различных регионах Урало-Поволжья (Республиках Мордовия, Чувашия, Татария, Башкирия, а также Ульяновской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Оренбургской областях) называют обычаи и обряды одним из основных этнообразующих признаков наряду с чувством общности происхождения, исторической судьбой и родным языком. Именно обрядность в качестве основного элемента национального идентитета назвали 33 % опрошенных студентов-мордвинков, 34,4 % сельской мордвы, 48,6 % активистов мордовского национального движения [3, с. 115].

Осознавая важность обрядов и праздников в формировании разнообразных признаков этнической идентичности, активные представители различных слоев мордовского народа, в том числе и деятели национального движения, с середины 1980-х гг. стали популяризировать их, пытаться придать им былое социальное и этнокультурное значение.

Наиболее подходящим для процессов конструирования различных элементов идентичности был признан праздник Троицы. Данный выбор был продиктован по нескольким причинам. Празднование Троицы до последнего времени сохраняет в мордовских селах большую известность и массовость. Это связано с тем, что сроки ее проведения приходятся на летнее время, когда в свои родные места начинают съезжаться люди из различных регионов: возвращается на каникулы учащаяся молодежь, прибывают отпускники и т. д. Кроме того, Троица традиционно является многоплановым праздником, который объединяет в себе как ритуальные моменты, причем довольно архаичные, так и собственно зрелищно-развлекательные.

Эмоциональная составляющая зрелищно-игровых моментов троичской обрядности традиционно привлекала большое количество людей и способствовала усвоению ими социокультурного опыта этноса. Одними из первых данную ситуацию в интересах национально-культурного возрождения народа решили использовать активисты движения «Эрзянь мастор» («Эрзянская земля»), основанного в декабре 1992 года. Его руководители с 1994 г. инициировали проведение на Троицкой неделе в ряде сел Республики Мордовия, Ульяновской, Оренбургской и Нижегородской областей молений (озксов) дохристианским мордовским богам и предкам с жертвоприношениями быков, баранов и овец.

Первоначальной целью этих обрядов была пропаганда традиционных дохристианских верований, которые, по мнению ряда активистов «Эрзянь мастор», Фонда спасения эрзянского языка и Ассоциации эрзянских женщин «Эрзява», должны были способствовать упрочению этнической консолидации эрзи [2]. С 1999 г. они инициировали проведение единого национального праздника эрзян, получившего название Раськенъ Озкс (Родовое Моление). Этот праздник стал позиционироваться не как простое моление древним богам и предкам, а как ритуал, призванный объединить эрзянский народ, укрепить его национальный идентитет. Местом его проведения было выбран древний эрзянский курган близ с. Чукалы Большеигнатовского района Мордовии, где до 1629 г. проводились общеэрзянские моления предкам.

Структура данного праздника содержит культовые церемонии, которые являются отголосками прежних традиций мордвы. Это, например, ритуал зажжения большой родовой свечи Раськенъ Штатол. Также проводится моление Богу – Творцу Инешкипазу с просьбой даровать мир и благополучие всему эрзянскому

народу. Важной составной частью Раськенъ Озкс является и его развлекательно-спортивный компонент. В него входят конкурс «Руця», во время которого выбирается лучший национальный костюм, выступления фольклорных коллективов, а также турнир по мордовским национальным видам спорта Тюштянь налксемат («Игры Тюшти»).

В Zubovo-Polyanskom районе именно спортивные состязания стали основой праздника Акша Келу (Белая береза), который проводится на Троицу. В 1983 г. по инициативе районной администрации ему был придан статус культурно-спортивного. Акша келу по сути стал праздником землячества – на него приезжают те люди, которые родились на зубовополянской земле, кто когда-то здесь работал. Спортивная программа праздника постепенно расширяется, в нее сейчас входят не только состязания по национальной борьбе, но и по армрестлингу, гиревому спорту, боксу и самбо. Также как и на Раськенъ Озкс спортивные состязания дополняются выступлениями самодеятельных и профессиональных артистов.

Троицкие праздники проводятся и в других местах проживания мордвы. В одних поселениях традиционно устраиваются карнавальные шествия с наряженной березой, как, например, в некоторых районах Пензенской и Самарской областей. Во многих районах Мордовии на Троицу организуются национально-фольклорные праздники села – Велень озкс. Но несмотря на разнообразие форм проведения данного праздника, он привлекает людей своей массовостью, зрелищностью, возможностью каждого человека независимо от возраста повеселиться, показать свои способности в плясках, хоровах, песнях, борцовских или кулачных поединках, в различных играх и забавах. Всё это делает данные праздники своеобразными этническими символами, факторами, способствующими не только сохранению определенных народных традиций, но и их обновлению и дальнейшему развитию. Таким образом, обрядность становится символом единения людей одной национальности, их сопричастности со своим народом.

Данная тенденция была поддержана и государственными структурами. В 2004 г. Глава Республики Мордовия Николай Меркушкин объявил Раськенъ Озкс и Акша Келу национальными праздниками республиканского значения. На их проведение выделяются средства из республиканского бюджета, в церемонии их проведения участвуют представители государственных структур, профессиональные коллективы.

Список использованных источников

1. Национальный состав, владение языками, гражданство // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : в 14 т. – Т. 4. – Кн. 1. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2004.
2. Кемайкина Р. С. (Маризь Кемаль). Эрзянское язычество / Р. С. Кемайкина // Эрзянь мастор : сб. ст. /

сост. Н. И. Аношкин. – Лукоянов, 1994. – С. 56–63; Четвергов, Е. В. Христос как аволь минек пазось! [Христос – не наш бог!] / Е. В. Четвергов // Эрзянь правда. – 15 авг. 1992.

3. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. А. К. Конюхов. – Сыктывкар, 2008. – 272 с.

Поступила 04.04.2011 г.

УДК 94 : 271.2 (=511.152)
ББК 63.3 (2Р–6Мо)

В. В. Мирошкин
V. V. Miroshkin

**«БЫТОВОЕ» ПРАВОСЛАВИЕ МОРДВЫ
КАК ЭЛЕМЕНТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА***

**“DOMESTIC” ORTHODOXY AS AN ELEMENT OF THE MORDVA
ETHNIC IDENTITY IN THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY**

Статья посвящена изучению исторического аспекта феномена «бытового» православия мордвы как элемента духовной культуры, тесно связанного с традиционно-обрядовой сферой и являющегося одним из ключевых факторов этнической идентификации народа в первой трети XX в. Особое внимание уделено вопросам трансформации религиозных воззрений в мордовской общинной среде в ходе советской модернизации общественной жизни в 20–30-е годы XX в., а также анализу отношения мордовского крестьянства к проводимым властью мероприятиям в области религии.

Ключевые слова: этничность, идентичность, мордовская община, крестьянство, православие, модернизация.

The article is devoted to the study of the historical aspect of the phenomenon of “domestic” Orthodoxy of the Mordvins as an element of spiritual culture, which is closely associated with the traditional ceremonial area and is one of the key factors of ethnic identification of the people in the first third of the 20th century. Special attention is paid to the transformation of religious views in the Mordvin community environment in the course of soviet modernization of public life in the 20–30th years of XX century., as well as the analysis of the relationship of the Mordovian peasantry to the ongoing government activities in the field of religion.

Key words: ethnicity, identity, Mordvin community, peasantry, Orthodoxy, modernization.

В современном многополярном мире вопросы, связанные с проблемами формирования и проявления этнической идентичности приобретают особую остроту на фоне активно протекающих процессов глобализации и модернизационной интеграции. При этом под этнической идентичностью зачастую понимается общая система представлений о составляющих этнокультурного мира, интегрирующих индивида с этнической общностью [13, с. 97–98]. Одним из важнейших

элементов данной системы, наряду с родным языком, общностью территории и исторической судьбы, осознанием общности происхождения и культуры и т. п., выступает религия.

Исследования показывают, что вероисповедание как элемент духовной культуры, тесно связанный с традиционно-обрядовой сферой, находится у мордвы среди ключевых факторов этнической идентификации [1, с. 3; 3]. Между тем ряд исторических аспектов проблемы, способствующих объективному анализу современных проблем этнизации, требует дальнейшего изучения.

В рамках данной статьи предпринята попытка проанализировать «бытовое» православие

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., проект «Культурный диалог в полиэтничном пространстве» (№ П565).

мордвы как элемент этнической идентичности в первой трети XX века, проследить процессы его трансформации в 1920–30-е гг.

К началу XX в. мордва считалась народом православным. Она действительно любила отмечать те же религиозные праздники, что и русские – Рождество Христово, Пасху, Троицу [6, с. 67]. Согласно датам религиозного календаря велось исчисление времени, определялись сроки полевых работ и т. п. Православное христианство оказывало регламентирующее влияние на формы и содержание свободного времяпровождения. Так, в течение года мордвин отмечал двенадцать двенадцатых календарных праздников, посвященных Христу, Троице и Богородице; пять великих праздников; четыре многодневных поста и множество праздников, посвященных прославлению святых. В особую группу входили престольные праздники, приуроченные к событиям священной истории и отдельным евангельским персонажам. Исследователи отмечают, что христианские праздники мордовские землепашцы отмечали с национальным колоритом [2, с. 69–72].

В то же время, хотя мордва официально и числилась паствой Русской православной церкви, мировоззрение этноса в начале XX в. было по существу дуалистично: христианские ценности покоились на языческих взглядах на окружающий мир. Религиозная жизнь мордовского крестьянина характеризовалась синкретизмом дохристианских и христианских верований и обрядов. При этом он не видел противоречия в посещении православного храма и участием в традиционных языческих обрядах, молениях. Последние в его жизни были так же значимы (если даже не более), как и церковные праздники. Так, в системе внутриобщинных взаимосвязей мордвы важное место занимали коллективные моления – озкст. Во многом это было связано с тем, что они были тесно связаны с проведением различных сельскохозяйственных работ. Как правило, коллективные моления проводились всем «миром» по случаю предотвращения стихийных бедствий (засухи, падения скота), начала или завершения земледельческих работ и т. п. и сопровождалось религиозно-магическими обрядами. Например, перед весенним севом, а иногда и после него устраивалось «кереть озкст» («моление плуга»). Аналогичные праздники имелись и у других земледельческих народов. Например, у марийцев он назывался «ага-пайрам», у удмуртов – «ага-яшки». Перед началом коллективных молений в каждом доме готовилась всевозможная мордовская еда и ритуальные напитки. В день их проведения всякая работа прекращалась, взрослые и дети облачались в праздничную национальную

одежду. Проводимые общиной моления и обряды способствовали этнической интеграции ее членов, осуществляли функции социального контроля и социальной памяти, корректировали сознание и направляли проявление чувств, настроений в определенное русло. По словам информаторов, во время озкст «все обиды забывались, и ощущалось всеобщее единство», «охватывало чувство радости и веселья от торжественности происходящего вокруг» [10].

Советская модернизация общества не оставляла места для религии. Со своими устоявшимися догмами она являлась альтернативной силой, способной побороться за право воздействовать на общественное сознание. Обещавшая рай после смерти, религия препятствовала скорому наступлению всеобщего равенства, братства и счастья на земле – отсюда послереволюционные гонения на церковь.

В этих условиях переживает трансформацию «бытовое» православие мордовских крестьян. Православные ценности и догматы воспринимались не как идеологические доктрины, а скорее как определенный порядок решения насущных проблем. Отношение к самой церкви становилось ситуационным, поступки и решения часто диктовались практическими соображениями. Например, церковную, монастырскую землю и имущество переделить в интересах общества не считалось зазорным ни среди мордвы, ни среди русских [12, с. 191–192, 216].

Однако разрушение церквей, колоколен вызывало, как правило, отрицательную оценку. Так, в селе Теньгушево в июне 1928 г. местные власти решили сломать церковную сторожку и рядом с церковью построить клуб и здание ВИК. Всем миром крестьяне выступили против этого решения [4, с. 267]. Негативная реакция на уничтожение культовых сооружений объясняется тем, что они в сознании народа ассоциировались с духовным наследием предков. Сама православная традиция так переплелась с языческими корнями, что воспринималась в качестве веры, доставшейся от отцов и дедов. Именно это придавало ей в глазах мордовского крестьянства святость. Данный факт находит свое подтверждение в оправлении культовых действ. Так, согласно собранным полевым материалам, многие молитвы исполнялись на мотив языческих молений и народных песен. Зачастую это происходило механически, без осмысления сказанного. Например, на Пасху в ответ на: «Христос воскрес!» вместо: «Воистину воскрес!» можно было услышать: «Воинственный воскрес!». В личности Христа у мордвы смешались черты самого Иисуса, Николая Чудотворца и верховного мордовского божества

Нишке. По свидетельству информаторов, не всегда даже знали, кто такой Иисус Христос, и называли его «Исхристос».

Таким образом, в православии для мордвы была важна церемониальная сторона, то есть соблюдение обрядов, обычаев, ритуалов, с помощью которых осуществлялась связь и поддерживалась преемственность поколений, шли процессы этнизации. В ходе общественной модернизации затрагивалась не столько сфера крестьянских верований, сколько моральные императивы, определяющие многое из того, что можно и чего нельзя делать. Аналогичную позицию по «религиозному» вопросу занимали представители других этносов, например, удмурты, которые отличались еще меньшей приверженностью к православию [9, с. 128–130].

Еще одной причиной, по которой разрушение церквей вызывало болезненную реакцию у крестьян, было то, что культовые здания нередко строились на мирские деньги. Поэтому их слом рассматривался как покушение на общинную собственность: «Строили, значит, всем селом, а ломать так вчетвером» [11]. Общественное мнение решительно осуждало участников церковных погромов. Как правило, они были из чужаков. Если же кто-либо из местных «брал грех на душу», то это были люди, обладающие репутацией пьяниц, бездельников, лентяев, уже не боящихся покрыть свое имя подобным позором. Воспоминания о них до сих пор сохранились в памяти односельчан. Так, в с. Польское Цыбаево Темниковского уезда сбросить колокол с колокольни осмелился только один крестьянин, за что и заслужил всеобщее презрение.

Отношение к преследованию клира было неоднозначным. С одной стороны, мордва не питала к ним особой благосклонности. Это обстоятельство имело под собой глубокие исторические корни. Настороженность по отношению к священнослужителям восходит у мордвы ко времени ее христианизации. Последовавшие за насаждением православия притеснение языческих обычаев и традиций, поборы в пользу церкви, произвол духовных отцов также не способствовали укреплению доверия у паствы. Поведение отдельных священнослужителей, призванных заботиться о душе, но погрязших в мирских делах, обуреваемых теми же страстями, что и простые люди, однако уверовавших в спасение в силу своей принадлежности к святому сану, вызывало неприятие у крестьянства. Это ярко видно из произведений устного народного творчества. Так, в сказках «Батрак Фока и поп», «Быки провалились», «Черт в амбаре», «Ивановы шутки», «Поп и купеческая дочь» высмеиваются поповская жадность, глупость, трусость и сладострастие [7, с. 324–327,

369–370, 332–340, 358–366]. Нередко священнослужители предстают плутами, мошенниками и ворами. Например, в сказках «Говорящие» иконы» и «Обедня» [Там же, с. 329–331, 341–342]. В мордовском фольклоре имеется также широкий пласт пословиц и поговорок, обличающих праздную жизнь клириков и осуждающих их пороки: «Аньцек кие шачи – «Вай, вай!», а попсь – «дай, дай!»» (мокш.) – «Ребенок родится – «ай, ай!», а попу – «дай, дай!»»; «Попонь сельме миронди аф топафтови (мера аф содай)» (мокш.), «Попонь сельмесь а пештяви» (эрз.) – «Поповские глаза миром не насытишь»; «Ярмакфтома попсь аф калматанза, а ярмакта – живстовок» (мокш.), «Ярмактомо попось, а калматанзат, ярмак лангс – живстэяк» (эрз.) – «Без денег поп не похоронит, а за деньги – хоть живым»; «Врьгазда/ворда/пельхть веть, а попта – шитенге» (мокш.), «Вордо пелемс сави веть, попто – читькак» (эрз.) – «Вора/волка/ бойся ночью, а попа – и днем»; «Шкайти аньцек валхт, а попти – ярмакт и алхт» (мокш.) – «Богу только словечки, а попу – деньги и яички»; «Эряй, кода поп» (мокш.), «Эри, кода поп» (эрз.) – «Живет, как поп» [8, с. 229–230, 238].

В советское время подобное отношение к церковнослужителям со стороны крестьян также встречалось. Оно было особенно заметным в те моменты, когда их интересы пересекались. Так, на сходе крестьян села Старые Пичеуры поднимался такой вопрос: «Принимались ли меры с попом об уплате налогов?» [16, л. 36]. Общинники села Старое Синдрово признали сельского священника Боголюбова и псаломщика, наряду с купцом, мельниками, лесопромышленником, «настоящими буржуями», на которых и должна лечь вся тяжесть уплаты чрезвычайного революционного налога [15, л. 120]. В селе Рыбкино в числе лиц, кому «жить привольно», также оказались клирики: дьякон Тихомиров и поп Спасский. Так, дьякон имел «просторный пятистенный дом,... хороший сад – бывший церковный, над которым... не трудился», поэтому его «надо вырвать из Рыбкина с корнем, избавить молодежь от разврата, наложить на... доходные статьи усиленный налог» [14, л. 17–18]. Аналогичная ситуация складывалась и в другом мордовском селе – Зайцево, где «поп Музыкантов совсем не желает платить налогов, свое имущество припрятал... у своих родственников, а еще совсем молодой – зарабатывает легкой работой: морочит зайцевских мордвов» [Там же, л. 18 об.].

С другой стороны, священники, страдающие из-за произвола властей, встречали у мордовских крестьян понимание и сочувствие. Отсюда вопросы типа: «Почему много налогов на попов?», защита батюшек со стороны общинников при аресте [17, л. 27].

В рассматриваемый период была жива и традиция помощи «божьим людям»: блаженным, нищим, калекам. Это видно из материалов, поступавших в правоохранительные органы, органы ОГПУ. Так, в селе Рыбкино «поповскому лакею» «блаженному» Яшке, «который зимой ходит босиком, носит монашескую одежду», мордовки несли «холст, пшено и прочее» [14, л. 18].

Новый образ жизни подразумевал внедрение в сознание крестьянства новых мировоззренческих установок и разрушение привычных стереотипов и норм поведения. В число памятных дат попали 7 ноября, 1 Мая, Международный женский день и т. п. Они должны были войти в жизнь каждого крестьянина и обрести всенародное признание, но принесли с собой трансформации в обрядовой сфере. Эти изменения носили преимущественно внешний характер. Например, вместо крестин родители, держа над головой красное знамя, троекратно обходили вокруг села. Как показывает собранный полевой материал, особого неприятия со стороны мордвы подобные мероприятия не вызывали.

Тем не менее новые порядки в мордовских селах приживались медленно. Это особенно хорошо видно, когда крестьяне становились перед дилеммой: какой праздник и как отмечать. Так, по воспоминаниям информаторов, жители села Левжа вместо того чтобы отправиться на Первомайский митинг, «вынесли из домов иконы и двинулись крестным ходом по селу» [11]. Власти видели в подобных фактах подтверждение крестьянской «темноты» и активно проводили политику просвещения [5]. Однако в крестьянском сознании альтернативы традициям предков, веками выполнявшим функции этнизации, зачастую просто не существовало. По словам респондентов, «революционный праздник отмечался только, если на него в село приезжал какой-нибудь уполномоченный» [11].

В. А. Балашов указывал на то, что «... компания по внедрению общественных праздников и обрядов... носила ярко выраженный разрушительный характер» [2, с. 226]. Разделяя утверждение исследователя, заметим, что традиционные механизмы этнизации, опирающиеся на религиозные императивы, у мордвы от революционных преобразований пострадали, но насаждение революционных праздников и обрядности привели к изменениям, носившим преимущественно внешний характер (смена названий, имен, атрибутики и т. п.). Общинное сознание в основной массе мордовского крестьянства, являясь хранителем и маркером этнической идентичности, ори-

ентировало на следование традиционным порядкам. Основным принцип бытовой религиозности мордвы – практическая целесообразность остается определяющим фактором народной жизни.

Список использованных источников

1. Абрамова, О. В. Этническая идентичность и ее проявление в среде мордовского населения (по данным опросов 2005–2007 гг.) / О. В. Абрамова // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9–11 дек. 2008 г.) / под ред. Н. Ф. Беляевой. – Саранск, 2008. – С. 3–5.
2. Балашов, В. А. Бытовая культура мордвы: традиции и современность / В. А. Балашов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1991. – 256 с.
3. Беляева, Н. Ф. Этническая культура в процессах этнической идентификации и культурного диалога [Электронный ресурс] / Н. Ф. Беляева. – 2010. – № 2. – С. 245–256.
4. Еферица, Т. В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в.) : дис. ... канд. ист. наук / Т. В. Еферица. – Саранск, 1995. – 313 с.
5. Мирошкин, В. В. К вопросу об отношении мордовского общинного крестьянства к политике просвещения 1920-х годов / В. В. Мирошкин // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1. – С. 85–88.
6. Мирошкин, В. В. Роль общинных традиций в формировании модели конструктивного межкультурного дискурса / В. В. Мирошкин // Российский научный журнал. – 2010. – № 5. – С. 63–69.
7. Мордовские народные сказки / под ред. Н. М. Мирской. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1984. – 400 с.
8. Мордовские поговорки, пословицы и присловицы / под ред. К. Т. Самородова. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1986. – 280 с.
9. Никитина, Г. А. Удмуртская община в советский период (1917 – нач. 30-х гг.) / Г. А. Никитина. – Ижевск : УИИЯЛ УРОРАН, 1998. – 225 с.
10. Полевые материалы автора. Кочкуровский район, 2005; Ковылкинский район, 2006.
11. Полевые материалы автора. Рузаевский район, 2004.
12. Установление Советской власти в Мордовии: документы и материалы. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1957. – 392 с.
13. Хотинец, В. Ю. Этническое самосознание / В. Ю. Хотинец. – СПб. : Алетей, 2000. – 240 с.
14. ЦГА РМ. – 1-П. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 278.
15. ЦГА РМ. – 1-П. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 5.
16. ЦГА РМ. – 1-П. – Ф. 653. – Оп. 1. – Д. 66.
17. ЦГА РМ. – 1-П. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 533.

Поступила 01.09.2011 г.

УДК 94 : 351.74 (470.4)

ББК 63.3 (2) 63

С. А. Федун

S. A. Fedin

**ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ХИЩЕНИЯМ ХЛЕБА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х ГОДОВ**

**FROM THE HISTORY OF ACTIVITY OF LAW ENFORCEMENT
OF THE LOWER VOLGA COUNTERING THEFT OF BREAD
IN THE SECOND HALF OF THE 1940S**

В условиях голода 1946–1947 годов увеличилось число краж муки, зерна, хлеба как в городе, так и в деревне. В статье на материалах архивов раскрываются формы и методы борьбы правоохранительных органов Нижнего Поволжья с этими преступлениями.

Ключевые слова: система «Заготзерно», хищение хлеба, фиктивные документы, уголовная ответственность.

In the famine of 1946–1947 the number of thefts of flour, grain, bread increased both in the city and in the country. Based on the archives materials the article reveals forms and methods of law enforcement agencies of the lower Volga region to combat those crimes.

Key words: «Zagotzerno» system, theft of bread, false documents, criminal liability.

Глубокое реформирование правоохранительной системы России делает актуальным изучение опыта работы силовых структур в сложные периоды отечественной истории. Это необходимо как с точки зрения понимания факторов, предопределяющих рост преступности, так и организации борьбы с ней. Таким периодом, в частности, являются голодные послевоенные годы. К проблеме голода 1946–1947 гг. обращались многие историки. Однако фундаментальным трудом можно назвать монографию В. Ф. Зимы [10]. В этой работе проводится анализ причин и последствий голода для советского общества. Довольно подробно В. Ф. Зима анализирует криминальные последствия обострившейся продовольственной проблемы. Непосредственно экономической, в том числе и «хлебной» преступности посвящена докторская диссертация С. В. Богданова [4]. Основываясь на большом фактическом материале, он делает вывод о том, что запрет на торговлю хлебом неизбежно порождал взлет цен на колхозных рынках и рост спекуляции. Разного рода спекулятивные элементы входили в сговор с руководителями колхозов и сбывали колхозную продукцию при помощи ловких схем. Другие скупали по низким ценам зерно и муку у колхозников, нуждавшихся в деньгах для уплаты налогов, и из более-менее благополучных районов вывозили на продажу в голодные местности.

Историками глубоко и полно исследованы причины и масштабы голода, а главное – социальные и криминальные последствия. Однако деятельность органов правопорядка Нижнего Поволжья во время голода второй половины 1940-х годов в отдельных работах еще не рассматривалась. Настоящая статья является попыткой осмысления данной проблематики, что делает ее актуальной и в научном, и в практическом плане.

Во второй половине 1946 года Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли два постановления по улучшению охраны хлеба: от 27 июня «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи» и от 25 октября «Об обеспечении сохранности государственного хлеба». В соответствии с ними правоохранительным органам вменялось в обязанность обеспечить сохранность и неприкосновенность государственного хлеба, что неизбежно влекло применение крайних мер [5].

Выполняя указанные постановления, по всей стране осенью 1946 г. за хищение хлеба было осуждено более 53 300 человек, из них 36 700 человек (68 %) приговорены к лишению свободы. При этом по Закону от 7 августа 1932 года осудили 1 146 человек, в том числе 35 человек получили высшую меру наказания – расстрел [6].

В Астраханской области только в третьем квартале 1946 года за хищение зерна в колхозах,

совхозах и на пунктах «Заготзерно» было возбуждено 226 уголовных дел (это составляет 66 % от общего числа расследованных уголовных дел), по ним привлечен 391 человек. У расхитителей изъято 23 905 кг зерна [3, д. 1, л. 40].

В газете «Волга», органе Астраханского обкома, горкома ВКП(б), обл- и горсовета, до второй половины 1946 года о голоде не было помещено ни одного сообщения. И только со второй половины 1946 года по всем документам обкома ВКП(б) стала прослеживаться проблема вывоза хлеба из дальних заготовительных пунктов, обеспечения сохранности привозного хлеба.

В отчете секретаря Астраханского обкома ВКП(б) Муратова секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову от 13 ноября 1945 года о выполнении Постановления ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1945 года «О мерах по охране и сохранности государственного хлеба на заготовительных пунктах, предприятиях Наркомзага, базах ГУГМР и приемных пунктах Потребкооперации» отмечалось, что по колхозам семян яровых было засыпано всего 25 587 центнеров, а потребность в них (по плану ярового сева 1945 года) составила 38 266 центнеров. Таким образом, недостача составила 12 679 центнеров, или 33 % от необходимого [8, д. 3, л. 4]. А из письма от 19.07.1946 г. № 8/123 Муратова министру заготовок СССР Двинскому следовало, что «население г. Астрахани и Астраханской области обеспечено хлебом, главным образом, за счет его привоза из других областей и краев, что составляет вместе с крупяными и фуражными культурами более 170 тыс. тонн, и только 12 тыс. тонн заготавливается внутри области» [8, д. 3, л. 281].

Постоянный недостаток горюче-смазочных материалов, запасных частей для ремонта техники привел к срыву хлебозаготовок. Осенью 1946 года в Астрахань на имя председателя облисполкома Быхова пришла телеграмма Совета Министров СССР, в которой выражалось беспокойство по поводу резкого снижения сдачи хлеба государству, начиная со второй пятнадцатки ноября 1946 года. Такое положение квалифицировалось как «свертывание хлебозаготовок». Следовательно, необходимо было «судить укрывателей хлеба, воров и расхитителей» [8, д. 24, л. 124].

Приказы вышестоящих инстанций, особенно в части карательных мер, выполнялись незамедлительно. За 1946 и I полугодие 1947 года у расхитителей было изъято 44 178 кг хлеба и хлебопродуктов [3, д. 2, л. 33, 76, 116, д. 3, л. 38]. Судами за 4 квартал 1946 года рассмотрено 93 уголовных дела, связанных

с хищением хлеба из системы «Заготзерно». Общий размер изъятого хлеба 5 591 кг [8, д. 51, л. 319].

Подобные результаты были возможны благодаря проведению ряда гласных и негласных мероприятий, позволивших органам милиции нанести весьма ощутимые удары по расхитителям хлеба.

К этим мероприятиям относились регулярные проверки состояния хранения хлебопродуктов на базах и складах «Заготзерно», мельницах, а также весовых хозяйств и лабораторий этих объектов; строгий учет и контроль над движением хлеба в заготовительных пунктах; контроль над весовым хозяйством; проверки использования автотранспорта по назначению (перевозка зерна); выборочная сверка веса по накладным глубинных пунктов на отправленное зерно с весом заприходованного зерна на линейных пунктах; выявление фактов несвоевременной передачи материалов в следственные органы о недостатках зерна; контроль погрузо-разгрузочных работ, расчистки дорог, по которым вывозилось зерно; усиленная проверка материально ответственных лиц и сторожевой охраны; удаление лиц, не внушавших доверие и ранее судимых за хищения; выставление секретных постов [6].

По материалам прокуратуры и суда за злоупотребления и хищения только в 9 колхозах Астраханской области было привлечено к уголовной ответственности 33 руководителя [9, д. 80, л. 12].

Например, в колхозе «VIII съезд Советов» Владимирского района Астраханской области ликвидирована группа из 5 человек, во главе с уполномоченным по вывозу зерна из колхоза на пункт «Заготзерно» станции Ахтуба Чеботаревым. Следствием установлено, что Чеботарев при отправке зерна с тока подделывал документы, уменьшая в накладных вес отправленного зерна. Во время перевозки подельники сбрасывали с машины мешки с зерном, скрывали их в степи, а затем похищенное делили и развозили по домам. Всего участниками группы было похищено 15 центнеров зерна. Виновные осуждены на 10 лет лишения свободы каждый, а изъятое зерно возвращено колхозу [11, д. 1, л. 41].

Цифры, свидетельствующие о возвращенном государству хлебе, безусловно, хорошие, и правоохранительные органы поработали неплохо. Но архивы располагают и другими примерами. Так, в фонде Астраханского обкома ВКП(б) есть целый ряд документов, которые, во-первых, свидетельствуют о поступлении хлеба в область, а во-вторых, о неумении или

неспособности обратить этот хлеб во благо населения. В решениях обкома постоянно говорилось о том, что хлеб лежал под открытым небом, перегревался и гнил. Так, в постановлении бюро обкома от 18.12.1946 г. констатировалось, что на 10 декабря 48 000 тонн хлеба продолжало оставаться невывезенными с глубинных пунктов. Примерно 2 600 тонн зерна продолжало храниться на железнодорожной станции Астрахань-1 под навесом, а прибывшие 17 декабря 1 000 тонн зерна выгружены на землю [8, д. 52, л. 235]. Однако этими нарушениями сохранности хлеба не заинтересовались ни милиция, ни прокуратура.

Требование партийных и советских органов выполнения плана поставок хлеба государству любой ценой порождало новые методы преступной деятельности. Так, УНКВД Астраханской области и областной прокуратурой в системе «Заготзерно» была выявлена группа, состоявшая из кладовщиков, лаборантов и бухгалтеров, имевшая широкую сеть посредников, через которых осуществлялась связь с колхозами и проводилась продажа и купля приемных и хлебных квитанций без сдачи хлеба. Следствие установило, что отдельные председатели колхозов, не выполнившие план поставок хлеба государству, стали приобретать фиктивные приемные квитанции на сдачу зерна.

Случаи покупки приемных квитанций без сдачи хлеба у кладовщиков «Заготзерно» имели место в 18 колхозах Приволжского, Зеленгинского, Марфинского, Красноярского и Икрянинского районах Астраханской области на 38 511 кг, за что было уплачено 367 040 рублей, а продажа квитанций носила организованный характер.

Например, председатель колхоза им. 1 Мая Приволжского района Садритденов вместе с уполномоченным Кузахметовым купил за 19 800 рублей у заведующего складом № 21 «Заготзерно» Аненкова квитанции о сдаче 2 380 кг зерна. Затем еще на 1 550 кг зерна за 12 400 рублей. И еще квитанцию о сдаче 1 025 кг проса за 10 000 рублей.

Преступная сеть расширялась. Спрос рождал предложения. Трудностями председателей колхозов, поставленных партийным руководством районов практически в безвыходное положение, поспешили воспользоваться «предприимчивые люди». При посредничестве Кузахметова фиктивную квитанцию о сдаче хлеба государству на 1 тонну приобрел у Аненкова за 8 000 рублей колхоз с. Курченко. Председатель колхоза «Ударник Чуркин» договорился с Аненковым о покупке квитанции на 3 тонны,

но в связи с арестом Аненкова эта сделка не состоялась. Всего по двум колхозам Приволжского района куплено фиктивных квитанций на 5 960 кг, за что уплачено 50 200 рублей [9, д. 80, л. 79].

Аналогичные ситуации были и в других колхозах. Председатель колхоза им. Нариманова Марфинского района Джуркин, купивший квитанцию о сдаче 1 225 кг зерна за 11 700 рублей, на допросе показал: «22 августа на совещании секретарь РК ВКП(б) Бычков и председатель райисполкома Нурмуратов заявили мне и другим председателям колхозов, где хотите берите зерно, а хлебопоставку выполняйте. Я и другие председатели колхозов просили разрешить продать скот на приобретение зерна. Бычков на это заявил, что это не его дело, что хотите, а зерно сдавайте» [9, д. 80, л. 81]. Подобные показания о секретаре райкома Бычкове давали и другие председатели.

Всего по колхозам Марфинского района куплено квитанций на 9 300 кг за 60 500 рублей; по Зеленгинскому району на приобретение квитанций израсходовано свыше 250 000 рублей [9, д. 27, л. 49].

Где же руководители колхозов брали средства на покупку фиктивных квитанций? Председатель колхоза «Знамя коммунизма» Мендбеков продал на рынке в Астрахани корову за 10 500 рублей и на эти деньги купил у посредника Капкаева квитанцию на 850 кг зерна. Бухгалтер колхоза им. Сталина Джантуриев продал три коровы. На эти деньги у того же Капкаева приобрел квитанцию на 1 450 кг за 15 950 рублей и т. д. [9, д. 80, л. 130–131].

Арестованные по данному делу показывали, что продававшиеся квитанции проходили все стадии оформления: кладовщиком выдавался амбарный отвесной ордер на якобы принятый складом «Заготзерно» хлеб; лаборантами выписывалась фиктивная анализная карточка и анализ-ордер и на основании этих «документов» бухгалтерией реалбазы «Заготзерно» выписывались приемные квитанции колхозам.

Следственными органами были арестованы 11 человек, среди них заведующие складами «Заготзерно» Аненков, Борисов, Серябов, Ткаченко, один бухгалтер и шесть посредников. Привлечены к уголовной ответственности Садритденов, который не только покупал квитанции для своего колхоза, но и выступал посредником, Капкаев был и посредником, и главным организатором. Его квартира была центром встреч и оформления сделок между посредниками и председателями колхозов или их представителями. Секретари райкомов партии

Калюжный, Бычков, Альтман, знавшие о том, что колхозы привозят фиктивные квитанции о сдаче зерна и попустительствовавшие этому, были исключены из партии и отданы под суд.

Борьба с расхитителями зерна продолжалась. В феврале 1947 г. состоялся Пленум ЦК ВКП(б), обсудивший вопрос о мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период. Намечая задачи, вытекавшие из решений Пленума, МВД СССР издало следующие директивные указания: от 13 марта 1947 г. «Об усилении борьбы с хищениями семян, горючего и разбазариванием запасных частей к машинам в период подготовки и проведения весеннего сева»; от 4 августа 1947 г. «О мероприятиях по усилению борьбы с расхищением и разбазариванием хлеба»; от 9 октября 1947 г. «О мероприятиях по обеспечению сушки сырого и влажного зерна и сохранности хлеба» [11].

Все эти нормативные документы давали возможность правоохранительным органам Нижнего Поволжья противодействовать расхитителям хлеба. Только за второе полугодие 1947 года в Астраханской области было изъято у преступников 20 848 кг хлеба [3, д. 3, л. 79]. Оперативный состав направлял деятельность агентурного аппарата на выявление фактов хищения зерна в колхозах и заготовительных организациях в период уборки урожая и хлебозаготовок. Особенно активно работали милиционеры Степновского района Астраханской области. Например, в колхозе им. Ленина с помощью агентуры обезврежена группа во главе с бригадиром полеводческой бригады. По делу осуждено 14 человек. При обыске изъято 813 кг похищенного зерна [3, д. 1, л. 66]. Арестована группа, возглавлявшаяся завскладом «Заготзерно» Усковым. Преступники похитили из склада 1 280 кг зерна и сбыли его приемщику краденого Мусалову за 40 000 рублей. По делу арестованы весовщик Будникова, завскладом Усков, шоферы Литвинов, Калинин, проводница Желтоуринова и Мусалов [3, л. 3, д. 6]. Оперуполномоченной Савченко в результате реализации агентурного дела была арестована группа из 5 человек, которую возглавлял директор «Заготзерно» района Полухин [12].

В этот период почти третья часть всех хищений зерна была совершена женщинами. Да и в целом общество, вышедшее из войны, было преимущественно женским: если до войны в 1940 году соотношение женщин и мужчин в колхозах было примерно 1 : 1, то в 1945 году – 2,7 : 1 [1].

В ночь на 30 июня 1945 года постовым милиционером 4 отделения милиции г. Сталинграда

были задержаны гражданки Комарова и Морозова, совершившие кражу зерна у И. Г. Дусиной, проживавшей в блиндаже № 58 на металлоплощадке [2]. Арестованы сторожа колхоза им. Сталина Капустиноярского района Макухина и Зубричева, которые систематически похищали зерно с охраняемого ими тока. При аресте у Макухиной изъято 299 кг, а у Зубричевой – 63 кг зерна. Женщины в хищении признались. Зерно возвращено колхозу [3, д. 3, л. 71].

В этом же колхозе жена заместителя председателя колхоза Бондаренко собирала падающее из-под комбайна зерно и прятала его в соломе, а ночью, вместе с колхозницей Будариной, приносила зерно домой. Во время обыска у Бондаренко обнаружено 70 кг, у Будариной – 77 кг зерна. Женщины осуждены [3, д. 3, л. 76]. В колхозе им. Молотова Енотаевского района агроном Белинская при объезде колхозного тока, воспользовавшись отсутствием сторожа, похитила 82 кг зерна, которое привезла домой. При обыске зерно было изъято, а Белинская привлечена к уголовной ответственности [13, д. 16, л. 77]. В колхозе «Коммунар» Камызякского района безработная Потапова занималась хищением колосьев с колхозных полей. При задержании у нее было обнаружено 3 кг зерна. Потапова осуждена по Указу от 04.06.1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» [13, д. 11, л. 54].

Все приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что женщины похищали зерно без цели сбыта, а лишь для пропитания своих семей. Это, конечно же, не оправдывает совершенного ими деяния, но объясняется смертельным голодом второй половины 1940-х годов.

Таким образом, самым распространенным видом хищений в послевоенное время было хищение хлеба, что обусловлено масштабами голода в стране. Из-за сокращения поступления хлеба на внутренний рынок резко выросли цены. В этих условиях увеличилось число краж муки, зерна, хлеба как в городе, так и в деревне. Власти поставили перед правоохранительными органами задачу применения крайних мер для предотвращения многочисленных случаев хищения хлеба.

Правоохранительные органы Нижнего Поволжья использовали гласные и негласные методы работы. К ним относились постоянные проверки хранения зерна и хлебопродуктов, использования автотранспорта, материально-ответственных лиц и др. Агентурный аппарат был нацелен на выявление фактов хищения зерна в колхозах и совхозах.

Вместе с тем требование властей выполнения плана поставок хлеба государству любой ценой порождало новые методы преступной деятельности, в то время как сами власти были не способны обратить во благо населения уже поступивший в область хлеб. Правоохранительные органы также не смогли дать надлежащий отпор этой бесхозяйственности.

Список использованных источников

1. Арутюнян, А. С. Советское крестьянство в годы Великой отечественной войны / А. С. Арутюнян. – М., 1963. – С. 318.
2. Архив информационного центра ГУВД по Волгоградской области. – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 171.
3. Архив информационного центра УМВД Российской Федерации по Астраханской области (ИЦ УВД АО). – Ф. 58. – Оп. 4.
4. Богданов, С. В. Хозяйственно-корыстная преступность в СССР 1945–1990 гг.: факторы воспроизводства, основные показатели, особенности государственного противодействия : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С. В. Богданов. – Курск, 2010. – 50 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-5446. – Оп. 1. – Д. 286. – Л. 229–233.
6. ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 49. – Д. 1654. – Л. 99–102.
7. ГАРФ. – Ф. Р-9415. – Оп. 5. – Д. 98.; – Ф. Р-9401. – Оп. 2. – Д. 200. – Л. 123; – Д. 136. – Л. 212.
8. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). – Ф. 325. – Оп. 3.
9. ГАСД АО. – Ф. 325. – Оп. 2.
10. Зима, В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. / В. Ф. Зима. – М. : Институт Российской истории РАН, 1996. – 265 с.
11. История советской милиции : в 2 т. / под ред. Н. А. Щелокова. – М. : Изд-во Акад. МВД СССР. 1977. – Т. 2. – С. 137.
12. ИУ УВД АО. – Ф. 64. – Оп. 4. – Д. 19. – Л. 118.
13. ИЦ УВД АО. – Ф. 58. – Оп. 1.

Поступила 23.08.2011 г.

УДК 340 (470.345)
ББК 67

Ю. П. Князькин
Y. P. Knyazkin

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

THEORETICAL AND LEGAL BASES OF HYPOTHECARY CREDITING IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

В статье дается определение ипотеки как вида залога недвижимости, рассматривается правовой механизм регулирования жилищных отношений, определяется степень необходимости жилищного ипотечного кредитования в России и в Республике Мордовия.

Ключевые слова: ипотека, жилищные отношения, недвижимость, залог, кредитование.

The article gives the definition of mortgage as a kind of pledge of the real estate, defines the legal mechanism of regulation of housing relations, analyses the degree of necessity of housing hypothecary crediting in Russia and in the Republic of Mordovia.

Key words: mortgage, housing relations, real estate, pledge, crediting.

На протяжении как советской, так и пост-советской эпохи улучшение жилищных условий является одной из приоритетных потребностей населения России. При этом на фоне относительной стабилизации общей социально-экономической ситуации значимость возможности удовлетворения данной потребности растет, в результате чего рынок жилья в настоящее время является одним из наиболее динамично развивающихся сегментов рынка недвижимости и несет особую социальную нагрузку.

Несомненно, реализация права граждан на жилое помещение во многом зависит от надлежащего правового механизма. Регулирование жилищных отношений носит довольно сложный характер и осуществляется главным образом на базе сочетания принципов жилищного и гражданского законодательства, поэтому для верного понимания происходящих в нашем обществе глубинных преобразований представляется необходимым и важным научное исследование жилищных отношений как составной части гражданского правоотношения.

В современном праве законодательство в сфере недвижимости представляет собой совокупность законов, иных нормативных правовых актов, посредством которых государственные органы устанавливают, изменяют или отменяют соответствующие правовые нормы.

Источники права, в том числе жилищного, подразделяются на три основные группы:

– федеральные законы в сфере недвижимости и иные принятые в соответствии с ними нормативные правовые акты;

– законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ (региональное законодательство);

– законодательство о местном самоуправлении и местные нормативные правовые акты [5, с. 26].

Как известно, Конституция РФ является правовой основой развития всего российского законодательства. Законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, должны полностью соответствовать положениям Конституции РФ. В Конституции РФ решаются вопросы компетенции РФ и ее субъектов по гражданскому, земельному и жилищному законодательству.

Так, Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2). Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства. Надлежащее жилье входит составной частью в понятие достойного жизненного уровня человека, а право граждан иметь жилище и пользоваться им гарантируется Конституцией и обеспечивается государством (ст. 40). Таким образом, согласно Конституции РФ, жилище является одним из главнейших материальных условий жизни человека.

Потребность человека в жилье возникает с момента его рождения и сохраняется на всем

протяжении его жизни. Однако область применения жилищного законодательства не ограничивается жилым домом, квартирой, где гражданин проживает и имеет определенные права и обязанности как наниматель (поднаниматель), член жилищно-строительного кооператива или собственник. Жилищная сфера – это та область правоотношений, которая непосредственно касается всех: граждан и юридических лиц, органов государственной власти и органов местного самоуправления.

До недавнего времени среди федеральных законов особое место занимал Закон РФ «Об основах федеральной жилищной политики», принятый 24 декабря 1992 года и определявший наиболее важные, общие начала правового регулирования разнообразных жилищных и связанных с ними иных общественных отношений, которые подлежат конкретизации в нормах и актах жилищного, а также земельного, гражданского, административного и иного законодательства.

Данный закон определял основные принципы реализации конституционного права граждан РФ на жилище в новых социально-экономических условиях и устанавливал общие начала правового регулирования жилищных отношений при становлении различных форм собственности и видов пользования недвижимостью в жилищной сфере. Но с принятием нового жилищного кодекса РФ в 2004 году указанный закон утратил силу.

На сегодняшний день наиболее полным и кодифицированным законодательным актом, регулирующим жилищные отношения в России, является Жилищный кодекс, в котором правовые нормы систематизированы по отдельным институтам жилищного законодательства.

Действующее законодательство предусматривает различные основания и способы пользования гражданами жилыми помещениями. Наряду с обеспечением малоимущих и других указанных в законе граждан бесплатными жилыми помещениями все более широкое применение получают другие формы обеспечения граждан жильем: а) расширяется индивидуальное строительство; б) растет число случаев приобретения жилых домов и жилых помещений на сбережения граждан с использованием компенсаций (дотаций) из бюджета, кредитов и других средств; в) появляется все больше возможностей для улучшения жилищных условий граждан путем получения в пользование жилья на основании договоров коммерческого найма, аренды и других гражданско-правовых сделок,

не противоречащих законодательству; г) получила широкое распространение бесплатная приватизация жилых помещений.

Так, повышенное внимание в России и в Мордовии в частности уделяется вопросам развития ипотеки. Обсуждение многих аспектов этого, прежде всего, правового института происходит не только в научной среде, но и в различных государственных органах.

Задача обеспечения своих граждан жильем, доступным по цене и по способу приобретения, по сей день является для любого государства одним из определяющих факторов его социальной политики. Настоятельная необходимость жилищного ипотечного кредитования в России особенно ощутима в настоящее время, когда значительно сократилось государственное бюджетное финансирование на жилищное строительство.

Между тем много семей в России проживают в ветхих и аварийных домах и нуждаются в улучшении жилищных условий. Однако лишь небольшая часть населения может позволить себе купить квартиру без помощи сбережений и заемных средств. В условиях сокращения бюджетного финансирования строительства в России и обеспечения населения жильем основным источником средств для приобретения жилья становятся собственные средства населения, а также кредиты банков.

В связи с вышесказанным, действия государства, направленные на создание рынка доступного жилья, считаем оправданными и весьма эффективными. На наш взгляд, низкие доходы населения и высокие процентные ставки на финансовых рынках, неразвитый рынок жилья и огромные цены на строительство – это далеко не полный перечень проблем, которые можно попытаться решить с помощью ипотеки жилища.

Ипотека – это залог недвижимости с целью получения денежной ссуды – ипотечного кредита (кредита под закладную). Иными словами, ипотека – это такой вид залога недвижимости, при котором закладываемое имущество не передается в руки кредитора, а остается у должника (залогодателя) в его владении и пользовании [4, с. 14].

Таким образом, в ипотеке следует различать два аспекта: юридический и экономический. В экономическом отношении ипотека – это рыночный инструмент, позволяющий привлечь дополнительные финансовые средства для реализации различных проектов. Юридическое содержание ипотеки состоит в обременении

имущественных прав собственности на объекты недвижимости при их залоге.

Сегодня как никогда важно понимание правовых и финансовых механизмов, лежащих в основе системы жилищного ипотечного кредитования и ипотеки жилища и осуществляемых во многих регионах России, в частности в Республике Мордовия.

Координацию деятельности участников системы ипотеки, выдачу и обслуживание ипотечных займов, строительство нового жилья в Республике Мордовия осуществляет ОАО «Мордовская ипотечная корпорация», созданное в 2001 г. Целью создания Общества является объединение материальных, интеллектуальных и финансовых средств учредителей для создания организационных и финансовых основ внедрения механизма ипотечного кредитования, а также расширения объемов жилищного строительства в Республике Мордовия и привлечения денежных средств граждан в жилищную и инвестиционную сферу.

Так, с 2002 по 2006 гг. в Мордовии действовала Республиканская целевая программа развития ипотечного жилищного кредитования на 2002–2006 гг. С 2006 г. – подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» Республиканской целевой программы «Жилище» на 2002–2010 гг., целью которой является господдержка решения жилищной проблемы молодых семей с помощью предоставления субсидий.

В 2010 году было завершено действие данной подпрограммы, в которой участвовали 3 253 молодых семьи. В 2011 году обеспечение жильем молодых семей осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства Республики Мордовия от 13 декабря 2010 г. № 487 «Об утверждении Республиканской целе-

вой программы «Жилище» на 2011–2015 годы и подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей».

В рамках реализации этих программ Корпорация отработала технологию предоставления ипотечных кредитов (займов), по которой сотрудники Корпорации сопровождают заемщиков на всех этапах, с подбора варианта жилья до получения займа после регистрации сделки купли-продажи и залога в Федеральной регистрационной службе.

Таким образом, следует признать активное развитие рынка жилой недвижимости в России и в частности в Республике Мордовия. Критический взгляд на ипотечное законодательство позволяет отметить имеющиеся недостатки и проблемы в правовом регулировании, однако мы считаем, что институт ипотеки имеет огромный потенциал. Как показывает зарубежный опыт, четкое и гармоничное правовое регулирование ипотечных отношений может послужить катализатором развития многих отраслей экономики, фактором стабилизации гражданского оборота.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г., ст. 40.
2. Постановление Правительства Республики Мордовия от 13 декабря 2010 г. № 487 «Об утверждении Республиканской целевой программы «Жилище» на 2011–2015 годы и подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей».
3. Федеральная целевая программа «Жилище» на 2002–2010 гг. от 14 марта 2001 г. № 346-р.
4. Шевчук, Д. А. Ипотека: просто о сложном / Д. А. Шевчук. – М. : Гросс-Медиа, 2008. – 376 с.
5. Шешко, Г. Ф. Жилищное право : учеб. пособие / Г. Ф. Шешко. – М. : АСТ, Контакт, 2007. – 256 с.

Поступила 05.05.2011 г.

УДК 347.18
ББК 67.404.0

Л. А. Потанова
L. A. Potapova

ФУНКЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

FUNCTIONS OF CIVIL SOCIETY FOR THE PREVENTION OF EXTREMISM IN YOUTH ENVIRONMENT

В статье рассматриваются возможности институтов гражданского общества по предотвращению негативных экстремистских проявлений в молодежной среде. Автор предпринимает попытку проанализировать тенденции и определить основные формы возможной профилактики.

Ключевые слова: молодежь, институты гражданского общества, формы профилактики, экстремизм, право.

The article deals with the possibility of civil society institutions to prevent the negative manifestations of extremism among youth. The author attempts to analyze trends and identify the main types of possible prevention.

Key words: youth, civil society institutions, forms of prevention, extremism, right.

Продолжающаяся модернизация российского гражданского общества оказывает активное влияние на трансформацию системы ценностей. Процессы глобализации в экономической, политической, культурной и образовательных сферах, втягивающие молодежь разных стран в миграционные потоки разного характера и уровня, приводят к усложнению структурных общественных связей. Эти факторы оказывают влияние на состояние напряженности в межнациональных отношениях и сопровождаются межэтническими конфликтами. В результате начинают появляться различные молодежные группы, активно проявляющие агрессивную ксенофобию, разрушающую традиционные ценности русской национальной культуры и национальных культур других народов. Наиболее влиятельными асоциальными молодежными организациями экстремистского характера являются: «Армия воли народа», «Национал-социалистическое общество», «Движение против нелегальной иммиграции», «Славянский союз северного братств» и др. Они спекулируют на идеях национального возрождения и провоцируют рост преступных акций на этно-религиозной и политической почве. За январь – март 2010 г. было зафиксировано 45 нападений на почве ксенофобии, итогом которых стали 12 погибших и 43 пострадавших. За аналогичный период 2009 г. был зафиксирован 21 погибший и 65 пострадавших, в 2008 г. – 49 погибших, 80 пострадавших [3]. В целом, по данным Генеральной прокуратуры, в России насчитывается более 200 экстремистских организаций, которые объединяют около 10 тыс. человек. Членами экстремистских группировок становятся, как правило,

молодые люди 16–25 лет. Большинство из них учатся в школах, в высших и средних специальных образовательных учреждениях [2].

Усиление групповых проявлений в молодежной преступности – один из важнейших факторов при оценке общего криминогенного влияния на молодежь. Противоправное поведение молодежи во многих случаях является следствием проникновения криминальной субкультуры в молодежную среду. Под *субкультурой* понимаются система ценностей, установок, способов поведения и стиля жизни, которая присуща более мелкой социальной общности, пространственно и социально в большей или меньшей степени обособленной. При этом субкультурные атрибуты, ценности, ритуалы и другие устойчивые модели поведения, как правило, отличаются от ценностей и образцов поведения в господствующей культуре, хотя и тесно связаны с ними. Основными чертами современного молодежного экстремизма являются: возрастающая организованность, сплоченность группировок, формирование в них идеологических, аналитических и боевых структур, усиление мер конспирации, применение для распространения своей идеологии и координации действий новейших информационных и коммуникационных технологий [1].

Вместе с тем процессы интеграции молодежи в социальную жизнь общества традиционно являются объектом пристального внимания государства. Мониторинг документальных материалов свидетельствует, что за период с 2005 года по 2010 год включительно принято около 267 нормативных актов по вопросам противодействия экстремизму, ряд нормативных актов содержит

информацию по реформированию молодежной политики. За последнее время создан целый ряд государственных органов с общей и специальной компетенцией по противодействию экстремистской деятельности в молодежной среде. По Указу Президента РФ в мае 2008 года образовано Министерство спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации. При Правительстве России образованы межведомственные комиссии, которые занимаются в частности вопросами предотвращения проявлений молодежного экстремизма. В Министерстве внутренних дел РФ образован Департамент по противодействию экстремизму. Однако ситуация по росту экстремистских проявлений в молодежной среде свидетельствует о незаконченности государственного механизма противодействия экстремизму, в этой ситуации необходимо говорить о едином макросубъекте противодействия, который включает как государственные органы, так и все гражданское общество.

Гражданское общество рассматривается как независимое от государства, но взаимодействующее с ним общество граждан высокого социального, экономического, политического, культурного и морального статуса, создающих совместно с государством развитые правовые отношения». По последним статистическим данным в России действует более 350 тысяч некоммерческих, неправительственных общественных организаций. Консолидация гражданского сообщества против проявлений экстремизма крайне важна, так как необходимо лишить экстремистские движения и организации идеологических основ, внутренней и внешней поддержки, сократить их социальную базу, выявить и подавить центры идеологического обеспечения и поддержки, добиться общественной изоляции и осуждения групп. Попробовать решить эту задачу можно путем проведения политических, экономических, социальных, идеологических, информационных и других мероприятий. Уже сегодня гражданское общество может предложить новые концептуальные подходы, модели и элементы борьбы с экстремизмом. Как показывает практика, оно готово инициировать руководителей государств, спецслужб и правоохранительных органов предложения по выработке адекватных мер реагирования на экстремизм. Так, например, с момента своего образования в 2006 году включилась в работу по предотвращению экстремистских проявлений Общественная палата Российской Федерации, проводя публичные слушания по проблемам борьбы с нетерпимостью и создав комиссию по вопросам толерантности и свободы совести.

На сегодняшний день в России возникли и действуют общественные объединения, стре-

мящиеся обеспечить сохранение и развитие этнокультурной самобытности, образования, традиций, родного языка и духовной культуры. В эту работу все больше вовлекаются дети и молодежь. За последние годы произошла институализация различных форм социальной активности религиозных организаций и общественных объединений верующих. Неотъемлемой частью современной жизни стали организованные религиозными объединениями приюты, школы, столовые, центры реабилитации, благотворительные учреждения, молодежные движения, участие граждан в восстановлении и строительстве храмов. Православные молодежные центры, которых насчитывается более 400, помимо паломнических поездок, встреч, спортивных мероприятий занимаются помощью детским домам, реализацией миссионерских, благотворительных, просветительских и иных программ. Важное направление деятельности объединений верующей молодежи – помощь в восстановлении памятников истории и культуры, разрушенных храмов и монастырей. Гражданское участие православных общественных объединений включает в себя такие формы, как шествия, пикеты, стояния, сборы подписей под различными петициями, в частности при отстаивании права изучать православие в школе [4].

В регионах, где преимущественно проживают мусульмане (Татарстан, Башкортостан, Дагестан, Чечня, Ингушетия), получили распространение различные исламские общественные организации, объединяющие врачей, женщин, журналистов. Эти ассоциации занимаются защитой прав мусульман, пропагандой здорового образа жизни и традиционных исламских ценностей, благотворительностью, помощью больным и деятельностью, связанной с милосердием. Получила развитие сеть детских садов, школ и летних лагерей отдыха для детей из мусульманских семей.

Иудейские организации России помимо широкой благотворительной деятельности ведут большую работу в сфере религиозного образования, выступая учредителями высших учебных заведений, общеобразовательных школ с еврейским этнокультурным компонентом, детских садов, клубов по интересам. Общины получили более 400 тыс. экземпляров еврейских книг и методической литературы.

Однако остро стоит вопрос о расширении форм участия структур гражданского общества в выработке мер по борьбе с экстремизмом и терроризмом как на национальном, так и на международном уровне. Это не должно быть исключительно прерогативой силовых структур, а должно стать предметом широкого обсуждения

с максимально возможным участием представителей гражданского общества.

В заключение нам бы хотелось отметить, что национальное законодательство, касающееся противодействия в молодежной среде, вызывает определенную озабоченность в отношении гарантий соблюдения фундаментальных гражданских прав и свобод, соответствующих международным стандартам. Гражданское общество в целом, отдельные члены общества должны понимать опасность экстремизма как явления вообще, а также осознавать, что малочисленные протестные акции, выступления на религиозной основе и т. п., если не давать им должной оценки со стороны общества, могут перерасти в стихийные волнения, которые коснутся каждого в большей или меньшей степени. Для формирования адекватного восприятия и оценки со стороны каждого члена гражданского общества необходимо организовать открытый диалог по обсуждению этой общей проблемы. Для предотвращения проявлений политического и религиозного экстремизма в деятельности молодежных организаций необходима скоординированная работа органов государственной власти и гражданского общества по преодолению роста

ксенофобии, а также эффективная государственная молодежная политика, которая позволит направить политическую активность молодежи радикальных взглядов в цивилизованное, легальное русло. Молодые люди должны быть готовы к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам. Воспитание в духе терпимости должно способствовать формированию у молодежи навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях.

Список использованных источников

1. Выступление на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ 6 февраля 2009 г. [Электронный ресурс] // <http://www.kremlin.ru/>
2. Генеральная прокуратура РФ : офиц. сайт [Электронный ресурс] // <http://genproc.gov.ru/>
3. Проявления агрессивной ксенофобии в РФ с января по 1 марта 2010 г. // Коллективное действие : офиц. сайт [Электронный ресурс] // <http://genproc.gov.ru/>
4. Экстремизм и пути его преодоления // Общественная палата Российской Федерации : офиц. сайт [Электронный ресурс] // <http://www.oprf.ru/>

Поступила 01.07.2011 г.

УДК 342.7
ББК 67.400.7

Г. Б. Романовский
G. B. Romanovsky

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

CONCEPT AND CONTENTS OF THE RIGHT TO HEALTH

В статье рассматривается понятие и содержание конституционного права человека и гражданина на охрану здоровья. Анализируются понятия право на здоровье, право на медицинскую помощь.

Ключевые слова: права человека, охрана здоровья, медицинская помощь.

The article discusses the concept and contents of constitutional human and civil rights to health care. The following concepts are analyzed: the right to health, right to medical care.

Key words: human rights, health, medical care.

В соответствии со статьей 41 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, дру-

гих поступлений. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической

культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию. Конституционные положения находят свою конкретизацию в Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан [2] (далее – Основы об охране здоровья), статья 17 которых определяет содержание данного права несколько иначе, закрепляя, что оно обеспечивается охраной окружающей природной среды, созданием благоприятных условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения граждан, производством и реализацией доброкачественных продуктов питания, а также предоставлением населению доступной медико-социальной помощи. Обращает внимание, что Конституция России выделяет как самостоятельное право на медицинскую помощь, а в статье 17 Основ об охране здоровья оно является гарантией права на охрану здоровья. В научной литературе отмечается, что понятие охраны здоровья более объемно, концептуально, чем медицинская помощь, т. е. помощь, предоставляемая профессиональным медицинским персоналом (врачами, медицинскими сестрами). Это понятие включает в себя также понятие «парамедицина» (непрофессиональный медицинский персонал) и профилактическую охрану здоровья [8].

Право на охрану здоровья, по мнению О. А. Еникеева, включает в себя:

- права граждан в сфере охраны здоровья;
- обязанность государства в лице органов государственной власти Российской Федерации, субъектов РФ и органов местного самоуправления, их должностных лиц по защите указанных прав;

- установленную законом ответственность государства, юридических и физических лиц за нарушение прав граждан и несоблюдение обязанности органов власти и их должностных лиц по охране здоровья, в том числе за непредставление информации, за разглашение врачебной тайны, за вред, причиненный здоровью человека [5].

Н. В. Савастьянова выделяет комплекс правомочий в сфере охраны здоровья человека: 1) права граждан в сфере охраны здоровья (статьи 7, 20, 21, 37, 38, 39, 41, 42 Конституции РФ); 2) обязанность государства в лице органов государственной власти Российской Федерации, субъектов РФ и органов местного самоуправления, их должностных лиц по защите указанных прав (статьи 45, 46, 53, 55 Конституции РФ); 3) установленную законом ответственность государства, юридических и физических лиц за нарушение прав граждан и несоблюдение обязанности органов власти и их должностных лиц по охране здоровья, в том числе за непредставление информации, за разглашение врачебной тайны, за вред, причиненный здоровью человека» [9].

А. И. Сергеев определяет содержание конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь как совокупность отдельных правомочий каждого в сфере здравоохранения, укрепления и сохранения здоровья. Основное место в данной совокупности занимает гарантированная возможность каждого, кто законно находится на территории Российской Федерации, на получение своевременной, качественной медицинской помощи, бесплатно предоставляемой гражданам Российской Федерации, а в отдельных случаях также иностранным гражданам. В число иных правомочий, по мнению А. И. Сергеева, составляющих содержание конституционного права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, следует включить возможности медицинской профилактики, реабилитации после болезни, мер по поддержанию наивысшего уровня физического и психического здоровья, права отдельных групп населения на регулярную диспансеризацию и медицинские осмотры, права пациента как специфического субъекта правоотношений. Кроме того, к содержанию права на охрану здоровья и медицинскую помощь тесно примыкают правомочия на здоровую окружающую среду, регулярную информацию о ее состоянии, права на пользование чистой питьевой водой, здоровое и достаточное питание, охрану труда на производстве [10].

Г. Б. Челнокова выделяет комплексный характер права на охрану здоровья, включающего в себя ряд элементарных прав: право граждан на получение достоверной и своевременной информации о факторах, влияющих на здоровье; право на медико-социальную помощь; право на особую охрану здоровья граждан, занятых отдельными видами вредной профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности; право на заботу государства об охране здоровья членов семьи; право на особую охрану здоровья беременных женщин и матерей, несовершеннолетних, инвалидов, граждан пожилого возраста, граждан, пострадавших при чрезвычайных ситуациях и в экологически неблагоприятных районах, и др. [15]

Приведенные точки зрения соотносятся со статьей 1 Основ об охране здоровья, которая закрепляет, что охрана здоровья граждан – это совокупность мер политического, экономического, правового, социального, культурного, научного, медицинского, санитарно-гигиенического и противоэпидемического характера. В то же время из анализа последующих норм Основ об охране здоровья граждан видно, что данный нормативный акт не призван урегулировать все приведенные меры. Это подтверждается также наличием иных нормативных актов в сфере здраво-

охранения и медицинского обслуживания. В законе содержится указание на цели проводимых мероприятий, которые разделяются на: а) сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека; б) поддержание его долголетней активной жизни; в) предоставление медицинской помощи в случае утраты здоровья. Как видно, охрана здоровья не связана лишь с предоставлением медицинской помощи в случае болезни. Более того, данная цель поставлена на последнее место. Приоритет находится в плоскости недопущения болезней, сохранении здоровья человека как некоего идеального состояния благополучия, проведения профилактики, поддержания долголетней жизни.

В указанном определении «охраны здоровья граждан» ключевым является понятие здоровья, которое можно найти в преамбуле Устава Всемирной организации здравоохранения: «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» [4]. Следует признать, что такое определение, несмотря на его общее употребление, нередко подвергают критике. Так, Е. Е. Воробьева приводит различные модели видения здоровья, условно подразделяя их на медицинскую (содержит лишь медицинские признаки здоровья, при которых таковым считается отсутствие болезней и их симптомов), биомедицинскую (предполагает отсутствие у здорового человека органических нарушений и ощущений нездоровья, в рамках которого подчеркивается значение биологической сущности в жизнедеятельности и здоровье), био-социальную (включает рассмотрение биологических и социальных признаков при приоритетной роли социальных) [3, с. 16]. Только последней модели в наибольшей степени соответствует определение ВОЗ. Кроме того, в зарубежной научной доктрине нередко используется несколько иной термин – право на здоровье [13, с. 20]. При этом охрана здоровья воспринимается как элемент права на здоровье. Но и в этом случае концепция «права на здоровье» не находит однозначной поддержки. Например, Касс отмечал: «Здоровье – это жизненное состояние, оно не может быть дано, а отнято или подорвано другими людьми может быть только косвенным образом. Смысла провозглашать право на здоровье нет, так же как нет смысла провозглашать право человека на мудрость или храбрость» [Там же, с. 19]. В российской доктрине также присутствуют соответствующие дискуссии. В. С. Толстой указывает на процессуальную сущность права на охрану здоровья, определяя право на здоровье как «возможность человека пользоваться состоянием

своего организма по своему усмотрению» [14]. А. В. Беляков использует термин «право на здоровье», хотя оговаривается, что его трудно представить в качестве предмета индивидуального иска в суде [1]. В. Ф. Москаленко рассматривает право на здоровье и право на охрану здоровья как равнозначные категории (употребляя в тексте исследования через дробь), правда, выделяя элементы «охрана здоровья» и «основные предпосылки здоровья» [8].

При таком выделении право на здоровье шире понятия охраны, предполагая, что в него должны входить также возможность распоряжения собственным здоровьем и осуществление права до его нарушений [6, с. 26]. В объективном смысле здравоохранительное право – это система нормативных актов (норм), регулирующих организационные, имущественные, личные отношения, возникающие в связи с проведением санитарно-эпидемиологических мероприятий и оказанием лечебно-профилактической помощи гражданам [7, с. 5].

Право на охрану здоровья граждан обеспечивается целым комплексом мер: охраной окружающей природной среды, созданием благоприятных условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения граждан, производством и реализацией доброкачественных продуктов питания, а также предоставлением населению доступной медико-социальной помощи. Каждый из представленных элементов реализуется в специальном законодательстве. В соответствии с Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [12] охрана окружающей среды – деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных и иных некоммерческих объединений, юридических и физических лиц, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий. В Трудовом кодексе РФ содержится специальный раздел X «Охрана труда». В соответствии со статьей 209 ТК РФ охрана труда – система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия. Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [11]

регулирует отношения в области обеспечения качества пищевых продуктов и их безопасности для здоровья человека. Принято также специальное законодательство о лекарственном обеспечении, медицинском страховании, развитии физической культуры и спорта. В настоящее время в Государственную Думу представлен проект Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в котором представлено максимально расширенное понятие охраны здоровья граждан: «совокупность мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического, характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации и органами местного самоуправления, организациями, должностными и иными лицами, гражданами, направленными на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его долголетней активной жизни, предоставление ему медицинской помощи». В то же время при всем охвате мероприятий данным понятием его реальное наполнение осуществимо лишь с помощью финансовых государственных вложений. Однако в процентном соотношении объем финансирования здравоохранения составляет около 3,7% ВВП. Меньший показатель среди стран Европы только в Украине. Отрадно отметить, что с 2012 г. планируется довести показатель финансирования до 5%. Остается надеяться, что принятие нового закона об охране здоровья граждан в сочетании с денежными «вливаниями» в организацию оказания медицинской помощи приведет к улучшению качества жизни граждан нашего государства.

Список использованных источников

1. Беляков, А. В. Международно-правовые аспекты: право на здоровье как одно из основных прав человека / А. В. Беляков // Социальное и пенсионное право. – 2009. – № 3.
2. Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1318.

3. Воробьева, Е. Е. Институционализация страховой системы здравоохранения в современной России: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук / Е. Е. Воробьева. – Пенза, 2010. – 181 с.
4. Всемирная организация здравоохранения (Женева). Основные документы. – М., 1993.
5. Еникеев, О. А. Конституционное право на медицинскую помощь: состояние и перспективы развития / О. А. Еникеев // Российский судья. – 2007. – № 11.
6. Малеина, М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан / М. Н. Малеина. – М. : Знание, 1991. – 118 с.
7. Малеина, М. Н. Человек и медицина в современном праве / М. Н. Малеина. – М. : БЕК, 1995. – 272 с.
8. Москаленко, В. Ф. Объем и принципиальное содержание права на здоровье в международных нормативно-правовых актах / В. Ф. Москаленко // Медицинское право. – 2006. – № 4.
9. Савостьянова, Н. В. Конституционное право на охрану здоровья: понятие и структура / Н. В. Савостьянова // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 3.
10. Сергеев, А. И. Реализация конституционного права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / А. И. Сергеев. – М., 2007. – 24 с.
11. Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 2. – Ст. 150.
12. Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
13. Тобес, Б. Право на здоровье: теория и практика / Б. Тобес. – М. : Устойчивый мир, 2001. – 370 с.
14. Толстой, В. С. Личные неимущественные правоотношения / В. С. Толстой. – М. : Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. – 216 с.
15. Челнокова, Г. Б. Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России : науч.-практ. пособие / Г. Б. Челнокова. – М. : Проспект, 2009.

Поступила 11.05.2011 г.

УДК 821.161.1
ББК 83.3Р6

С. А. Байкова
S. A. Baikova

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ПОВЕСТВОВАНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ XX СТОЛЕТИЯ

PROBLEM OF NARRATION TYPOLOGY IN NATIVE LITERARY CRITICISM OF THE XX CENTURY

Статья посвящена проблеме типологии повествований в литературоведении.

Ключевые слова: авторская стратегия, сказ, типы повествования.

The article investigates the problem of the narrations typology in literary criticism.

Key words: author's strategy, skaz, narration types.

В истории отечественной литературы общеизвестны разнообразные типы повествовательных стратегий: от собственно авторского повествования («от третьего лица»), повествования «от первого лица», сказа как промежуточной формы вплоть до несобственно-авторского повествования, что обусловлено как сугубо авторскими предпочтениями, так и мировоззренческими, историко-культурными, социально-психологическими и другими причинами. Проблемы повествования, типы повествований русской прозы начинают рассматриваться отечественным литературоведением уже в 1920-х гг., причем одной из самых дискуссионных становится сказовая форма повествования.

Монологическую трактовку сказовая форма повествования получила у В. В. Виноградова. Он рассматривал сказ не из сугубо литературоведческих позиций, а с точки зрения лингвистической стилистики. Сказ, по Виноградову, – «своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа, <...> художественная имитация монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения» [2, с. 49]. В. В. Виноградову при этом важен лишь формально-языковой аспект сказа: наличие социально маркированных речевых средств (специфической лексики, синтаксических конструкций, словообразовательных элементов и т. д.).

Как известно, не принимал виноградовскую точку зрения М. М. Бахтин, который рассматривал сказ с точки зрения диалогических отношений (теории диалога). Ученый, кроме того, указывает на односторонность мнения Б. М. Эйхенбаума на сказ «как установку на устную

форму повествования» и приходит к выводу, что «сказ есть прежде всего установка на чужую речь, а уж отсюда, как следствие, – на устную речь». Исследователь при этом уточняет, что «в большинстве случаев сказ вводится именно ради чужого голоса, голоса социально определенного, приносящего с собой ряд точек зрения и оценок, которые именно и нужны автору» [1, с. 222] (здесь и далее разрядка авторская. – М. Б.).

По Бахтину, сказ обладает двуголосостью, поскольку содержит в себе стилизованную автором чужую речь, содержащую в себе не только голос рассказчика, но и голос самого автора. В соответствии с этим он различает пародийный (т. е. двуголосый) и простой (т. е. одноголосый) сказ, обнаруживая в современном сказе «легкий пародийный оттенок» [1, с. 224–225]. Исследователь считает, что двуголосое слово было характерно для творчества Достоевского, Лескова, Пушкина, но не для произведений Тургенева, который при этом «избирал рассказчика из своего социального круга» [Там же, с. 223]. М. М. Бахтин справедливо связывал проблему сказа с проблемой «чужой речи» и рассматривал сказ как одну из форм ее проявлений. «Чужие слова, введенные в нашу речь, – писал исследователь, – неизбежно принимают в себя новое, наше понимание и нашу оценку, то есть становятся двуголосыми» [Там же, с. 226]. В. В. Виноградов и М. М. Бахтин, однако, сходятся в том, что не ограничивают специфику сказа лишь установкой на устную речь, предложенную Б. М. Эйхенбаумом и Ю. Н. Тыняновым.

Важным вкладом М. М. Бахтина в науку о литературе явилась классификация «типов прозаического слова», в которой были впервые намечены пути создания типологии повествований.

Он выделял следующие повествовательные и речевые формы: «прямое, непосредственно направленное на свой предмет слово, как выражение последней смысловой инстанции говорящего»; «слово изображенного лица» (1) индивидуально-характерологическое и 2) социально-типическое с разной степенью объектности); «слово с установкой на чужое слово (двуголосое слово)»: «однаправленное двуголосое слово», которое «при понижении объектности стремится к слиянию голосов, то есть к слову первого типа (стилизация, рассказ рассказчика, необъектное слово героя-носителя (частично) авторских замыслов, Ich-Erzählung)»; «разнонаправленное двуголосое слово», которое «при понижении объектности и активизации чужой мысли внутренне диалогизуется и стремится к распадению на два слова (два голоса) первого типа»; и наконец, «активный тип (отраженное чужое слово), при котором чужое слово воздействует извне <...> (скрытая внутренняя полемика, полемически окрашенная автобиография в исповедь, всякое слово с оглядкой на чужое слово, реплика диалога, скрытый диалог)» [1, с. 231].

В типологии М. М. Бахтина существенен, на наш взгляд, один момент: субъектно-речевой тип рассматривается не с формальной стороны (хотя это тоже здесь значимо), а со стороны влияния другой точки зрения извне. Ученый, по сути, намечает здесь путь изучения не типов точек зрения, а типов их построения. Например, когда точка зрения формируется только в том случае, если строится как реакция на другую точку зрения, в результате чего в рамках одного речевого высказывания угадываются две позиции.

Рассматривал вопрос о сказе и Ю. Н. Тынянов, акцентировавший важность категории читателя в структуре сказового слова: «Сказ делает слово физиологически ощутимым – весь рассказ становится монологом, он адресован каждому читателю – и читатель входит в рассказ, начинает интонировать, жестиковать, улыбаться, он не читает рассказ, а играет его. Сказ вводит в прозу не героя, а читателя» [7, с. 160]. По нашему мнению, исследователь справедливо раскрывает диалогически активную сторону сказа, предполагающую посредничество рассказчика или героя-нарратора между читателем и автором, иными словами, повышенную коммуникативную функцию сказового повествования.

По пути изучения сказа и – шире – типов повествований с точки зрения взаимодействия «авторского контекста» и «чужой речи», предложенного М. М. Бахтиным, идет Н. А. Кожевникова. Она рассматривает проблему сказа и близких к нему повествовательных форм на обширном

материале отечественной прозы XIX–XX столетий, демонстрируя наибольшую научную разработанность этой проблемы.

Прежде всего, исследовательницу интересуют вопросы определения границ сказового повествования: рассмотрение различных «смешанных» и «сказоподобных» повествовательных форм, проблема соотношения книжных и разговорных форм речи, организующих сказ, фигура рассказчика, а также индивидуально-мировоззренческие причины, влияющие на разнотипность содержательных и стиливых доминант сказа у разных писателей (рассказы Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, повести Н. В. Гоголя). В целом же исследовательница обобщает точки зрения на сказ представителей «формальной школы» (Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова) и М. М. Бахтина, определяя сказовый тип повествования как «двуединство устного и чужого слова» [5, с. 296].

Исследовательница также определяет и место сказа в соотношении с другими типами повествования. Она рассматривает сказ как переходную форму от субъективного авторского повествования к несобственно-авторскому повествованию. На факте присутствия в повествовании нарратора «чужой речи» или чужого восприятия, то есть восприятия персонажа, Н. А. Кожевникова выделяет два основных типа повествования, стремящихся к самостоятельности и специфической оформленности. Во-первых, «несобственно-прямая речь повествующего типа», которая из фрагментарного повествовательного приема расширяется до отдельного повествовательного типа, «распространяя свое влияние на повествование и описание», а также «включая в себя и диалог» с перенесением центра тяжести «на ретроспективное повествование». «В таком виде и качестве, – заключает ученый, – несобственно-прямая речь близка по функциям несобственно-авторскому повествованию» [5, с. 104–105]. И во-вторых, «несобственно-авторское повествование». Этот тип повествования максимально близок наряду с несобственно-прямым типом к сказовой форме повествования, которая в некоторых случаях смешивается с этими двумя формами или с одной из них и трансформирует рассказчика в «объективного повествователя», обезличивая его. Создание речевой маски с помощью чужой речи рассказчика последовательно, в некоторых произведениях фрагментарно, по ее мнению, уступает место вкраплению в речь нарратора элементов «чужой речи» персонажа или «изображаемой среды» при колебании собственно авторского («от третьего лица») и сказового типа повествований [5, с. 106–119].

Очевидно, что исследование Н. А. Кожевниковой было предвосхищено теорией композиции Б. А. Успенского, который в работе «Поэтика композиции» (1970), в основном опираясь на работы В. Виноградова, М. Бахтина и Г. Гуковского, определяет функциональную роль точки зрения в композиции художественного текста. Он выделяет следующие «планы точки зрения»: «идеологической оценки», «фразеологической характеристики», «пространственно-временной перспективы», «субъективности/объективности описания», то есть план «психологии». Осознавая очевидную условность данной типологии, исследователь оговаривается: «При этом естественно, что обычно та или иная точка зрения проявляется сразу во всех планах или <...> одновременно в нескольких из них» [8, с. 171].

Ученый при всей простоте и очевидности проблемы точки зрения (позиции) излишне формализует ее анализ: планы точки зрения у него «<...> соответствуют различным уровням анализа структуры <...> произведения» [Там же, с. 19]. При этом, на наш взгляд, его классификация идет по пути усложнения простых понятий, присущих художественному тексту. Однако, при всей очевидной условности этой типологии, она имеет большое теоретическое и методологическое значение. Тем не менее точка зрения, с нашей позиции, может классифицироваться не по своим формальным признакам, а по принадлежности определенному носителю (нарратор, автор, скриптор, персонаж, читатель) и количеству субъектов точки зрения – моносубъектной и полисубъектной (собирательная точка зрения).

Более обосновано и значимо для нас в работе Б. А. Успенского разграничение «внешней и внутренней точки зрения»: «<...> в одном случае автор при повествовании занимает позицию заведомо внешнюю по отношению к изображаемым событиям – описывая их как бы со стороны. В другом случае, напротив, он может помещать себя в некоторую внутреннюю по отношению к повествованию позицию: <...> он может принимать точку зрения того или иного участника повествуемых событий или же он может занимать позицию человека, находящегося на месте действия, но не принимающего в нем участия» [Там же, с. 215–216].

Б. А. Успенский, находясь в «плёну» своей типологии, рассматривает сказ как «несовпадение фразеологической и идеологической позиций» [Там же, с. 174] автора и рассказчика, в то время как, на наш взгляд, у автора и рассказчика свои имманентные точки зрения, тем более при лично обозначенном и выявленном нарраторе.

Это связано с тем, что исследователь непоследовательно разграничивает инстанции автора и рассказчика.

Проблема типологии повествователей и шире – повествования – продолжает оставаться весьма актуальной и в исследованиях последних десятилетий. Так, В. В. Одинцов одним из «усложняющим изложение фактором» считает «субъективацию авторского повествования» (тогда как М. Бахтин и Б. Корман – объективацию, А. Чудаков – «объективное повествование», то есть ориентированное на точку зрения героев при отсутствии субъективности повествователя), в связи с чем выделяет четыре типа повествования: «1) рассказчик не назван и стилистически не выделяется, повествование идет от автора; 2) рассказчик назван, но стилистически не выделяется («рассказ рассказчика» по М. Бахтину. – Б. С.); 3) рассказчик не назван, но выделяется стилистически – просторечная или книжная лексика, экспрессивный синтаксис и др. («безличный рассказчик» по В. Шмиду. – Б. С.); 4) рассказчик назван и выделяется стилистически», или «сказовые формы» [6, с. 187–188].

Критерием распознавания принадлежности текста автору или рассказчику он берет принцип «степени субъективации повествования» [Там же, с. 187]. При этом для ученого важен стилистический классификационный признак (как у В. В. Виноградова): степень отклонения от нормы литературного языка, в зависимости от чего можно говорить о «рассказе рассказчика» (М. М. Бахтин), в широком смысле, или же об авторском повествовании. Очевидным недостатком классификации типов повествований у В. В. Одинцова является смешение таких фундаментальных понятий теории повествования, как автор и повествователь, связанное со следованием ученым традиции В. В. Виноградова (констатация присутствия в произведении «образа автора»). Тем не менее В. В. Одинцов систематично рассматривает и убедительно обосновывает (хотя бы по стилистическому классификационному признаку) свою типологию повествований.

Логическим завершением изучения проблемы типов повествования явилась книга Н. В. Драгомирецкой «Автор и герой в русской литературе XIX–XX веков» [3], где автор и герой рассматриваются как категории стилистического развития литературы. Основная концепция книги заключается в том, что, начиная с прозы А. П. Чехова, в русской литературе повествование организуется «снятием <...> автора» [Там же, с. 313]: преобладанием голоса персонажа и рассказчика над собственно авторским, сменой авторской оценки «образом-фактом» [Там же, с. 211].

Исследовательница справедливо замечает, что «развитие советской литературы было задержано внешним давлением. Автор-«вожак» с его обобщающим словом, которое <...> превращалось в слово, оторванное от жизни <...>, был надолго “законсервирован” в литературе. Преодоление творческого бесплодия литературы – снятие этого автора – началось как общий процесс только в 50-е годы, когда появились первые деревенские очерки» [8, с. 312–313]. В целом Н. В. Драгомирецкая, развивая идеи М. М. Бахтина и Н. А. Кожевниковой, акцентирует внимание на «активизации слова героя» [8, с. 313] в повествовательной структуре произведений отечественной прозы XX столетия (на примере «Тихого Дона» М. Шолохова).

Таким образом, в отечественном литературоведении не существует раз и навсегда данной системы типов повествований: в частности, разные исследователи отмечают разные аспекты того или иного типа повествования. Это связано, на наш взгляд, с многоаспектностью проблемы организации форм художественной речи в литературе: «проблема взаимоотношения изображающей и изображенной речи», по словам М. М. Бахтина [1, с. 288], а также с тем, что художественная литература – порождение индивидуально-авторского стиля – является не замкнутой, а развивающейся системой, что особо заметно в разрушении современными постмодернистами условно-эталонных форм повествования.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Советская Россия, 1979. – 320 с.
2. Виноградов, В. В. Проблема сказа в стилистике / В. В. Виноградов // Избранные труды. О языке художественной прозы. – М. : Наука, 1980. – С. 42–54.
3. Драгомирецкая, Н. В. Автор и герой в русской литературе 19–20 века / Н. В. Драгомирецкая. – М. : Наука, 1991. – 382 с.
4. Кожевникова, Н. А. О соотношении речи автора и персонажа / Н. А. Кожевникова // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза / отв. ред. А. И. Горшков, А. И. Григорьева. – М. : Наука, 1977. – С. 7–98.
5. Кожевникова, Н. А. О соотношении типов повествования в художественных текстах / Н. А. Кожевникова // Вопросы языкознания. – 1985. – № 4. – С. 104–114.
6. Одинцов, В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
7. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 574 с.
8. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 348 с.

Рецензент:

Осьмухина О. Ю. – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева».

Поступила 04.05.2011 г.

УДК 82-2. 511. 152 (045)
ББК 83.3 (2Р – 6Мо)

И. В. Бурносова
I. V. Burnosova

ПРОБЛЕМАТИКА ПРИРОДНЫХ МОТИВОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЭВОЛЮЦИИ МОРДОВСКОЙ ЛИРИКИ*

PROBLEMS OF NATURAL MOTIF IN EARLY STAGES OF EVOLUTION OF THE MORDOVIAN LYRICS

Статья посвящена анализу развития пейзажной лирики в поэзии Мордовии, выявлению философско-мировоззренческого аспекта в мордовской поэзии начала XX века. Предпринята попытка проанализировать конкретные проявления формирования поэтической натурфилософии.

Ключевые слова: поэзия, пейзаж, национальное мировоззрение, натурфилософская лирика.

* Работа выполнена при финансовом содействии ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по теме «Интеграция художественных традиций литератур народов Поволжья и Приуралья в контексте современных социокультурных проблем» (гос. контракт № П660 от 19.05.2010).

The article is devoted to the analysis of development of landscape lyrics in the poetry of Mordovia, to revealing of philosophical and world outlook aspects in the Mordovian poetry in the beginning of the XXth century. An attempt was made to analyze the specific manifestations of the poetic form of natural philosophy.

Key words: poetry, landscape, national outlook, natural philosophy lyrics.

Зарождение мордовской литературы традиционно связывается со второй половиной XIX века. Именно в это время на территории Мордовии появляются первые литературные сообщества и национальные периодические издания. За относительно короткий отрезок времени мордовская литература прошла стремительный путь развития: от малых фольклорных жанров до романа-эпопеи. Первый ее этап связан в первую очередь с лирикой, в которой значительное место занимает пейзажный пласт. По свидетельству литературоведов (В. В. Горбунова, Б. Е. Кирюшкина, Е. И. Чернова и др.), «большинство мордовских поэтов пробу своих творческих сил начинало с пейзажных зарисовок» [4, с. 44]. Наиболее характерные черты национального сознания раскрывались в данном жанре. Не случайно М. Н. Эпштейн подчеркивает значимость образов природы в качестве объектов лирического повествования, через которые «национальная специфика литературы проявляется особенно четко» [9, с. 3]. Одновременно с этим пейзажная лирика позволяет аллегорическим путем рассмотреть общественно-политические и философско-мировоззренческие изменения в обществе. «Анализ пейзажных мотивов помогает понять не только национальное своеобразие... поэзии, но и ее историческое движение» [9, с. 6]. Предметом изображения становятся не собственно картины природы, а их преломление в сознании поэта как носителя векового наследия национального мирозерцания.

Необходимо подчеркнуть различие между пейзажной и натурфилософской лирикой. Единственное, что объединяет эти жанровые категории, – объект восприятия (взаимодействие природы и человека). Пейзажная лирика видит свою задачу в детальном воспроизведении окружающей действительности, натурфилософская – в целостном философском осмыслении мира посредством восприятия природы. Натурфилософская лирика, помимо пейзажа, делает объектом исследования еще и мироздание, космос и законы бытия, взаимоотношения человека и природы. Однако стремление к общечеловеческим обобщениям не означает отсутствия национальной специфики. Ментальность неизменно экстраполируется, оказывает влияние как на поэзию в целом, так и на ее отдельные идейно-тематические аспекты (в частности натурфилософский).

Применительно к поэзии Мордовии начального этапа мы можем говорить о становлении пейзажной лирики, постепенно осложняющейся философским смыслом. Как следует из работ мордовских литературоведов, на первом этапе развития пейзажной лирики поэты «стремились лишь точнее передать явления природы» [4, с. 44]. Основными приемами изображения здесь выступают детализация, звукопись, сам стихотворный ритм, имитирующий природные звуки:

Виснет в безмолвии

Туча угрюмо:

«Чифкь» – вспышки молний,

«Цяр-рр» – удар грома [5, с. 38].

Стихотворения этого периода представляют собой пейзажные зарисовки, своеобразные эскизы ландшафта, в которых природные образы служат сугубо для оформления фона происходящих событий. Функция природы, таким образом, в большей степени изобразительная. При этом возникают новые речевые приемы: сочетание звукового и словесного образа, создание художественного образа посредством звукоподражательных словоформ и междометий. Однако уже к началу 30-х годов XX века отношения природы и человека в поэзии переходят на качественно новую ступень. «На следующем этапе поэты стремятся через картины природы передать настроение, подметить то новое в чувствах крестьянина, что рождено изменениями его жизни» [4, с. 45]. Лирика использует природные образы как средство раскрытия всей полноты жизни современника. Постепенно возникает необходимость внимания к детали, черты природы конкретизируются, позволяя проявление национальной специфики. Ритмика, средства выразительности и сам характер сюжета в этой лирике зачастую перекликаются с мотивами мордовского фольклора. В результате творческого освоения народных поэтических средств овладение актуальной тематикой приобретает более обобщенное значение, способствуя зарождению натурфилософских мотивов в поэзии природы. Возвращаясь к анализу взаимосвязей мордовского фольклора и поэзии, необходимо отметить, что, по утверждению мордовских литературоведов, на раннем этапе развития национальной литературы писателями были активно задействованы не только формальные, но и содержательные особенности фольклорных произведений. По свидетельству В. И. Рогачева, «поэты активно используют и обрабатывают

фольклорные темы и сюжеты» [6, с. 59]. Средства художественного осмысления действительности, характерные для фольклора, освещаясь новой тематикой, продиктованной временем, позволяли поэтам преодолеть созерцательный характер, свойственный раннему этапу пейзажной лирики, обозначить в ней мировоззренческий подтекст. В стихотворении И. П. Кривошеева «Утренняя заря» в оптимистичной, радостной картине рассвета скрывается стремление человека к гармонии с природным миром, при одновременной склонности к возвеличиванию, обожествлению этого мира:

Огненными нитками вышивала
Платье свое заря,
И, чуть прищуривая глаза,
Она манила меня к себе... [5, с. 78].

По мнению О. И. Бирюковой, «одним из характерных признаков фольклорного влияния на литературу является жанровая преемственность, которая могла быть следствием объективного воздействия преобладающей народно-художественной традиции либо результатом осознанно применяемого писателем художественного приема» [1, с. 35]. Подобный художественный прием, согласно литературоведческим исследованиям, получил яркое воплощение в творчестве мордовских поэтов 20-х годов. В наибольшей степени это касается лирики природы. Так, помимо ряда черт, объединяющих литературное поэтическое произведение с фольклорным, в числе которых важнейшими выступают приемы олицетворения, обращения к живому и растительному миру, стихии.

Совершенно очевидно, что М. И. Безбородов, Н. И. Егоров, И. П. Кривошеев, Я. П. Григошин, Д. Морской и другие поэты начального этапа мордовской литературы так или иначе обращались к двум источникам: поэтическому наследию мордовского народа и опыту русской классической поэзии как наиболее доступным и позволяющим в короткие сроки сформировать собственную поэтическую систему.

М. Н. Салаева, отмечая многообразие функций образов окружающей природы в народной поэзии мордовского народа, сообщает, что «мордовские народные песни о природе описательны, картинны, эмоциональны... В лирических и эпических песнях человек через образы природы выражает себя, свое мироощущение, свое понимание о происходящем вокруг» [7, с. 99]. Аналогичный вывод мы можем сделать на основе анализа авторской мордовской лирики. Именно в фольклорных произведениях заметны первые попытки охарактеризовать природный мир в качестве взаимодействующей с человеческим миром сложной субстанции. При этом определялись не только степень и характер взаимовлияния природы

и человека, но и место человека в мире, его предназначение. Очевидно, что, в числе прочего, из фольклорных традиций заимствовался образ природного мира как созвучного миру человека и тесно взаимодействующего с ним. Так, понятие природы подвергалось оценке с точки зрения влияния ее на человека, что приводило поэтов к первым обобщенным выводам. Эти выводы и явились, на наш взгляд, предвестниками натурфилософских концепций в мордовской поэзии.

Поэзия I половины XX века требовала от литераторов актуальности, связи с современной жизнью. По свидетельству Е. И. Чернова, «красота родного края слита воедино с настроением лирического героя, с его думами и надеждами» [8, с. 24]. Вследствие этого значение описания природы приобретает динамический характер. Эстетический смысл, все еще главенствующий в природных картинах мордовской лирики, постепенно уступает место философскому смыслу.

Декларативный характер пейзажной лирики этого времени обуславливался необходимостью особого отражения действительности. Требовалось передать и донести до читателя окружающий мир как необъятную данность, при ближайшем рассмотрении поражающую воображение. Окрашенные повышенными эмоциональными тонами картины, в которых достоверность соседствовала с пафосным восприятием, воспринимались как самые актуальные. Поэзия, таким образом, призвана была способствовать укреплению нового коммунистического понимания общественных процессов. Признание красоты пейзажа – непременная, но определенно не конечная цель, достижение которой обеспечивает природная лирика. От общения с окружающим миром человек получает разнообразный спектр впечатлений, не ограничивающихся при этом эстетическим характером. Природа выступает творцом творческой энергии, предоставляет лирическому герою возможность облагораживаться и совершенствовать свои нравственные категории. Однако одновременно с этим поэты отмечают и другую немаловажную функцию природного мира. Сущность этой функции сводится к развитию философского осмысления мира и себя как его части. Пытаясь анализировать природные явления, человек наталкивается на факторы, определяющие его роль в круговороте жизни.

Одним из первых способность природы воплощать этапы духовно-нравственного преобразования человеческого сознания демонстрирует Я. П. Григошин. Благодаря четко выстроенной системе формы стиха литературоведы особо подчеркивают роль поэта в формировании мордовской системы стихосложения. Но еще большую роль, на наш взгляд, поэзия Я. П. Григошина

сыграла в возникновении первых четких системных взглядов человека на природный мир. По мнению В. В. Горбунова, «природа и человек в его пейзажной лирике перестали враждовать, и как бы выступая заодно, множат радости жизни» [2, с. 269]. Основное значение здесь получает «сезонная» лирика. Приметы времен года изображаются через посредство ярких эпитетов, метафор и аллегорических сравнений. Весна представляется поэту невестой в пышном уборе. Деревья составляют ее зеленое, роскошное убранство, сверкающее чистотой и свежестью. Они крепки и уверенно стоят на земле («Весна»). Однако с наступлением осени те же образы получают совершенно иную эмоциональную трактовку, напоминая то убогих нищих, просящих милости:

Шапки скинули деревья

Мокнут, мокнут под дождем... [3, с. 5].

То войско, polegшее в неравном бою с врагом:

Пролетело быстро лето,

И цветов погибла рать... [Там же].

Являясь зачинателями мордовской литературы, И. П. Кривошеев и Я. П. Григошин много сделали для развития и пейзажной лирики в частности. Особой их заслугой, по нашему мнению, является создание самобытной системы взглядов на природный мир родного края. Основываясь на тенденциях, развитых в произведениях русской поэзии и мордовского фольклора, писатели выстраивают авторские концепции восприятия природы, пытаются переосмыслить специфику ее взаимодействия с миром человека.

Таким образом, на основе анализа поэтических текстов, мы можем сделать ряд выводов о специфике поэзии Мордовии начала XX века в области изображения сосуществования мира человека и мира природы. Пейзажная лирика данного периода пока еще не содержит глубоких философских размышлений, и поэтому не может быть причислена к натурфилософской. Однако уже в 1920-е годы начинают явственно проступать компоненты натурфилософских концепций. Ориентируясь на три основных базиса – национальный фольклор, русскую классическую поэзию и собственное мироощущение, поэты этого времени создают систему гармоничного взаимодействия двух миров, в основе построения которой заложено восприятие человека как порождения природы, ее части.

Список использованных источников

1. Бирюкова, О. И. Формирование художественных традиций мордовской литературы в контексте социальных и историко-культурных проблем конца XIX – первой трети XX в. (на примере жанра рассказа) : моногр. / О. И. Бирюкова. – Саранск : Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2009. – 140 с.
2. Горбунов, В. В. Поэзия – душа народа (о становлении, развитии и современном состоянии мордовской поэзии) / В. В. Горбунов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1973. – 295 с.
3. Григошин, Я. П. Октябрьские зори : стихи ; пер. с мордовского И. Пиняева / Я. П. Григошин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1980. – 52 с.
4. История мордовской советской литературы / под ред. В. В. Горбунова, Б. Е. Кирюшкина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1968. – Т. 1. – 416 с.
5. Кривошеев, И. П. Стихотворения / И. П. Кривошеев // Антология мордовской поэзии : сб. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1987. – С. 38–42.
6. Рогачев, В. И. Фольклор и литература: уровни взаимодействия / В. И. Рогачев // Актуальные вопросы литературоведения и методики преподавания литературы : сб. науч. работ. Вып. 2. – Саранск : Мордов. гос. пед. ин-т, 2002. – С. 57–59.
7. Салаева, М. Н. Художественные и эстетические функции природы в мордовском фольклоре / М. Н. Салаева // Мордовская филология в контексте национальной культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2006. – С. 99–103.
8. Чернов, Е. И. История мордовской литературы : учеб. пособие / Е. И. Чернов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. – 92 с.
9. Эпштейн, М. Н. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. – М. : Высш. шк., 1990. – 303 с.

Рецензент:

Жиндеева Е. А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы и методики обучения литературе ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева».

Поступила 12.09.2011 г.

УДК 94 : 271.2 : 28 (470.315)
ББК 63.3(2)

Е. Н. Ефремов
E. N. Efremov

**ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНО-МУСУЛЬМАНСКОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)***

**SOCIAL AND HUMANITARIAN MULTICULTURAL EDUCATION
IN THE CONTEXT OF THE ORTHODOX-MUSLIM INTERCULTURAL DIALOGUE
(BASED ON MATERIALS OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA)**

В данной статье рассмотрены вопросы влияния межкультурного диалога православия и ислама на территории Республики Мордовия на формирование поликультурного образования. Данное воздействие распространяется не только на образовательный компонент в рамках светских учебных заведений, но и получает свое выражение в процессе обучения молодежи посредством проводимых социальных мероприятий между православными и мусульманами республики.

Ключевые слова: поликультурное образование, православие, ислам, межкультурный диалог.

This article examines the impact of the Orthodox Christianity and Islam intercultural dialogue in the Republic of Mordovia on the formation of multicultural education. This effect is applied not only to the educational component in the secular schools, but also gets its reflection in the teaching process of young people through social events held between the Orthodox and the Muslims of the republic.

Key words: multicultural education, Orthodox Christianity, Islam, intercultural dialogue.

В процессе строительства нового демократического государства в такой многонациональной стране, как Россия, особое значение в системе региональной социальной политики Российской Федерации (далее – РФ) в отношении ее субъектов занимает этнополитика. Современная парадигма этнополитики предполагает нацеленность на создание условий полноценного совместного проживания народов, принадлежащих к различным конфессиям с целью сохранения и дальнейшего развития нашей страны единой, с прочной экономикой и духовным потенциалом.

Гармонизация этноконфессиональных процессов зависит от многих направлений национальной политики, среди которых одним из важнейших является формирование в рамках современной системы социально-гуманитарного образования поликультурного образования, направленного на воспитание толерантной личности, подготовленной к гармоничному существованию в многонациональной среде.

Отличительной особенностью поликультурного образования России является вовлечение

в процесс его разработки не только государства, учебных заведений, светских общественных организаций, но и религиозных структур, заинтересованных прежде всего в его содержательном аспекте, среди которых особое положение занимают такие традиционные и влиятельные конфессии, как православное христианство и ислам суннитского толка.

В настоящей статье рассмотрим развитие поликультурного образования на территории многонациональной Республики Мордовия (далее – РМ) с учетом влияния на данный процесс православно-мусульманского взаимодействия.

Первые попытки воздействия православия и ислама на систему образования, предусматривающего воспитание уважения к представителям различных национальностей, были предприняты на территории Среднего Поволжья, в том числе Мордовского края, в рамках школьной системы обучения в конце XIX – начале XX в., что было связано с появлением джадидизма – просветительского движения российских мусульман во главе с И. Гаспринским, а также миссионерско-педагогической системы Н. И. Ильминского.

Политика гонений на религии в годы советской власти сделала невозможным продолжение каких-либо православно-мусульманских взаимоотношений. Только с 1990-х гг., после

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума в контексте синергично антропологической парадигмы» (ГК № 14.740.12.1351).

распада СССР, начался интенсивный общероссийский процесс культурного и организационного возрождения православия и ислама, затронувший и Республику Мордовия, что создало предпосылки для актуализации традиций православно-мусульманского взаимодействия и диалога.

Говорить о влиянии православно-мусульманского диалога в 1990-е гг. на развитие этноконфессионального образования не приходится, так как в этот период данные конфессии делали первые шаги к своему организационно-структурному возрождению. Так, в феврале 1991 г. была учреждена Саранская и Мордовская епархия, а в сентябре 1997 г. открыто Саранское Духовное училище [7, с. 201]. Централизованные структуры мусульманской общины Мордовии возникли значительно позже. В результате раскола аль-уммы России, 9 декабря 2000 г. было образовано Региональное Духовное управление мусульман РМ (далее – РДУМ РМ) в селе Белозерье, ориентирующееся на муфтия Талгата Таджутдина (Уфа), а уже вскоре, осенью 2000 г. – Духовное управление мусульман РМ (далее – ДУМ РМ), поддерживающее Рауиля Гайнутдина в Москве [3, с. 200–201]. А относительно недавно, в сентябре 2008 г., был создан третий муфтият – Центральное Духовное управление мусульман РМ (далее – ЦДУМ РМ) [10, с. 3].

Вовлечению православия и ислама в процедуру разработки поликультурного образования в Мордовии способствовала главным образом инициатива государства по введению в средних школах преподавания социокультурных основ религий. Несмотря на перспективность данного направления в деле укрепления межконфессионального взаимодействия, первоначально оно характеризовалось недостаточной продуманностью применительно к его реализации в такой многонациональной стране, как Россия. Главным спорным моментом стала попытка Минобразования и Русской православной церкви (далее – РПЦ) в 2006 г. ввести в средней школе преподавание только «Основ православной культуры» (далее – ОПК) в некоторых субъектах РФ, что вызвало эффект «разорвавшейся бомбы» [6, с. 22].

Подобное положение дел привело к расколу российского общества. Достаточно точно, на наш взгляд, данный конфликт охарактеризовал исследователь А. В. Мартыненко, указавший в лагере противников введения данного школьного предмета российских мусульман, представителей других конфессий и выразителей самых разных взглядов. Их возражения сводятся к единому мнению, согласно которому новая учебная

дисциплина – скрытое или явное «навязывание» православия детям иных культурных и религиозных традиций [7, с. 75].

Обозначенная проблема не обошла стороной и Республику Мордовия. Не в последнюю очередь это связано с выходом под эгидой Министерства образования РМ в 2006 г. учебника «Основы православной культуры» для седьмых классов общеобразовательных учреждений Мордовии (авторы – сотрудники Мордовского государственного университета А. И. Белкин, М. Ю. Грыжанкова), что вызвало недовольство, в том числе местных мусульман (представителей второй по численности конфессии Мордовии после православной).

Так, по словам имама ДУМ РМ И. М. Исхакова «введение преподавания только ОПК в школах Мордовии вызывает большую озабоченность, так как нарушает учет интересов всех конфессий; мы выступаем за изучение в школах сущности всех религий, их традиций и обрядов, что должно способствовать развитию толерантности и уменьшению экстремистских настроений. Государство не оставляет нам другого выбора, как проявлять протест всеми законными методами, устраивать шествия и демонстрации» [9].

Однако до открытых выступлений дело не дошло благодаря позиции властей, которые в «республиканский компонент» школьной программы решили включить преподавание социокультурных основ и мусульманской культуры. В связи с этим почти сразу же с ОПК был издан школьный учебник А. В. Мартыненко для восьмого класса – «Основы мусульманской культуры» (далее – ОМК) и начиная с 2006–2007 учебного года ОПК и ОМК были введены как новые курсы.

Без преувеличения на сегодняшний день «мордовский опыт» с параллельным введением в школах РМ изучения православия и ислама является для российского общества уникальным, так как представляет собой наиболее компромиссный выход из сложившейся конфликтной ситуации. Данное положение дел способствовало не конфронтации между православием и исламом в Мордовии, а формированию доброжелательного межкультурного православно-мусульманского диалога в отношении развития поликультурного образования в регионе.

Так, например, в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева состоялся круглый стол «Ислам и межконфессиональный диалог», в котором приняли участие муфтий ДУМ РМ Р. Х. Халиков, представители СДУ, которые в рамках обсуждения актуальных

проблем межрелигиозного диалога в РМ высказывали пожелания и методические рекомендации к преподаванию ОПК и ОМК, а также требования, необходимые для подготовки педагогов для ведения этих дисциплин [4, с. 1].

Распространение преподавания светских основ религий получило распространение и в высших учебных заведениях РМ. Так, к примеру, в Мордовском гуманитарном институте по согласованию с СДУ и ДУМ РМ с 2009 г. для студентов первого и второго курсов юридического факультета изучается факультативный курс «Основы духовной культуры», включающий рассмотрение социокультурных основ всех традиционных для России религий [1].

Межкультурный православно-мусульманский диалог оказывает воздействие на формирование поликультурного образования не только в учебных заведениях, выражением этноконфессионального обучения являются проводимые некоторые социальные мероприятия между православными и мусульманами республики. Примером тому служит ежегодно проводимый для молодежи с начала 2000-х гг. по инициативе СДУ Межрегиональный турнир – фестиваль традиционных боевых искусств народов России «Весенние ристания», где в работе секционных заседаний обсуждаются конфессиональные проблемы региона, ориентирующие участников на толерантное отношение к различным этносам Мордовского края. В качестве экспертов на данных мероприятиях традиционно выступают представители ДУМ РМ, РДУМ РМ, а также Саранской и Мордовской епархии и СДУ [5, с. 1].

Сегодня очевидно, что все усилия, направленные на укрепление межнационального согласия в РМ не будут результативными без воспитания у молодежи разных национальностей культуры межнациональной терпимости с учетом позиций православия и ислама как основных и традиционных конфессий Мордовии. Поэтому с середины 2000-х гг. на процесс

формирования поликультурного образования и обучения непосредственное воздействие оказывает православно-мусульманский межкультурный диалог, который в данном направлении получает свое первое развитие.

Список использованных источников

1. Архив Духовного Управления мусульман Республики Мордовия. Письмо Мордовского гуманитарного института ДУМ РМ. – Входящие письма за 2008 г. – 1 л.
2. Грачев, С. В. Православное христианство и ислам в Мордовии: проблемы межкультурного диалога / С. В. Грачев, А. В. Мартыненко, Н. В. Шилов // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 2005. – № 177. – 35 с.
3. Силантьев, Р. А. Ислам в современной России. Энциклопедия / Р. А. Силантьев. – М. : Алгоритм, 2008. – 576 с.
4. Ислам в Мордовии. – 5 окт. 2007. – № 10 (83). – С. 1.
5. Ислам в Мордовии. – 1 июня 2007. – № 6 (79). – С. 1.
6. Кротов, Я. Церковный покров над светской школой / Я. Кротов // Еженедельный журнал. – 2002. – С. 21–23.
7. Ислам в средней школе: за и против / А. В. Мартыненко // Странник. – 2007. – № 4. – С. 74–79.
8. Мартыненко, А. В. Православие и ислам в России: история и современность / А. В. Мартыненко // Странник. – 2005. – № 6. – С. 193–202.
9. Полевые материалы автора. Информатор Исхаков И. М., 1982 г. р., с. Большая Елховка Республики Мордовия, 2009.
10. Юлдаш. – 8 окт. 2008. – № 40. – С. 3.

Резензент:

Мартыненко А. В. – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева».

Поступила 16.09.2011 г.

УДК 342

ББК 67

С. М. Иванов

S. M. Ivanov

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO A COURT PROTECTION IN ADMINISTRATIVE LEGAL RELATIONS

В статье рассматриваются общетеоретические и политико-правовые аспекты конституционного права на судебную защиту применительно к административным правоотношениям. Анализируются правовые позиции Конституционного Суда РФ по данной проблематике. Делаются выводы о необходимости детализации нормативно-правовой регламентации данного института.

Ключевые слова: суд, право, власть, личность, ответственность, реализация, гражданин.

The article deals with general theoretical and political and legal aspects of the constitutional right to judicial protection in relation to administrative legal relations. It examines the legal position of the Russian Constitutional Court on this issue. The author comes to the conclusion that the itemization of the legislative regulations of this institution has to be worked out in detail.

Key words: court, law, power, personality, responsibility, realization, citizen.

Конституционный принцип правового государства, возлагающий на Российскую Федерацию обязанность в первоочередном порядке признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина в качестве высшей ценности, обуславливает признание и гарантирование каждому государственной, прежде всего судебной, защиты его прав и свобод в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и Конституцией РФ. Особое значение конституционно-правовая охрана прав и свобод приобретает в отношениях с государством, связанных с применением административно-правовых санкций, так как возможности применения последних должен противостоять процессуальный механизм защиты от незаконного (необоснованного) привлечения к административной ответственности.

Уровень судебной защиты прав граждан рассматривается как основной показатель места судебной власти в обществе, показатель демократичности самого общества. В ряде случаев судебная защита – единственное средство правовой защиты человека (например, реабилитация незаконно осужденного или привлеченного к уголовной ответственности лица, установление отцовства, признание без вести пропавшим или объявление умершим). Характер судебной защиты позволяет считать ее универсальным, а потому наиболее эффективным способом защиты нарушенных прав и свобод личности, так как основной чертой судебной защиты является ее неограниченность, или всеобщность.

Во-первых, судебная защита распространяется на неограниченный круг лиц, поскольку правом на судебную защиту обладают не только граждане, но и их объединения. Конституция РФ применительно к субъекту, права и свободы которого обеспечиваются судебной защитой, употребляет термин «каждый», подчеркивая тем самым неперсонифицированность судебной защиты, отсутствие каких-либо формализованных ограничений на использование этого способа защиты субъективного права и законного интереса. Судебные решения обязательны для всех субъектов права, и в этом проявляется сила судов как государственной власти. Суды выносят решения от имени государства, и государство обеспечивает исполнение этих решений. При этом право на судебную защиту гарантируется не только гражданам России, но и иностранцам, и не имеющим гражданства лицам (апатридам). Указание Конституцией на защиту прав человека и гражданина отражает стремление восстановить те общечеловеческие ценности, которые не зависят от принадлежности к государству, но являются естественными, принадлежащими человеку от рождения. Государственная защита этих прав и свобод состоит в невмешательстве государства в их свободную реализацию и ограждении от иного постороннего вмешательства.

Во-вторых, судебной защите подлежат все без исключения права и свободы – и те, которые принадлежат ему в силу прямого указания Конституции РФ и иных законов, и те, которые не имеют нормативного закрепления, но не противоречат

закону. Право на судебную защиту как закрепленное законом, имеющим высшую юридическую силу, является непосредственно действующим (ст. 15 Конституции РФ) вне зависимости от наличия соответствующей процедуры его реализации. Именно поэтому Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» обязал суды обеспечить надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина, рекомендовал в ряде случаев непосредственно применять Конституцию РФ, в том числе при отсутствии федерального закона, который должен регулировать рассматриваемые судом правоотношения. Отсутствие прямых указаний в законе не может служить основанием для отказа в праве на обжалование в суде любых действий и решений, в том числе органов расследования и прокуроров. Учитывая это, Конституционный Суд РФ принял ряд постановлений о неконституционности законов, в которых отсутствует указание на возможность обращения в суд.

В-третьих, в полном соответствии с Пактом о гражданских и политических правах, обязывающим государство обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве, Конституционный Суд РФ в ряде постановлений указал на возможность обжалования в суде решений и действий (бездействия) любых государственных органов [12]. Права, нарушенные судом, не могут быть исключены из числа объектов судебной защиты. Правовая позиция Конституционного Суда, заключающаяся в утверждении, что право на судебную защиту предполагает право на охрану прав и законных интересов не только от произвола законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных решений суда, имеет принципиальное значение.

В-четвертых, судебная защита относится к числу прав, которые не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, Постановление Конституционного Суда РФ от 13 ноября 1995 г. по делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 209 УПК РСФСР), поскольку ограничение этого права ни при каких условиях не может быть обусловлено необходимостью достижения признаваемых Конституцией РФ целей (защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства). Анализ Конституции РФ, в частности ст. 2, 17–29, 33, ч. 3 ст. 35, ст. 45–56, 123, свидетельствует, что она содержит ряд общих

(декларативных) норм, а также норм непосредственного действия, обеспечивающих лицам, подозреваемым и обвиняемым в совершении правонарушений, право на защиту. Исходя из данных конституционных предписаний, есть веские основания полагать, что право лица, привлекаемого к юридической, в том числе административной ответственности, на защиту является одним из правомочий, гарантированных Конституцией РФ и международными договорами (ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

В юридической науке традиционно принято характеризовать субъективное право как установленные и охраняемые государством вид и меру возможного поведения управомоченного лица (субъекта). При этом субъективное право может выступать как право-поведение, право-требование, правопритязание и правопользование [7]. На основании такого подхода право на защиту в производстве по делам об административных правонарушениях также можно разделить на составляющие элементы, из которых складывается его нормативное содержание.

Право на защиту как право-поведение выражается в совокупности юридических возможностей, которыми лицо наделяется в целях доказывания своей невиновности либо смягчения ответственности [10]. Право на защиту как право-требование заключается в том, что субъективному праву лица корреспондируют юридические обязанности представителей юрисдикционной власти, реализации которых вправе требовать обладатель соответствующего права. Право на защиту как правопритязание проявляется в том, что лицо вправе обжаловать действия органов и их должностных лиц, препятствующих осуществлению его права на защиту. Право на защиту как право-пользование подразумевает возможность пользоваться на основе права на защиту социальными неимущественными благами (например, услугами защитника) в целях реализации, обеспечения, защиты и восстановления прав и интересов лица.

Таким образом, право на защиту представляет собой гарантированную меру возможного поведения лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, выражающуюся в совокупности правовых возможностей для доказывания невиновности либо смягчения ответственности; в возможности требования от судьи, должностных лиц, органа, прокурора, в производстве которых находится дело, исполнения обязанностей, корреспондирующих правам данного лица, а также обжалования их действий (бездействия) и решений [8].

Оно конкретизируется в комплексе процессуальных правомочий, которыми наделяется это лицо. В то же время, как и любое иное субъективное право, право на защиту не является абсолютным и может быть реализовано только в определенных границах.

Провозглашенное ст. 46 Основного закона страны право на судебную защиту представляет собой сложное, многофункциональное и многовариантное явление, что обуславливает наличие различных взглядов на понятие судебной защиты. В науке судебную защиту рассматривают как институт конституционного права, вид государственной защиты прав и свобод личности, как общественное отношение и государственную функцию [5].

Иногда судебная защита отождествляется с правосудием или рассматривается как гарантия доступа к нему [6].

В уголовно-процессуальной науке судебную защиту освещают как «совокупность организационных и процессуальных правил, предоставленных подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему для защиты своих прав и законных интересов» [13].

В теории права судебная защита рассматривается как составная часть правоохранительной функции государства [9].

Однако действующее законодательство не проводит явных границ между юридическими понятиями «право личности на судебную защиту» и «судебная защита прав и свобод» [11]. В научной литературе иногда происходит смешение, а то и отождествление этих категорий. Между тем, несмотря на их схожесть и близость, они не являются синонимами. Каждое из них, на наш взгляд, имеет свое содержание. Поэтому возникает теоретическая и практическая потребность, с одной стороны, в более четком разграничении указанных понятий, а с другой – в уяснении проблем соотношения этих относительно самостоятельных правовых явлений.

Вновь возвращаясь к тексту Конституции РФ, обратим внимание, что она, признавая человека, его права и свободы высшей ценностью, прежде всего, гарантирует их государственную защиту (ст. 45). Ее осуществляют все органы власти и управления, структурно входящие в механизм государства [1]. Для эффективного выполнения этой задачи они наделяются соответствующим объемом властных полномочий и набором юридических средств. Система органов государства и правовых средств, с помощью которых достигается реализация прав, свобод и законных интересов человека, получила в науке такое название, как «государственно-правовой механизм обеспечения прав и свобод личности» [2].

В специальной литературе совершенно верно отмечается, что судебная защита, с одной стороны, представляет собой вид государственной защиты, поскольку она осуществляется органом государства – судом, а с другой – она является разновидностью правовой защиты, так как суд при выполнении своих функций руководствуется правовым инструментарием [3]. Суд, рассматривая конкретное дело и устанавливая вопросы факта, связан процессуальными правилами, а разрешая спор по существу, применяет нормы материального права.

В государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека судебной защите отводится главенствующая роль. По мнению многих исследователей, она является наиболее цивилизованной и эффективной из всех выработанных мировой практикой способов охраны прав личности, а уровень судебной защиты – основной показатель правового характера государства и демократичности общества [4].

Представляется, что здесь важно назвать те позитивные свойства института судебной защиты, которые ей присущи и отличают ее от других форм государственной защиты. Ими являются: 1) особая юрисдикция суда; 2) универсальность (или всеобщность) судебной защиты; 3) надлежащая внутренняя и внешняя организация суда; 4) независимость суда; 5) связанность суда юридическими процедурами; 6) наличие судебной инстанции; 7) окончательность принимаемых судебных актов и обязательность их исполнения.

Перечисленные признаки судебной защиты подчеркивают, по нашему мнению, ее верховенство во всей системе государственной защиты. Иными словами, судебная защита представляет собой вершину всей государственной правозащитной пирамиды.

Список использованных источников

1. Алексеева, Л. Б. Применение судами международных норм в области прав человека: комментарий российского законодательства / Л. Б. Алексеева. – М., 1997. – С. 31–35.
2. Андреев, Ю. Н. Судебная защита прав граждан / Ю. Н. Андреев. – Воронеж, 1999. – С. 19–20.
3. Анохин, Ю. В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ю. В. Анохин. – Саратов, 2007. – 50 с.
4. Артемова, С. Т. Конституционно-правовые основы судебной защиты прав человека и гражданина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Т. Артемова. – Саратов, 2005. – 40 с.
5. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации / М. В. Баглай, Б. Н. Габричидзе. – М., 1996. – С. 512.

6. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов // Международная жизнь. – Саратов, 1990. – № 9. – С. 135.

7. Матузов, Н. И. Теория и практика прав человека в России / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 21.

8. Микулин, А. И. Право на защиту в производстве по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Микулин. – Омск, 2009. – 30 с.

9. Синюкова, Т. В. Юридические гарантии как метод регулирования правового положения личности / Т. В. Синюкова // Вопросы теории государства и права : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 1991. – Вып. 9. – С. 150.

10. См. например: Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 № 593-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баландина Игоря Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

11. См. например: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с

жалобой гражданки В. В. Чадаевой» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – 21 июня. – № 25. – Ст. 3246.

12. См. например: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2011 № 6-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СтройКомплект» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – 09 мая. – № 19. – Ст. 2769; Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2010 № 1468-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Василия Александровича на нарушение его конституционных прав главой 30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» и др.

13. Толкачев, К. Б. Личные конституционные права и свободы граждан СССР: система, характеристики, особенности реализации / К. Б. Толкачев, А. Г. Хабибулин. – Уфа, 1990. – С. 46.

Рецензент:

Дудко И. Г. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственного и административного права ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева».

Поступила 01.09.2011 г.

УДК 373.5.016 : 821. 161. 1
ББК 83.3 Р6

О. С. Курдяшова
O. S. Kirdyashova

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМНО-ЦЕЛОСТНОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ-ПОСТМОДЕРНИСТОВ В ШКОЛЕ*

REASONABILITY OF SYSTEM-INTEGRAL ANALYSIS IN STUDY OF POSTMODERNIST WRITERS AT SCHOOL

В статье обосновывается целесообразность обращения при изучении школьниками постмодернистской прозы к системно-целостному анализу, рассматриваются приемы обучения старшеклассников данной разновидности анализа. Теоретические положения иллюстрируются примерами, которые могут быть использованы в школьной практике преподавания литературы.

Ключевые слова: приемы обучения, постмодернистская проза, системно-целостный анализ, интерпретация.

Reasonability of turning to systemic-holistic analysis while learning postmodern prose by pupils is motivated in the article, the methods of teaching of senior classes to this kind of analysis are also considered. Theoretical positions are illustrated by examples which can be used in school practice of literature teaching.

Key words: methods of teaching, postmodern prose, systemic-holistic analysis, interpretation.

* Работа проводилась при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Методология, теория и практика проектирования гуманитарных технологий в образовании» (№ 02.740.11.0427).

Методология целостного анализа предполагает, что каждый выделяемый в процесс изучения значимый элемент литературного произведения должен рассматриваться как определенный момент становления и развертывания художественного целого, как своеобразное выражение внутреннего единства действительности, мысли и слова, его эстетически значимой организации. Выбор целостного анализа из множества других обусловлен разными причинами, одна из которых кроется в самой природе постмодернистского текста, так как произведения, изучаемые на уроках литературы в старших классах, сложны для восприятия, постижения их смысла и объективной оценки и многие содержательные элементы скрыты. Следует помнить, что литературное произведение – это целостная, идейно-эстетическая, художественная система, живой организм, в котором все элементы находятся во взаимодействии, поэтому какой бы ни был взят для анализа элемент, он должен рассматриваться как часть единого содержательного целого. Задача анализа заключается в том, чтобы установить функциональную роль и связи изучаемых элементов с другими во всей идейно-художественной системе произведения. «Анализируя, мы одновременно и уходим от целого, и постоянно помним о нем, мы видим художественно частное в свете художественно целого. Частное в таком случае оказывается исходным материалом анализа, целое – его конечной целью» [4, с. 8]. Соблюдение этого принципа помогает отчетливее увидеть закономерные связи художественного произведения, увидеть его внутреннее единство.

При целостном анализе учитель вместе с учениками обращается с первых же уроков и к поэтике произведения, и к стилевым предпочтениям писателя в целом, и к обрисовке писательского мировоззрения. Задача учителя заключается в том, чтобы научить старшеклассников анализу такого рода текстов, сформировать у них умения выявлять тематику и проблематику, определять авторские оценки, авторскую позицию и замысел произведения, при анализе раскрыть не только основную идею текста, но и рассказать учащимся основные принципы постмодернизма.

В трудах отечественных литературоведов (А. Н. Андреева, А. Б. Есина, М. М. Гиршмана, Б. О. Кормана, Н. Д. Тмарченко и др.) представлены различные подходы к целостному анализу литературного произведения, к истолкованию его специфики, обоснованы всевозможные принципы, пути, способы, методы и приемы анализа. Многие из них определяют системно-целостный анализ как рассмотрение произведения как целостной системы, его художественного мира во всем единстве его отдельных компонентов.

Целью нашей статьи является выбор и обоснование наиболее целесообразных приемов обучения старшеклассников системно-целостному анализу при изучении произведений русского постмодернизма.

По словам известного литературоведа А. Б. Есина, «только при целостном взгляде на систему можно определить, какие стороны, элементы и связи в ней существенны, а какие носят вспомогательный характер» [3, с. 192]. На первом этапе применения целостного анализа необходимо осознать впечатление от прочитанного и, проверив его перечитыванием, сформулировать на понятийном уровне. Анализ призван объяснить неясное, помочь постичь объективный смысл произведения. В процессе анализа учитель совместно с учащимися раскрывает проблемы, поставленные автором в произведении, и способы их решения. Первичное читательское восприятие не всегда бывает правильным, и задача учителя при разборе произведения помочь учащимся понять истинный смысл текста.

Системно-целостный анализ предполагает рассмотрение произведения с разных сторон: обращение к истории создания произведения и определение его жанровой специфики; характеристика композиции (архитектоники, структуры), выделение и осмысление основных ее элементов; анализ пространственно-временной организации произведения, системы образов; выявление элементов интертекста, определяющих связь анализируемого произведения с другими произведениями русской и мировой литературы; изучение особенностей языка (лексического состава, изобразительно-выразительных средств и их функциональной роли); обобщающая характеристика идейно-эстетического содержания (идейного мира) произведения.

В классах с углубленным изучением литературы при разборе новейшей русской литературы для системно-целостного анализа можно предложить рассказ Т. Толстой «Соня».

Рассказ о высокой любви, которая победила буквально все: зло, цинизм, одиночество – все, кроме смерти. Компания злоязыких остроумцев затеяла весёлый розыгрыш – переписку с несчастной простушкой Соней от имени Николая, «загадочного воздыхателя, безумно влюбленного, но по каким-то причинам никак не могущего с ней встретиться лично» [5, с. 10]. Но эта мнимая любовь составила смысл существования одинокой возвышенной души и даже увенчала жизнь подвигом самоотречения.

В системно-целостном анализе серьезное внимание уделяется обсуждению **образов главных героев**. В центре рассказа «Соня» – две женские судьбы. Время действия – предвоенная

пора, герои молоды, счастливы, полны надежд. Появление нового лица – Сони – вносит приятное разнообразие в их жизнь и обещает новое приключение.

При описании портрета Сони автор отмечает нелепую внешность, нелепую одежду. Во всех ее чертах усматривается что-то «лошадиное», «голова как у лошади Пржевальского», «грудь впалая, ноги такие толстые, будто от другого человеческого комплекта», «косоплые ступни». Преувеличенность образа Сони дополняется постоянно «плюющей верхней губой, приоткрывавшей длинные, костяного цвета зубы». Она и одевалась «не от мира сего», просто «ужасно», «безобразно»: «Что-то синее, полосатое, до такой степени к ней не идущее», «под челюстью огромный висячий бант блузки торчит из твердых створок костюма, и рукава слишком длинные» [5, с. 6].

Жизнь Сони состоит из сплошных «идиотских» событий и поступков. Соня постоянно попадает в нелепые ситуации. «Так, если на поминках Соня бодро воскликнула: «Пей до дна!» – то ясно было, что в ней живы недавние именины, а на свадьбе от Сониных тостов вяло вчерашней кутьей с гробовыми мармеладками» [Там же, с. 5]. К «недостаткам» героини относятся и ее незаменимость, и любовь к детям, и любовь ко всем людям вообще. Очень интересен набор лексических средств, передающих разговоры о Соне: «пользоваться», «перебрасывать», «разумная очередь». Окружающие бессовестно используют ее.

Образ Сони дополняют люди, которые ее окружают. В процессе анализа учащимся целесообразно задать следующие вопросы: *Кто называет Соню душой? Кто эти люди, которые ее окружают? Как характеризует их автор? Что мы знаем о судьбах этих людей? Их имена? Что они написали? С какой интонацией рассказывает о них автор?* Все знакомые, общество, которое окружает Соню, называют ее «душой», а сами себя – интеллектуалами. Однако в памяти о них, кроме названий концертных записей, книг, монографий по искусству, ничего не осталось. Автор с иронией говорит, что это «интересные, по-настоящему содержательные люди».

«Эпистолярный роман», придуманный этим обществом во главе с Адой, – единственная отдушина в жизни Сони, ему она отдает все силы и в нем же черпает энергию. Она столько времени копила и сдерживала в себе чувства, а теперь они «разгорелись неугасимым пламенем любви». Она уже не мыслила своей жизни без этой любви, ради нее она готова была на все. Она жертвует собой во имя человека, носящего имя Ада, а это означает, что героиня добровольно

принимает адские муки и страдания. Значимость данного поступка еще более усиливается приемом, который в данном случае использует Т. Толстая – это прием «говорящих» имен. В аспекте сказанного с учащимися можно обсудить вопрос о том, *каким смыслом наполняют имя Соня русские писатели?* Данное имя не случайно, стоит вспомнить таких литературных героинь, как Сонечка Мармеладова Ф. Достоевского и Сонечка Л. Улицкой. После обсуждения следует задать вопрос: *Что общего у этих героинь?* Соня своей жизнью искупает грехи окружающих ее людей, становясь в один ряд с Соней Мармеладовой; героинь объединяет бескорыстие, умение любить, готовность к самопожертвованию, неприспособленность к жизни, любовь к детям.

В образе Сони можно обнаружить также черты героини рассказа А. И. Солженицына «Матренин двор» Матрены Васильевны. Эта параллель помогает найти ключ к пониманию характера Сони. Она, как и Матрена, живет не для себя, а для людей. Этих героинь отличает совершенное бескорыстие, согласие с окружающим миром, даже если он жесток и несправедлив по отношению к ним. Природная неспособность попенять на судьбу, на людей, на время, незлобивость и доступность людям – все это составляет характер праведника, Сонин характер.

В завершение характеристики образа можно обсудить важный вопрос: *Была ли счастлива Соня?* Т. Толстая дарит Соне мечту, сказку, но, как справедливо заметил А. Генис, «Толстая отнюдь не добрый волшебник, и сказки у нее с плохим концом. Мир страшен сам по себе. Жизнь изначально трагична уже потому, что подчиняется времени» [1, с. 150].

За нелепой внешностью Сони таится чистая, возвышенная, романтическая душа. Ее непривлекательная внешность изначально оправдывает веселый розыгрыш приятелей, решивших подшутить над чувствами «глупой» женщины. Однако автор тут же оговаривается: «По прошествии некоторого времени кристалл Сониной глупости засверкал иными гранями, восхитительными в своей непредсказуемости» [5, с. 5].

Следующей героине – Аде Адольфовне – автор дает схематичную портретную характеристику: «Женщина острая, худая, по-змеиному элегантная». Отвечая на вопрос: *«Какой мы видим Аду в начале рассказа?»*, учащиеся, вслед за автором, отмечают ее красоту. Она всегда и во всем была первая, в 1933 году находилась в своей лучшей форме, чему в немалой степени способствовало ее увлечение теннисом, байдарками, окружение толпы поклонников.

Ада Адольфовна задумывает веселую шутку, настоящее приключение, решив переписываться с Соней от имени Николая. Характеризуя образ Ады, целесообразно учащимся задать следующие вопросы: *Из-за чего Ада Адольфовна решает начать переписку Сони и Николая? Почему не хочет прервать Сонину переписку с Николаем?* Соня оказалась самой счастливой потому, что верила в любовь. Красавица Ада Адольфовна впоследствии позавидовала ей и решила наказать Соню. Мотив любви в произведении трансформируется, выдуманная любовь превращается в реальную. После этого Ада Адольфовна начинает понимать, что не сумеет отнять у Сони самую главную иллюзию – любовь к Николаю.

Образы Сони и Ады противопоставлены в рассказе, что показано через важную предметную деталь, деталь символическую, которая становится носителем центрального мотива произведения – мотива любви. Это брошка – эмалевый голубок, – которую Соня вложила в конверт с письмом Николаю: «В письме, приложенном к голубку, Соня клялась непременно отдать за Николая свою жизнь или пойти за ним, если надо, на край света» [5, с. 13]. Брошка для Сони – это часть души, самый ценный предмет ее жизни. У Ады Адольфовны тоже есть брошка: «Большая камешка приколата у горла, на камешке кто-то кого-то убивает: щиты, копья, враг изящно упал», но она символизирует уже другое: за красивой внешностью Ады скрывается «змеиная душа».

В завершении анализа следует ответить на вопросы: *Как живет Ада во время войны? Какой предстает Ада Адольфовна в конце рассказа?* Во время войны Ада Адольфовна было очень тяжело, от неминуемой смерти ее спасает Соня. Она принимает исхудавшую, с почерневшим лицом Аду за Николая и отдает последнюю баночку довоенного томатного сока. В конце рассказа Ада Адольфовна – 90-летняя парализованная старуха, она никому не нужна, она никем не любима. Соня же прожила свою жизнь счастливо, она осталась в памяти людей, спасла своего Николая от неминуемой смерти, ушла в небытие в самый счастливый момент своей жизни.

Не менее важным в рассказе является образ автора-повествователя. Автор старается не показывать личного отношения к происходящему, но он не равнодушен к своим героям. Через отдельные слова, фразы становится понятно, что он жалеет их, маленьких и беспомощных, перед лицом судьбы. Так, при описании одного из представителей того самого общества, которое

подшучивает над главной героиней, – Льва Адольфовича, автор подчеркивает: «Негодяй в сущности, но умнейший человек и в чем-то милага». Повествователь в данном случае выступает как ироничный свидетель происходящего.

В процессе системно-целостного анализа важным представляется рассмотрение **пространственно-временной организации рассказа**.

Учащиеся должны перечислить приметы времени и пространства. Схематично время и пространство можно определить следующим образом: до войны – война – послевоенное время: Ленинград, квартира Ады. Т. Толстая ставит Соню вне времени, возвышая ее над ним, поэтому роль времени в рассказе необычно велика, время и сосуществует с главными героями, и одновременно оторвано от них. Присутствие некоторого движения ощущается постоянно, круговорот делает все противоречивым и непостоянным, время то стремительно мчится, уносясь в неизвестность, в другой, ирреальный мир, то останавливается. Образ ирреального времени вырастает до всеобъемлющего образа мнимого существования, ситуация параллельного существования реального и ирреального миров, смешение функций добра и зла, честности и лжи становятся буднями, привычкой, тупиком, выход из которого сложно найти в жизни. В данном случае жизнь кажется чередой бесконечно сменяющихся друг друга событий, но, с другой стороны, она мимолетно, как мгновение.

Мир, в котором живет Соня, и есть то несбыточное для других пространство. В нем она бесконечно счастлива, несмотря на все жизненные ситуации, устраиваемые ей «нормальными» людьми, неспособными понять и проникнуть в тайну Сониного бытия. Маленький мир Сони становится единственно важным и реальным в рассказе.

Следующим этапом работы над текстом является **анализ содержательной стороны рассказа**, предполагающий пояснение, толкование основных литературоведческих понятий, необходимых для осмысления произведения. Учащиеся должны осмыслить вопросы и выполнить следующие задания: *Определите тему и идею рассказа. Как вы понимаете смысл названия рассказа? Как можно определить конфликт рассказа? В чем особенность композиции и структуры рассказа?* Они подчеркивают, что темой рассказа является «вечная» тема любви. Жизнь скрыла от Сони пошлую правду о ее любви и оставила светлое, наполнившее всю Сонину жизнь чувство. При определении смысла названия рассказа, обсуждения вопроса:

«Почему Т. Толстая называет рассказ именем Сони, а не Ады?», отмечается, что самое большое чудо в своей жизни – спасительную баночку с соком – Ада не заслужила.

При рассмотрении произведений писателей-постмодернистов целесообразно обратить внимание на то, что постмодернистские тексты состоят из аллюзий, реминисценций и цитат. С учетом этого следует обнаружить в рассказе аллюзии, реминисценции, цитаты и ответить на вопросы: «Какова их функциональная роль? Насколько они помогают раскрытию поставленных в произведении проблем? Какие особенности (признаки) постмодернистского произведения характерны для анализируемого рассказа?» Ответы на вопросы приводят к выводу, что Т. Толстая в рассказе «Соня», как и Ф. М. Достоевский в «Бедных людях», применяет эпистолярный жанр, однако, он служит неким опровержением первоначально заложенного смысла, поскольку основан на лжи, лицемерии, интриге. Для рассказа характерны ассоциативность (обилие аллюзий, реминисценций, цитат); фрагментарность (нет сквозного сюжета); своеобразный ритм; ирония; интертекстуальность.

Интересным представляется и анализ использованных автором художественных средств.

Т. Толстая утверждает, что в любом ее произведении есть фраза, которая является ключом к тексту и открывает суть ее произведения. *Какая это фраза? В чем ее смысл?* «Голубков огонь не берет», – в эти слова вложена мысль о вечности и истинности любви. В пространстве и времени – любовь, красота души, добро вечны.

Соня идет с баночкой сока к своему Николаю. *Кого она увидела? Кому отдала бесценную баночку сока?* Учащимся можно предложить несколько вариантов ответа для того, чтобы проверить, как они поняли данную ситуацию и смысл рассказа в целом:

- 1) материализовавшемуся Николаю?
- 2) Соня приняла Аду за Николая?

3) Соня поняла, что это Ада, но это было уже не важно. *«Она благословила свою счастливую судьбу и ушла за водой, чтобы больше никогда не вернуться»* [5, с. 16]?

В завершение анализа учащиеся приходят к выводу о том, что Т. Толстая рассматривает ситуацию, характерную для поведения молодых и довольных жизнью людей, объединенных в коллектив, в компанию. Желание помочь привело героиню к смерти. Писательница рассказала нам о судьбе еще одной Сонечки, готовой протянуть руку каждому, кто в этом нуждается.

В заключение отметим, что системно-целостный анализ литературного произведения позволяет правильно понять текст, постичь его объективный смысл, правильно интерпретировать художественный замысел и уяснить эстетическое своеобразие творчества писателя, помогает учащимся осмыслить структуру, особенности композиции, язык, определить тему, идею и основные проблемы произведений писателей-постмодернистов.

Список использованных источников

1. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учеб. пособие / А. Б. Есин. – М. : Флинта, Наука, 1998. – 248 с.
2. Вайль, П. Городок в табакерке: проза Татьяны Толстой / П. Вайль, А. Генис // Звезда. – 1990. – № 8. – С. 147–150.
3. Гиршман, М. М. Литературное произведение. Теория и практика анализа / М. М. Гиршман. – М. : Высш. шк., 1991. – 159 с.
4. Маймин, Е. А. Теория и практика литературного анализа : пособие для студ. пединститутов / Е. А. Маймин, Э. В. Слина. – М. : Просвещение, 1984. – 160 с.
5. Толстая, Т. Н. Ночь : рассказы / Т. Н. Толстая. – М. : Подкова, 2001. – С. 3–17.

Рецензент:

Осьмухина О. Ю. – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева».

Поступила 16.08.2011 г.

УДК 177.3

ББК 87.7

О. В. Курсанова

O. V. Kirsanova

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВО В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. ИЛЬИНА

JUSTICE AND LAW IN ILYIN'S WORK

В данной статье рассматриваются этические взгляды русского религиозного философа И. А. Ильина на проблему права и справедливости. Особое внимание уделено анализу влияния справедливости на процесс формирования права.

Ключевые слова: справедливость, право, взаимодействие, равенство, нравственность.

The ethical views of Russian religious philosopher I. A. Ilyin on the problems of law and justice are considered in the article. The main attention is paid to analyze the influence of justice on the process of law.

Key words: justice, law, interaction, equality, morals.

Большую роль в процессе воплощения справедливости в общественной жизни людей играет право. Справедливость требует, чтобы правовые нормы сохраняли соразмерность действительным свойствам и деяниям людей, поддерживали равенство и равновесие между ними, создав условия для того, чтобы каждый мог вести достойное существование.

Справедливо, считает И. А. Ильин, чтобы люди, совершившие однородные преступления, одинаково привлекались к суду; чтобы люди с одинаковым доходом платили одинаковый подоходный налог. И в то же время справедливо, чтобы преступники и душевнобольные были лишены права голоса, чтобы государственные должности давались талантливым, умным и честным людям и т. д.

Многие идеи Гегеля, в частности фундаментальное положение о духовной природе права, стали основой формирования собственной философско-правовой концепции русского мыслителя. «Вслед за своим учителем Новгородцевым, — пишет И. И. Евлампиев, — Ильин пытается в своей интерпретации права совместить традиционно противопоставляемые правовые идеи Канта и Гегеля: идею личной свободы, духовной самостоятельности человека и идею духовного единства людей» [1, с. 8].

Философско-правовое учение немецкого мыслителя он считает очень глубоким. «Эта глубина определяется тем, — пишет И. А. Ильин, — что Гегель трактует право и нравственность, исходя из особого предметного опыта, но сосредоточивается при этом не на данных привычного юристу и общедоступного, повседневного правового опыта, а на «духовной» сущности и на «духовном» значении правовых и нравственных состояний» [4, с. 297].

Как мы видим, собственная концепция духовной природы права формируется И. А. Ильиным на основе идей Гегеля. Некоторые даже называли русского мыслителя комментатором гегелевских идей. Справедливости ради отметим, что собственная философско-правовая позиция Ильина формировалась под влиянием исторического и культурного наследия страны, а также реалий российской правовой и политической действительности того времени, в котором жил философ.

Находясь под сильным влиянием идей Гегеля, Ильин писал: «Было бы недостаточно сказать, что естественное право есть безусловная сущность положительного права; оно есть прежде всего модификация абсолютной сущности мира вообще. Дух, определяя себя к свободе и достигнув субъективно-зрелого состояния — разумной воли, придает себе характер права. Это означает, что право есть одна из необходимых ступеней Духа в его метаморфозе. «Право» есть первое определение субъективного духа, вступившего в объективную сферу; это есть «дух в виде права» или «правовое состояние духа». Поэтому естественное право не только реально, но имеет существенную абсолютную реальность» [4, с. 300–301].

Смысл правовой концепции И. А. Ильина сводится к тому, что «воля к праву» тождественна «воле к духу». Право — необходимая форма духовного бытия человека. Необходимость права основывается на незрелом состоянии человеческих душ. Ильин писал в своей книге «О сущности правосознания»: «Воля к духу, единая и цельная по существу, ведет к праву и его цели», то есть к установлению естественно-правового характера отношений между людьми в любой из исторически сложившихся социальных

общностей. Однако материальные условия жизни людей накладывают определенный отпечаток, который способствует тому, что осознание общечеловеческой взаимосвязи ограничивается более узкими понятиями в пределах национально-государственных интересов. В результате этого основной, реальной формой духовного единения людей оказывается национальная духовная культура, которая выражается в таких знакомых для каждого человека понятиях, как «родина» и «государство». «Государство... есть *положительно-правовая форма родины*, а родина есть его *творческое, духовное содержание*» [3, с. 258].

Для Ильина сущность духа – это не только свобода и разум, но еще и вера, любовь, совесть, справедливость, которые часто находят свое отражение в таком понятии, как «правосознание». Это в свою очередь выражает духовное содержание во взаимоотношениях людей между собой, в отношении человека к обществу и государству.

Согласно воззрениям Ильина, предпосылки к формированию государства заложены изначально и являют собой естественное право, рассматриваемое мыслителем как чувство справедливого. Христианский подтекст данного учения выражается в утверждении им идеи заботы Бога о человечестве. Бог наделил человека естественным чувством доброго и злого, справедливого и преступного и предоставил ему свободу выбора того жизненного пути, который способствует спасению и очищению его души и ведет в Царствие Небесное.

Необходимо отметить, что чувство естественного права присуще каждому человеку, но, к сожалению, не всегда оно осознаётся последним, а потому и не может в полной мере служить основой для правильного и справедливого построения государства. Поэтому общество на основе естественного права вырабатывает право положительное, представляющее собой совокупность правовых актов, зафиксированных в документах, имеющих юридический статус. Ильин определяет положительное право как «правовые нормы, установленные *правовой властью и подлежащие применению*» [2, с. 101]. Положительное право, по мнению мыслителя, не является постоянным, поскольку постоянно меняется вместе с преобразованием норм морали. Если они не соответствуют закону, то его называют устаревшим и со временем отменяют.

Содержание формального закона, регулирующего наиболее значимые и важные сферы общественной жизнедеятельности, должно критически оцениваться с позиций естественного права. По И. А. Ильину, естественное право становится над положительным правом как выс-

шая форма, выступающая неким идеалом, к достижению которого необходимо стремиться из всех сил. Оптимистичная позиция Ильина в данном вопросе отличалась от воззрений его учителя – П. И. Новгородцева, который в своей работе «Об общественном идеале» (1917) писал о принципиальной невозможности достижения общественно-политического идеала.

Таким образом, можно сказать, что понятию «естественное право» И. А. Ильин придает дозаконотворческий и незаконотворческий характер, первичный по отношению к формальному закону и определяющий его внутреннее содержание.

Вместе с тем в философской системе И. А. Ильина определение «естественное право» носит общеправовой характер, поскольку лежит в основе существования любой из сфер общественной жизни, выступая отправной точкой для философии, этики и правоведения.

Рассуждая о диалектике права и справедливости, Ильин пишет о том, что когда применение позитивной нормы не позволяет осуществить ее корректировку в сторону справедливости, то тогда формально-буквенное, механическое применение закона оборачивается карикатурой на законность; а формально-педантическое правосознание людей, слепо отвергающих правду и справедливость в процессе правоприменения, превращает органы власти, осуществляющие управление государством, в бюрократическую машину. Все это он подвергает резкой критике.

Слепое, бездумное повиновение закону, закрывающее глаза на существование высших по отношению к праву ценностей, превращается в высшее бесправие и высшую несправедливость, и в очередной раз подтверждает точность и правильность подмеченного римлянами парадокса – «*summum jus est summa injuria*» («безусловно осуществленное право (иногда) равносильно высшему бесправью»).

Рассуждая об отвлеченности правовых норм от реалий существующей жизни, Ильин говорит о том, что право «как бы *уравнивает*» все случаи, т. е. рассматривает их так, как *если бы* они были *одинаковы*, тогда как *на самом деле* они остаются *неодинаковыми*. И вот здесь возникает опасность, что правовые нормы окажутся чрезмерно отвлеченными... Чрезмерная *удаленность* и *общность* права неминуемо поведет к его *несправедливости*» [2, с. 78].

Вместе с тем мыслитель предостерегает от излишней индивидуализации и детализации права, поскольку при всей уникальности каждой личности люди как духовные существа все-таки равны.

Не представляется возможным и разумным, по мнению философа, создавать для каждого конкретного общественного отношения свою правовую норму, свое единичное правило, рассчитанное на одноразовое применение. Такой порядок вреден, казуистичен и несправедлив.

Таким образом, Ильин продолжает развитие сформулированных еще Аристотелем принципов уравнивающей и распределяющей справедливости, где соотношение права и нравственности строится на восприятии людей как равных и одновременно как неравных существ [2, с. 80–81].

Ильин также отмечает, что для реализации справедливости на земле одних только удовлетворительных законов явно недостаточно; необходимо присутствие справедливых людей, живого человеческого начала. Как показывает жизнь, отсутствие живого и справедливого правосознания даже при наличии самых совершенных законов делает государство малоэффективным. Законодательство может быть действенным только тогда, когда выступает в качестве надстройки к живому правосознанию.

Всякий закон есть отвлеченное правило. Никакой закон не может уловить и предусмотреть всю полноту и все разнообразие жизни. Поэтому не следует ждать высокой законопослушности от людей, лишённых развитого нравственного сознания; развитие правосознания требует прежде всего работы над расширением и утончением своего внутреннего духовного опыта [3, с. 174].

Значит, основной акцент следует делать не на «нормы», а на волю к справедливости и правильный душевный настрой.

Каждый индивид должен свободно повиноваться праву из уважения к нему, а не под страхом применения наказания. Понимание правовых норм и согласие подчиняться им предполагают наличие в человеке не только правосознания, но также и духовной силы, умственной и духовной зрелости.

В тех случаях, когда жизненное устройство и общественный порядок отрываются от внутреннего состояния души, начинается вырождение права, ведущее к гибели духа и уничтожению человека. Для этого положительное право не должно быть оторвано от народного правосознания, иначе оно станет лишь внешним упорядочением жизни в государстве.

Так, разрабатывая правовые нормы, законодатель должен проецировать их на суще-

ствующие представления о справедливости. Поскольку основным элементом, кирпичиком системы права государства, складывающейся из отраслей, подотраслей, институтов, является правовая норма, она должна иметь в своей основе нравственное содержание, предписывать то, что является лучшим. Значит, для того, чтобы установить такую норму, необходимо иметь четкое представление о том, что есть лучшее. Соответственно, тот, кто устанавливает правовую норму, должен иметь развитое правосознание, предполагающее глубокое понимание сущности справедливости.

В том случае, если справедливость начинает вступать в противоречие с содержанием конкретных правовых норм, не всегда своевременно учитывающих изменения в общественных отношениях, необходимо досрочно прекращать действие несправедливой нормы и требовать ее замены более справедливой.

Таким образом, легитимация института справедливости сопряжена с противоречивым отношением естественного и положительного права, когда положительное право должно содержать такую закреплённую в правовых нормах систему императивов, которая реализует справедливость. Поэтому основным принципом легитимации института справедливости является генетическая обусловленность правовой нормы правосознанием, культивирующим идеал справедливости.

Список использованных источников

1. Евлампиев, И. И. Иван Ильин и его книга о Гегеле / И. И. Евлампиев // Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. – СПб. : Наука, 1994. – 542 с.
2. Ильин, И. Общее учение о праве и государстве. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4 / И. Ильин. – М. : Русская книга, 1994. – 621 с.
3. Ильин, И. А. О сущности правосознания. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4 / И. А. Ильин. – М. : Русская книга, 1994. – 621 с.
4. Ильин, И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека / И. А. Ильин. – СПб. : Наука, 1994. – 542 с.

Рецензент:

Мочалов Е. В. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии для гуманитарных специальностей ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени Н. П. Огарева».

Поступила 08.07.2011 г.

ЛЮБОВЬ КАК КОНСТАНТА
СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ*LOVE AS THE CONSTANT
OF A SOCIALLY RESPONSIBLE PERSON

Данная статья исследует феномен любви как одной из констант социального бытия. Основа общества была сформирована устойчивым набором констант. По мнению автора статьи, любовь – одна из социальных констант, бытующих внутри общества. Целями любого общества являются созидание, развитие и ответственность. Проявление любви как заботы – это действие, означающее социальную ответственность.

Ключевые слова: любовь, константа, социум, ответственность.

This article is devoted to the phenomenon of love as one of constants of social being. Social foundation was formed by means of fixed collection of constants. According to the author and love is one of the social constants prevailing in the society. The goals of any society are creation, development and responsibility. Manifestation of love as care is an act signifying social responsibility.

Key words: love, constant, human community, responsibility.

В научном дискурсе понятие «константа» занимает видное место и может быть даже отнесено к центральным. В физике оно особенно значимо, так как целый ряд формулировок физических законов не может обойтись без констант как особых числовых множителей. Вероятно, первая из таких констант, выведенная еще древними учеными, – число π , получаемое в результате деления длины окружности на радиус (3,14...). Считается, что Леонардо да Винчи вывел другую константу, характерную уже не для мертвой природы, а для человека и его созданий – «золотое сечение», но вывел его снова в область естественных наук, математически выразив в виде дроби $AB/AC = BC/AB = 0,618...$ [1, с. 27]. Однако понятия константных соотношений существуют не только в естественных науках, но и в науках гуманитарного склада. На этой основе мы можем говорить о любви как о константном понятии в области человеческого бытия.

Понятие «константа» культуры гуманитарными науками стало разрабатываться относительно недавно. Большой вклад в осмысление констант внес академик Ю. С. Степанов, опубликовав обширный труд «Константы: Словарь русской культуры» [4]. Термину «константа» по

отношению к культуре может быть придано значение – «некий постоянный принцип культуры» [Там же, с. 82].

Дело в том, что общество на различных ступенях своего развития задает алгоритм восприятия окружающей социальной действительности. Оно же интерпретирует общие аспекты бытия, формирует набор основных жизненных ценностей для того, чтобы выстроить сферу созидательного функционирования человека, а значит и социума, поэтому человеку предлагается система константных общественных норм, моральных законов и определенных устоявшихся социальных образцов поведения.

Эта мысль подчеркивалась многими философами в разное время, в частности Фомой Аквинским, утверждавшим, что «...для совершения нравственных поступков человек должен уважать естественный порядок в личной жизни и обществе...» [1, с. 28]. Люди же в данном контексте понимаются как социальные существа, действующие в конкретном социокультурном контенте. Взаимодействие человека с другими людьми сопровождается также соотношением человеком своего морального мира с той или иной нравственной константой общественной жизни.

Любовь, играющая несомненную роль в существовании общества, а вместе с ним и человека, является фундаментальной константой бытия человечества. В любви как постоянно существующей человеческой норме и социальной нравственной ценности сливаются две ее ипостаси –

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума в контексте синергично антропологической парадигмы» (ГК № 14.740.12.1351).

духовность и витальная потребность, что в свою очередь, несомненно, находит отражение в сфере жизненной практики. Любовь в тезаурусе человека представляется как индивидуальное переживание чувства преданности людям, предметам и явлениям окружающего мира, идеям, мечтам, самому себе. В этом случае объект этого чувства становится выше и ценнее личного «Эго» и без слияния с избранным объектом, овладения им, единения человек не мыслит своего существования или по крайней мере ощущает глубокую неудовлетворенность, свою неполноценность, неполноту индивидуального бытия. Такое понимание любви включает в себя все ее виды (к жизни, женщине или мужчине, к человеку вообще, к детям и родителям, к себе, к деньгам, славе, власти, искусству, науке, Родине, Богу и т. д.) и объединяет все три значения слова в русском языке (чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л.; чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола; внутреннее стремление, склонность, тяготение к чему-л. [3, с. 328].

Однако чувство и желание любить – это еще не сама любовь. Э. Фромм в своей работе «Искусство любить», размышляя на тему проявления любви, отмечает эту особенность: «Если какая-то женщина скажет нам, что любит цветы, а мы увидим, что она забывает их поливать, мы не поверим в ее любовь к цветам. Любовь – это активная заинтересованность в жизни и развитии того, что мы любим» [5]. Т. е. любовь на самом деле – абстракция. Это чувство невозможно измерить, проверить экспериментальным путем. Это область иррационального. В действительности же существует лишь акт, действие, проявление любви. Значит, чувство должно найти реализацию в действии. Любить – это форма продуктивной деятельности. Она предполагает проявление интереса и заботы, познание объекта любви. Она усиливает ощущение полноты жизни. Это процесс самообновления и самообогащения.

Способность любить уже предполагает потребность отдать, в которой человек преодолевает нарциссизм и одновременно приобретает веру в свои собственные силы. Отсюда и проистекает нравственный аспект любви – ответственность. Дело в том, что любовь в проявлении есть акт воли, то есть совокупность намерения и действия. Умение проявить волю означает умение выбрать и не просто выбрать, а быть готовым аргументировать выбор, держать за него ответ. Быть «ответственным» значит быть в состоянии и готовности «отвечать». Любящий человек чувствует ответственность за другого

так же, как он чувствует ответственность за самого себя.

Современная нам эпоха – это дилемма выбора жизненного пути и проблема этого осуществления в современном обществе, провозгласившем плюрализм в любви, обесценившем это понятие и упростившем его. Так, по мнению А. Макинтайра, хотя сейчас и существуют моральные понятия, однако они представляют собой останки культуры прошлых эпох, потерявшей свою убедительность в глазах людей: «...в области морали мы владеем лишь фрагментами концептуальной схемы, обрывки, которые лишены значения. Получается, у нас есть лишь мораль как симуляция, мы же продолжаем использовать многие из ключевых ее выражений. Однако мы утратили – большей частью, если не полностью, – понимание морали как теоретического, так и практического» [6, с. 20].

Это преобладающая этическая максима нашего общества, которая самым прямым образом сказывается на ценностях и социальных константах общества. Таким образом, ослабевает высший смысл жизни человека и существования общества – забота о самом человеке (солидарность, взаимопомощь, сопричастность, любовь и ответственность).

Рассматривая любовь как ответственность, мы видим смысл любви в желании межличностного слияния как преодоления отчуждения, глубочайшей потребности человека в преодолении своей отдельности, своего одиночества – наиболее мощном стремлении в человеке. Это наиболее фундаментальное влечение, это сила, которая заставляет держаться вместе членов человеческого рода, клана, семьи, общества. Неудача в ее выражении и прочувствовании, падение ее культурного и нравственного проявления и понимания ведут к этико-эстетической деградации, вырождению нравов и уничтожению – себя, других и социума.

Зрелая любовь – это единение и забота при условии сохранения собственной целостности, собственной индивидуальности. В то же время любовь – это активная заинтересованность в жизни и развитии того, что мы любим. Как писал Ж. П. Сартр, считавший, что человек ответственен в своих поступках не только за себя, но и за окружающих: «... человек, который на что-то решается и который понимает, что он не только тот, кем он решает быть, но и еще законодатель, выбирающий одновременно с собой и все человечество, не может избежать чувства полной и серьезной ответственности» [2, с. 440]. В этой связи имеет смысл говорить о связи социальной ответственности и духовных основ человека.

Социальная ответственность личности представляет собой особое состояние человеческого духа, определяющее иерархию ценностных ориентаций и детерминирующее процесс социального созидательного развития личности. Особенность такого духовного состояния личности раскрывается в его цельной и гармоничной обращенности как на внутреннее «Я» самого индивидуума, так и на окружающий его мир (природа и социум). Такая определенность человеческого духа позволяет преодолевать противоречия между телесной ограниченностью индивидуума и его духовной свободой.

Феномен социальной ответственности личности проявляет свою предметность и конкретность в сфере предметно-практической жизнедеятельности людей, в которой он выступает как социальное отношение – социальное взаимодействие, нацеленное на создание максимально благоприятных условий для раскрытия человеческой универсальности, на реализацию всех его продуктивно-творческих сил и способностей. Процесс развития социальной ответственности личности есть ни что иное, как процесс совершенствования ее духовной и социальной культуры, раскрываемой в виде системы принципов социального взаимодействия, регулирующих бытие человека в мире и внутренний мир самого человека.

Ответственность – саморегулятор деятельности личности, показатель его социальной и нравственной зрелости. Ответственность предполагает наличие у человека чувства долга и совести, умения осуществлять самоконтроль и самоуправление всех действий. Сделанный человеком выбор, принятое решение означают, что человек готов взять на себя всю полноту ответственности и даже за то, что он не смог предусмотреть. Неизбежность риска сделать «не то» или «не так» предполагает наличие у человека мужества, необходимого на всех этапах его деятельности и при принятии решения, и в процессе его реализации, и особенно в случае неудачи. Таким образом, свобода в любви связана не только с необходимостью и с умением человека сделать правильный выбор, но и с ответственностью, и мужеством перед этим выбором. Любовь же выступает здесь в качестве высшей ценности бытия, константы предельного значения совершенного, составляя внутренний аксиологический конструкт феномена социальной ответственности личности, ее экзистенциального смысла бытия. А через это и целостность самой личности.

Таким образом, получается, что общество – продукт взаимодействия людей, а бытие человека в мире – это прежде всего пребывание в мире ответственном. Таким образом, дискуссия о константных ценностях, среди которых ключевое место принадлежит ценности любви, является важной составляющей общественных дискуссий в любом обществе, ставящем целью своего развития и существования человеческое благо. Благодаря обсуждениям такого рода вопросов становится возможным подготовить нормативно-ценностный фундамент для соприкосновения различных человеческих интересов и должного уравнивания витальных притязаний. Значит, само содержание понятия «любовь» шире, чем обыденное представление о любви как сильном влечении к лицу противоположного пола. Это своего рода двигательная идея, нашедшая применение в сфере человеческого бытия и обретшая константную силу идеологии – потребности несения ответственности за кого- или что-либо.

Список использованных источников

1. Луков, Вл. А. Понятие «константа культуры» в философско-культурологическом дискурсе / Вл. А. Луков, Б. Н. Гайдин // Гуманитарные константы : материалы конф. Института гуманитарных исследований МосГУ 16 февр. 2008 г. : сб. науч. тр. / отв. ред. Вал. А. Луков ; Моск. гуманит. ун-т, Ин-т гуманит. исследований. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. – С. 27–35.
2. Сартр, Ж.-П. Тошнота : избр. произведения / Ж.-П. Сартр. – М. : Республика, 1994. – 496 с.
3. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – М. : Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
4. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2004. – 992 с.
5. Фромм, Э. Искусство любить [Электронный ресурс] / Э. Фромм. – Режим доступа : http://azbyka.ru/tserkov/lyubov_i_semya/5g17_8-all.shtm
6. MacIntyre, A.C. After virtue: a study in moral theory / A. C. MacIntyre. – Indiana : University of Notre Dame Press, 2007. – 306 p.

Рецензент:

Мартынова Е. А. – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева».

Поступила 16.09.2011 г.

УДК 004 : 378

ББК 74.58

О. В. Русалеева

O. V. Rusaleeva

**МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА
ЧЕРЕЗ РАБОТУ НА ТЕЛЕСТУДИИ***

**MODEL OF FORMATION OF INFORMATION-COMMUNICATIVE COMPETENCE
OF THE STUDENT OF PEDAGOGIC HIGHER SCHOOL
THROUGH WORK IN TELEVISION STUDIO**

В статье рассматривается сущность и структурные составляющие информационно-коммуникативной компетентности. Автор представляет модель формирования данной компетентности у студентов педагогического вуза в процессе работы на телестудии, анализирует каждый из блоков, составляющих эту модель, и определяет условия эффективности процесса.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, коммуникативная компетентность, информационная компетентность, формирование информационно-коммуникативной компетентности, структура компетентности, модель.

In this article the structural components and the essence of informational-communicative competence are examined. The author represents the model of formation of the informational-communicative competence among the student of pedagogic university in the working process in television studio, analyzes each of the blocks making this model, and defines the conditions of efficiency of the process.

Key words: professional competence, communicative competence, informational competence, formation of information-communicative competence, structure of competence, model.

Вопросы, касающиеся формирования информационно-коммуникативной компетентности в современном обществе, становятся все более актуальными, учитывая нарастающие темпы и последствия информатизации, компьютеризации и вызванной ими социокультурной трансформации общества. Анализ научной литературы показывает, что понятие информационно-коммуникативной компетентности рассматривалось в таком сочетании не сразу. Многие исследователи в своих работах изучают информационную и коммуникативную компетентности отдельно.

Так, по мнению А. М. Витт, «информационная компетентность» – это «наиболее высокий уровень сформированности информационной деятельности», это «интегрированное, динамическое образование личности», которая способна рационально организовать свою деятельность при освоении информационных технологий и

творчески взаимодействовать в системе «человек – информация» [1, с. 8]. Структуру данной компетентности определили С. В. Тришина и А. В. Хуторской в статье «Информационная компетентность специалиста в системе дополнительного образования». Авторы выделили следующие компоненты: когнитивный, деятельностно-творческий, личностный и аксиологический [10, с. 61].

Термин «коммуникативная компетентность» впервые был введен в социальной психологии и означал способность человека устанавливать и поддерживать эффективные контакты с другими людьми. Процесс ее формирования, функции и структура в разные времена привлекали внимание многих исследователей (А. А. Бодалев, Ю. Н. Емельянов, Ю. М. Жуков, В. П. Захаров, Н. В. Ключева, В. Н. Куницына, В. М. Погольша и др.). Мы будем исходить из понимания коммуникативной компетентности как индивидуального набора средств и приемов общения, полученных педагогом на основе теоретического и практического опыта и применяемых им в процессе взаимодействия с окружающим миром, а так же характеризующих его способность целесообразно и эффективно выбирать

* Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Модели и технологии психолого-педагогического сопровождения развития детей в системе образования» (государственный контракт № 14.740.11.0992 от 06.05.2011).

и выстраивать коммуникативную стратегию в целях решения профессиональных задач.

Проблемы формирования информационно-коммуникативной компетентности в разное время освещали Ю. С. Брановский, Я. А. Ваграменко, А. Л. Денисова, О. А. Захарова, Е. Ю. Лунькова, А. Л. Сметанников, Н. В. Софронова, Е. К. Хеннер, М. В. Швецкий и др.

О. А. Захарова, анализируя информационно-коммуникативную компетентность государственных служащих, определяет эту компетентность как способность личности «ориентироваться в динамичной социокультурной среде, взаимодействовать в пространстве разных культур», а также увеличивать объем имеющейся информации и знаний, «выстраивать собственный стиль коммуникации, отличающийся повышенной личностной активностью, новыми принципами взаимодействия в условиях социокультурных трансформаций, учиться действовать в информационно-технической среде» [2, с. 10].

Исходным теоретическим положением в разработанной нами модели является определение сущности процесса формирования информационно-коммуникативной компетентности студента педагогического вуза как совокупности подходов, методов и форм взаимодействия, направленных на приобретение студентом знаний, умений и навыков, а также на развитие личности студента, способной в своей профессиональной деятельности выстраивать собственную стратегическую линию коммуникации, эффективно используя ресурсы социокультурной и информационно-технической среды.

Задачи формирования информационно-коммуникативной компетентности студента педагогического вуза возможно решать через работу на студенческом телевидении, в процессе создания и реализации медиапродукта. ТВ-продукция сама по себе оказывает огромное влияние на формирование ценностных установок, приоритетов, отношений с окружающим миром. Социологи и педагоги называют множество различных функций, которые выполняет это средство массовой информации в обществе, в том числе информирование, просвещение, воспитание и интеграция (формирование коллективного общественного мнения) [6, с. 80].

С другой стороны, процесс создания собственного медиапродукта с последующей его трансляцией на городском и региональном телеканале, анализ проведенной работы предполагает организацию общения с участниками процесса, поиск, анализ, переработку и производство

информации в различных жанровых вариациях с использованием информационно-технических средств. Данная работа в сочетании с другими формами организации внеучебной деятельности способствует развитию ключевых качеств и способностей личности, необходимых в работе современному учителю. Это способность к анализу и синтезу, способность к критике и самокритике, способность работать в команде, воспринимать межкультурные различия, взаимодействовать с экспертами; способность к творчеству, лидерству, к разработке проектов и управлению ими, ответственность за качество, активность, мобильность, коммуникабельность. Другими словами, процесс работы на студенческой телестудии способствует эффективному формированию информационно-коммуникативной компетентности студента педагогического вуза.

Разработка модели формирования информационно-коммуникативной компетентности студента педагогического вуза через работу на студенческом телевидении позволяет описать внутреннюю структуру данного процесса, взаимосвязь и взаимозависимость его элементов. Цель моделирования заключается в создании представления о конкретных видах деятельности по формированию информационно-коммуникативной компетентности в процессе работы на телестудии.

Под моделью мы понимаем искусственно созданный образец в виде схемы, описания, физических конструкций или формул, подобный исследуемому объекту (явлению) и отражающий или воспроизводящий в более простом виде структуру, свойства и отношения между элементами объекта (явления) [3, с. 29].

Процесс формирования информационно-коммуникативной компетентности студента через работу на студенческой телестудии строится на следующих принципах: последовательности, систематичности, наглядности, доступности, прочности, научности и предполагает использование разнообразных форм и методов взаимодействия со студентами.

Содержательный блок включает в себя структуру информационно-коммуникативной компетентности, которая предполагает наличие следующих компонентов:

- когнитивный – отражает знания о способах поиска, обработки, закономерностях восприятия и производстве информации, о закономерностях, формах и методах построения коммуникативных линий взаимодействия;
- деятельностно-творческий отвечает за формирование разнообразных способов дея-

тельности, обеспечивающих эффективное взаимодействие с социокультурной и информационно-технической средой при организации педагогического процесса. А именно: умение самостоятельно осуществлять поиск, переработку, производство информации, с использованием информационно-технических ресурсов, умение строить коммуникативное взаимодействие на основе вербальных и невербальных форм общения и при помощи разнообразных технических средств;

– личностный компонент проявляется в таких личных качествах, как мобильность, активность, общительность, толерантность, объективность, коммуникабельность и пр. В потребности самосовершенствоваться в информационно-коммуникативной области, в осознании необходимости формирования информационно-коммуникативной компетентности, в стремлении преодолеть несоответствие своего уровня сформированности информационно-коммуникативной компетентности определенным нормам и требованиям;

– аксиологический компонент реализуется в способности создавать условия для обеспечения эффективного усвоения ценностей. Характеризует уровень мотивации педагога, формирующей его отношение к профессиональной деятельности, к жизни.

Содержательная характеристика перечисленных компонентов позволяет выделить показатели сформированности информационно-коммуникативной компетентности, выраженные в системе специальных знаний, умений и навыков и положительного отношения к общению. Мы выделили три уровня сформированности информационно-коммуникативной компетентности: высокий, средний, низкий.

Процесс работы на студенческой телестудии цикличен. Один цикл предполагает подготовку новостных и исследовательских видеоматериалов, общий сбор программы, трансляцию выпуска на городском и региональном телеканале, последующий анализ продукта. Помимо данной формы внеучебной деятельности используются и многие другие. Для их описания возьмем за основу исследование Т. И. Шамовой. В нем автор объединяет существующие организационные формы обучения по целевой составляющей. Использование данных форм способствует повышению эффективности процесса формирования информационно-коммуникативной компетентности:

– освоение новых знаний: проблемная лекция, экскурсия, мастер-класс, творческое задание;

– закрепление полученных знаний: практикум, семинары, консультации, дискуссии, видеоклуб, диалог со зрителем;

– выработка умений происходит на семинарах, дискуссиях, практикумах по подготовке выпусков, в процессе участия в конкурсе непрофессионального кино;

– обобщение и систематизация единичных знаний реализуется при использовании таких форм как конференция, фестиваль. Для определения уровня овладения знаниями, умениями и навыками используется семинар-зачет, общественный смотр [4, с. 244].

Описать используемые методы поможет классификация, разработанная Ю. К. Бабанским. В ходе работы на студенческой телестудии используются перцептивные (рассказ, беседа, лекция, иллюстрация, демонстрация); логические (индуктивные, дедуктивные, аналитические, синтетические); репродуктивные, поисковые, исследовательские; методы управления обучением (работа с книгой, письменная работа, выполнение трудовых заданий); методы стимулирования интереса к обучению (игры, дискуссии, создание ситуаций эмоционально-нравственных переживаний, апперцепции, познавательной новизны); методы стимулирования долга и ответственности, устного и письменного контроля [Там же, с. 216].

Эффективному функционированию данной модели способствуют следующие педагогические условия: 1) формирование у студентов определенных знаний, умений и навыков; 2) формирование направленности личности студента; 3) использование разнообразных форм и методов организации внеучебной работы в сочетании с практической деятельностью по созданию видеопrodukта.

Результатом реализации данной модели является формирование информационно-коммуникативной компетентности студентов педагогического вуза через работу на студенческой телестудии.

Таким образом, информационно-коммуникативную компетентность, являющуюся одной из ключевых в наборе профессиональных компетентностей современного учителя, мы предлагаем формировать в процессе работы на студенческой телестудии на основе разработанной нами модели, которая включает в себя взаимосвязанные структурные блоки и дает представление о содержании данного процесса.

Модель формирования информационно-коммуникативной компетентности студента педагогического вуза через работу на студенческой телестудии.

Список использованных источников

петентности у студентов технического вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / А. М. Витт. – Челябинск, 2005. – 24 с.

2. Захарова, О. А. Информационно-коммуникативная компетентность государственных служащих в условиях современных социокультурных изменений : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / О. А. Захарова. – М., 2007. – 154 с.

3. Колесникова, И. А. Педагогическое проектирование / И. А. Колесникова, М. П. Горчакова-Сибирская ; под ред. И. А Колесниковой. – М. : Академия, 2005. – 288 с.

4. Ситаров, В. А. Дидактика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Ситаров ;

под ред В. А. Сластенина. – М. : Академия, 2002. – 368 с.

5. Тришина, С. В. Информационная компетентность специалиста в системе дополнительного образования / С. В. Тришина, А. В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.

6. Шариков, А. В. Детское телевидение. Взгляд социолога / А. В. Шариков, В. П. Чудинова // Дети и культура. – М. : КомКнига. – 2007. – С. 58–85.

Рецензент:

Дудко И. Г. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственного и административного права ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева».

Поступила 16.08.2011 г.

УДК 347.65
ББК 67.404.5

Ж. А. Шукшина
Z. A. Shukshina

СВОБОДА ПРАВА НАСЛЕДОВАНИЯ: УРОКИ ИСТОРИИ

FREEDOM OF INHERITANCE RIGHTS: LESSONS OF HISTORY

В статье рассматривается история развития права наследования. Представлен опыт регулирования свободы данного права. Сформулированы общие выводы, которые имеют практическое применение в современном праве.

Ключевые слова: право наследования, завещание, наследование по закону, свобода завещания.

The article reviews the history of the development of the inheritance rights. Regulatory experience of freedom of the right is submitted. General conclusions that have practical application in modern law are made.

Key words: right of inheritance, testament, inheritance, according to the law, freedom of the will.

Статья 35 Конституции Российской Федерации предусматривает базовые основы регулирования права наследования, провозглашая его гарантированность, что предполагает в свою очередь защиту этого права государством. Конкретизация норм Основного закона произошла при принятии III части Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), содержащей раздел V «Наследственное право». Учитывая, что указанные нормы стали некоторым итогом реформирования отношений, возникающих по вопросу собственности, ознаменовали полный отход от социалистической модели хозяйствования, именно наследственное право традиционно признается консервативной подотраслью гражданского права. Именно поэтому существенную роль для становления российского наследственного права играет всестороннее изучение исторического опыта регулирования данных отношений, научный анализ памятников права в процессе их эволюции в соответствии с социально-экономическим прогрессом общества.

Одним из основополагающих положений в исследуемой сфере является свобода права наследования, проявляющейся, с одной стороны, в свободе завещания, с другой – в возможности наследника отказаться от своей доли наследуемого имущества. Как отмечает Н. Ш. Гаджиалиева, «категория конституционного права свобода завещания вытекает из п. 2 ст. 35 Конституции РФ, предоставляющего собственнику право по своему усмотрению распоряжаться своим имуществом (в том числе посредством завещания). Эта категория состоит в логико-правовых отношениях с конституционным принципом свободы договора, выступая как часть целого, а также соотносится с таким конституционным прин-

ципом, как недопустимость вмешательства государства в частные дела, неприкосновенность частной жизни граждан, который юридически оформляет автономию личности в сфере наследования, в том числе при распоряжении своим имуществом посредством завещания» [3, с. 10–11].

Необходимо отметить, что с момента появления первых памятников права свобода права наследования подвергалась определенным ограничениям, сводя в некоторых случаях практически к минимуму свободу усмотрения всех участников наследственных отношений. Уже первый кодифицированный акт в истории Древнего Востока – Законы царя Хаммурапи – допускал свободу усмотрения собственника в распоряжении имуществом на случай своей смерти (§ 165) [11, с. 20], но и существенно ограничивал ее. Во-первых наследодатель мог выделить особого наследника только из числа детей. Во-вторых, лишение наследства допускалось только с разрешения судьи (§ 168): «Если человек захотел отвергнуть своего сына и сказал судьям: “Я отвергну своего сына”, то судьи должны рассмотреть его дело, и если сын не нанес отцу никакой обиды, за которую полагается отвергнуть от наследства, отец не может отвергнуть своего сына от наследства».

Участие суда предусматривалось Салической правдой при «отказе от родства», следствием которого была невозможность в наследовании. Желая отказаться от родства должен был явиться в судебное заседание и произвести определенный ритуал, после совершения которого как бы разрывались родственные отношения, а наследственное имущество поступало в казну (§ 1 статьи LX Салической правды) [9].

Римское наследственное право фактически стало предтечей современного западноевропейского, пройдя долгий и сложный путь своего развития. Законы XII таблиц знали два основания наследования: наследование по завещанию и наследование по закону, которое имело место, если наследодатель умирал, не оставив завещания. Однако и в том и в другом случаях правовое регулирование было направлено на то, чтобы имущество оставалось в семье. Римское право нашло способы сочетания свободы завещаний с интересами наследников по закону: за некоторыми из последних были признаны определенные права в имуществе наследодателя, которых нельзя было ни отменить, ни уменьшить завещанием. Это было так называемое необходимое наследование определенных разрядов наследников по закону. Добавим также, что римскому праву мы обязаны самим понятием наследования как универсального преемства, в силу которого на наследника не только переходят в качестве единого комплекса все имущественные права и обязанности наследодателя, но и возлагается ответственность своим имуществом за долги наследодателя, создается своего рода продолжение в лице наследника юридической личности наследодателя. Римское право создало ряд положений о порядке приобретения наследства, об отношениях наследников между собою и с кредиторами наследодателя [8, с. 189]. Добавим, что большая часть Институций Гая посвящена праву наследования [4].

В Древнерусском государстве нормы Русской Правды, которую многие российские ученые-юристы определяют как кодекс частного права [5, с. 20], регламентируют порядок передачи частной собственности по наследству. Здесь можно найти нормы об особом порядке наследования недвижимости (земли) представителями привилегированного слоя (ст. 91 Пространной редакции). Русская правда различала наследование по закону и завещанию. Сыновья имели преимущественное право на получение наследства [6, с. 28]. Со времен Древней Руси охрана прав и законных интересов наследодателя как собственника имущества остается принципом наследственного права. В то же время обществу того времени не безразличен вопрос о переходе прав и обязанностей наследодателя к наследникам, поэтому вторым принципом наследственного права является защита интересов как семьи умершего, так и общества в целом. На основе данного принципа абсолютная воля наследодателя всегда ограничивалась в пользу определенных лиц: полноправными наследниками могли быть либо князь, либо

дети умершего [7, с. 10]. Как отмечает А. В. Бегичев: «В Русской Правде наследование по завещанию практически не отличалось от наследования по закону или по обычаю. Внешнее отличие завещания («ряда») заключалось в том, что в нем допускалось назначение наследниками только тех лиц, которые и без того вступили бы в обладание имуществом. Завещание имело своей целью не изменение обычного порядка, а лишь распределение имущества между законными наследниками и наказ об управлении имуществом» [1]. Данная традиция долгое время соблюдалась в российском законодательстве. Следует согласиться с С. Г. Трифоновым, указывающим, что механизм правового регулирования пределов наследования по закону строился в отечественном законодательстве на основании взаимодействия двух основных начал – индивидуального и социального» [10, с. 9]. Только в первой половине XIX в. была расширена свобода завещаний, когда стало позволено завещать любое имущество любому лицу, будь то родственник или посторонний [2].

Современное российское право в большей мере пошло по пути отношения к наследованию как форме приобретения имущественных прав, хотя история указывает, что это далеко не единственная сторона самой подотрасли права. Древнее законодательство относилось к наследованию как явлению, сочетающему в себе индивидуальное и социальное. В центре же такого сочетания ставились интересы семьи. Отметим, что конституции стран Востока отчасти сохранили такое отношение. Например, Конституция Королевства Бахрейн закрепляет право наследования в статье 5, посвященной институту семьи, оговаривая, что оно гарантируется в соответствии с исламским шариатом. В статьях же, посвященных праву собственности, о праве наследования нет даже упоминания. Оговорки на соответствие шариату в статьях конституций, посвященных праву наследования, есть во всех исламских государствах (Йемен, Катар, Кувейт, Оман и др.). Конечно, в российском праве также есть положения, направленные на защиту членов семьи при наследовании имущества. Так, есть институт недостойных наследников, закрепляется правило об обязательной доле для нетрудоспособных членов семьи. В то же время считаем необходимым отметить, что наследственное право должно в большей мере отвечать прежде всего принципам семейной политики, а уже во вторую очередь рассматриваться как производное от права собственности и основания возникновения имущественных отношений.

Список использованных источников

1. Бегичев, А. В. Наследственное право в Российском государстве в эпоху феодализма: историко-правовые аспекты соотношения публичных и частных интересов / А. В. Бегичев // Нотариальный вестник. – 2010. – № 8.

2. Виноградова, О. Ю. Становление и развитие института наследственных правоотношений / О. Ю. Виноградова // Нотариальный вестник. – 2009. – № 8.

3. Гаджиалиева, Н. Ш. Конституционные основы регулирования и защиты права наследования в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.02 / Н. Ш. Гаджиалиева. – М., 2009. – 24 с.

4. Гай. Институции / Гай. – М., 1997. – 368 с.

5. Исаев, И. А. История государства и права России : учеб. для юридических вузов / И. А. Исаев. – М., 1996. – 544 с.

6. История государства и права России : учеб. / под ред. Ю. П. Титова. – М., 2000. – 544 с.

7. Карпов, С. И. Наследование в истории отечественного права, IX–XVI вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01 / С. И. Карпов. – Казань, 2006. – 24 с.

8. Римское частное право : учеб. / под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Петерского. – М., 2008. – 464 с.

9. Салическая правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/salic.htm>

10. Трифонов, С. Г. Правовое регулирование отношений наследования в Юго-Западной Руси, X–XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01 / С. Г. Трифонов. – М., 2009. – 26 с.

11. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З. М. Черниловского. – М., 1984. – 472 с.

Рецензент:

Романовская О. В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право» Пензенского государственного университета.

Поступила 11.05.2011 г.

РЕЦЕНЗИИ, ИНФОРМАЦИЯ, МНЕНИЯ

УДК 32 : 316.613.434
ББК 66.5

С. С. Еремина
S. S. Eremina

**ВСЕРОССИЙСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРУМ
«МОЛОДЕЖЬ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА, ЭКСТРЕМИЗМА И КСЕНОФОБИИ»**

**THE ALL-RUSSIA YOUTH FORUM
«YOUTH AGAINST TERRORISM, EXTREMISM AND XENOPHOBIA»**

Проблемы терроризма и ксенофобии актуальны сегодня не только для России, но и для всего мира. Все чаще проявляется нетерпимость и агрессия среди молодежи. Этой проблеме в последнее время уделяется серьезное внимание со стороны официальных властей, органов безопасности, общественности. Коллектив Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева предложил свой взгляд на решение этой проблемы, сделав акцент не на борьбе с проявлениями экстремизма в современном обществе, а на меры профилактики подобных деструктивных тенденций.

12–14 июля 2011 года на базе Мордовского государственного педагогического института состоялся Всероссийский молодежный форум «Молодежь против терроризма, экстремизма и ксенофобии», участники которого отстаивали собственные взгляды на то, как должна строиться сегодня воспитательная работа в наших образовательных учреждениях, чтобы завтра учащиеся и студенты не становились жертвами «черного пиара» со стороны экстремистских группировок и не пополняли бы их ряды.

Слет состоялся при непосредственном участии Общественного совета при ФСБ России, его соучредителем стал Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана. Финансовую поддержку оказал банк ОАО АКБ «Еврофинанс Моснарбанк», в качестве спонсоров мероприятия выступили компания «Мегафон» и РИЦ 489 «Центр компьютерной поддержки бухгалтеров». Информационное обозрение всего мероприятия взял на себя журнал «ФСБ: За и Против».

В Слете приняли участие представители российского студенчества и общественных организаций, журналисты и педагоги, а также все, кому данная тематика небезразлична. Наиболее активное участие проявили представители таких городов, как Москва, Армавир, Шуя, Армавир,

Ставрополь, Волгоград, Пенза, Уфа. Всего в Слете приняли участие более 220 участников, большинство из которых – студенты и преподаватели вузов.

К диалогу со студенчеством были приглашены представители Федеральной службы безопасности, Министерства внутренних дел Управления Федеральной миграционной службы, а также лидеры православного и мусульманского духовенства.

Открытие Слета прошло в режиме оживленного диспута. Особый интерес вызвал конкурс презентаций «Все в наших руках», во время которого участники высказывали свою точку зрения на пути развития России в деле профилактики негативных тенденций. Победителем данного конкурса стала студентка Казанского (Приволжского) государственного университета Алия Тимуршина.

Второй день Слета прошел на базе МЧС в Большеберезниковском районе, в детском спортивно-оздоровительном лагере для дезадаптивных подростков «Юный спасатель», где работает педагогический отряд факультета истории и права Мордовского государственного педагогического института. Здесь прошли психолого-педагогические тренинги, а также состоялся второй конкурс – «Лучший социальный проект», во время которого участники Слета должны были за несколько часов подготовить с ребятами 12–14 лет свой проект, направленный на профилактику терроризма в молодежной среде. Жюри оценило выступление участников и присудило первый приз команде второго отряда лагеря «Юный спасатель».

На заключительном заседании Слета была принята резолюция, а также дан старт второму Всероссийскому конкурсу научно-исследовательских работ среди высших учебных заведений «Наука и образование против террора», итоги которого будут подведены в г. Саранске в ноябре 2011 года.

Поступила 25.07.2011 г.

УДК 929 Марков: 811.161.1 (091)

ББК Ч 21

В. П. Киржаева

V. P. Kirzhaeva

**О ВИТАЛИИ МИХАЙЛОВИЧЕ МАРКОВЕ,
УЧЕНОМ И ПЕДАГОГЕ (1927–2010)****VITALIJ MARKOV,
THE SCHOLAR AND THE TEACHER (1927–2010)**

Статья посвящается памяти профессора Казанского университета, доктора филологических наук В. М. Маркова, чьи оригинальные историко-лингвистические концепции получили заслуженное признание в отечественной и зарубежной лингвистике.

Ключевые слова: история русского языка, история русистики, историко-лингвистические концепции.

The article is devoted to the memory of Kazan' University professor Vitally Markov whose original Russian language history theories were highly praised by the linguistic community.

Key words: the Russian language history, history of Russian Studies, historical and linguistic, concepts.

Имя профессора Виталия Михайловича Маркова входит в немногочисленный корпус имен наших современников – историков русского языка, которые хорошо известны не только специалистам, но и всем студентам-филологам, дошедшим в освоении исторической грамматики до проблем эволюции русского существительного.

Его жизненный путь кажется предопределенным той жаждой научного поиска, которая рано проявилась и осталась неутолимой до последнего дня. Широкая научная, исследовательская и методическая подготовка на историко-филологическом факультете Казанского университета, известного богатыми традициями Казанской лингвистической школы; в 1949–1951 годах преподавание русского языка и литературы в средней школе башкирского города Янаул; аспирантура в Ленинградском университете, позволившая учиться у ведущих историков русского языка М. А. Соколовой, Б. А. Ларина и др., сформировали направления научно-исследовательской и преподавательской деятельности В. М. Маркова.

По возвращении после аспирантуры в Казанский университет он читает курс методики преподавания русского языка в школе так, что, по словам его ученика и коллеги профессора Г. А. Николаева, «те, кто слушал В. М. Маркова, до сих пор вспоминают этот курс и считают его одним из самых интересных. Из этих студентов получились хорошие учителя, которые очень нетрадиционно вели занятия по русскому языку, и их ученики считали русский язык самым интересным школьным предметом» [7, с. 3].

Защитив в 1955 году кандидатскую диссертацию «Формы имен в языке судебников XV–XVI вв.», он ведет по кафедре русского

языка основные историко-лингвистические курсы: старославянский язык, историческую грамматику русского языка, спецкурсы. В 1965 году блестяще защищает докторскую диссертацию «К истории редуцированных гласных в русском языке» и становится одним из самых молодых в стране докторов наук – филологов.

Безусловная талантливость и парадоксальность мышления ученого производили очень сильное впечатление в студенческой и аспирантской аудитории, на научных конференциях, при чтении его работ. Помню буквально потрясение, испытанное мной на конференции в Нижегородском (тогда еще Горьковском) университете, когда профессор В. М. Марков продемонстрировал слушателям умение произносить и слышать слабый редуцированный гласный.

Его монография «К истории редуцированных гласных в русском языке» (1964) – это не просто обращение к одной из сложнейших и неразработанных проблем поворотного в истории славянских языков процесса, но и абсолютно оригинальная **теория причин и предпосылок падения глухих** в русском языке.

В этом труде ярко проявились глубокое знание ученым всего круга исследований, в той или иной мере затрагивающих эти вопросы; безошибочность выбора и скрупулезность в изучении основного источника, одного из старейших и ценнейших по фактическому материалу, – Путятиной Минеи; привлечение большого числа различных по жанру памятников письменности XI–XIII веков, когда и осуществлялось падение редуцированных в различных древнерусских говорах; доказательность каждой позиции – полная исследовательская свобода, прозрачность изложения,

а подчас захватывающий, просто детективный характер интриги в интерпретации рассматриваемого фонетического явления. Вот лишь один пример того, как автор создает интеллектуальную интригу, предлагая читателю-собеседнику проследить вместе с ним за судьбой конкретного историко-лингвистического феномена: «Допустим, что вставочные гласные действительно были представлены в ряде сочетаний согласных. Допустим, что развитие вставочных гласных действительно могло приводить к их фонетическому отождествлению с исконными глухими, отражающемуся в целом ряде выразительных свидетельств. Однако имело ли это «наращение» гласности какое-то отношение к падению глухих, коль скоро в последнем мы видим нечто прямо противоположное по своим результатам? Полагаем, что известный нам материал древнерусских (и старославянских) документов дает нам возможность положительно ответить на этот важнейший вопрос...» [3, с. 154].

Теория В. М. Маркова получила широкий резонанс (укажем хотя бы на рецензию академика Ф. П. Филина в журнале «Вопросы языкознания») и была принята многими фонетистами за основу их исторических исследований. Как свидетельство ее завершенности и отточенности можно рассматривать тот редкий факт, что во второе издание монографии автор не внес никаких содержательных изменений.

В. М. Марковым была разработана собственная **концепция именного склонения**, которую он представил в учебном пособии «Историческая грамматика русского языка: именное склонение» [5]. О признании этой концепции свидетельствуют и рецензии отечественных и зарубежных ученых (профессор Московского университета М. В. Шульга, профессор Ягеллонского университета Витольд Витковский), и официальная рекомендация программой университетского курса «История русского языка» (1983) этого издания в качестве одного из основных учебных пособий для раздела «Историческая морфология», и постоянное обращение в последующих исследованиях по эволюции имени существительного к идеям и материалам В. М. Маркова. Ученый вновь, как и в своей первой монографии, выявляет «болевы́е точки» истории русского языка и предлагает собственное объяснение причин распространения окончания *-у* в формах родительного падежа единственного числа существительных мужского рода типа *изъ лѣсу* и последовательной унификации форм дательного, творительного и местного падежей множественного числа; системное доказательство роли собирательных существительных

в истории форм именительного падежа множественного числа мужского и среднего родов; «затухания» древнерусской категории лица и др. Показательно, что один из крупнейших специалистов в этой области, профессор Московского университета Г. А. Хабургаев при анализе этих проблем в своей обобщающей монографии «Очерки по исторической морфологии русского языка. Имена» регулярно обращается к этой работе; а выводы по истории двойственного числа, имеющей богатую исследовательскую судьбу, завершает цитатой именно из работы В. М. Маркова, характеризуя его определение причин утраты этой категории как наиболее удачное [8, с. 122].

Спецкурс по теории русского словообразования, который В. М. Марков начинает читать студентам в 1958 году, явился отправной точкой в становлении нового направления в казанской русистике. Два обязательных, по Маркову, методологических требования: системный подход к синхронному анализу языковой категории в ее разноуровневом взаимодействии и диахронный анализ выявления причин, приведших к ее современному состоянию, – будут реализованы в трудах **по историческому словообразованию** самого ученого и его учеников. В статье этого периода «К вопросу о происхождении суффикса *-тель* в славянских языках», которую с полным правом можно назвать основополагающей, В. М. Марков демонстрирует механизм такого рассмотрения и в формулировке проблемы: «образования с суффиксом *-тель* могут служить выразительным примером противоречия между литературным языком и живым диалектным просторечьем, между языками славянскими и другими языками индоевропейской семьи. В связи с этим возникает вопрос: не было ли в самих славянских языках каких-то предпосылок для формирования указанного суффикса и для исконного ограничения его стилистической сферы» [2, с. 92], – и в тонком словообразовательном и морфологическом ее анализе, и в четко формулируемых выводах и в обозначении перспектив: «Проясняется загадочная история образований типа «волостель», становятся понятными причины характерной омонимии, представленной в образованиях на *-тель*, разъясняется функция суффикса *-инь* в образованиях типа «жителинь» и мн. др. Однако потребуется еще немало усилий, чтобы признание достоверности сделанных выводов могло перейти в твердую уверенность, основанную на большом количестве фактов и на более углубленном изучении рассмотренных в работе категорий» [2, с. 102].

Ярким воплощением идей учителя стал сборник статей, подготовленный к его 70-летию

юбилею и объединивший работы 23 его учеников – докторов и кандидатов наук, в каждой из которых предлагается решение общей или частной, но всегда актуальной проблемы словообразования и формообразования [1].

В. М. Маркова с полным правом можно считать наследником и продолжателем идей И. А. Бодуэна де Куртенэ не только в области словообразования. Он творчески использует встречающийся в одной из работ Бодуэна термин и, разработав содержание и структуру понятия, обосновывает необходимость выделения **грамматической лексикологии** как нового раздела истории русского языка, который «рассматривает конкретные лексемы и группы лексем в отношении к грамматическим процессам, руководствуясь теми особенностями, которые обнаруживаются на фоне закономерностей более широкого порядка» [4, с. 156]. Коллективная монография казанских исследователей «Грамматическая лексикология русского языка» (1978) подтвердила дар научного предвидения ученого.

Итоговый труд – монография «Очерки по истории русского литературного языка первой четверти XIX века» [6] закономерно представляет собой **решение** тех **задач историко-лингвистической науки**, которые были довольно рано сформулированы самим автором: «переход от предварительного сбора и описания материала с отдельными попытками более широкого осмысления наблюдаемых фактов к углубленному изучению системных причинно-следственных связей» [4, с.156].

В октябре 2010 года Виталия Михайловича Маркова не стало... Но развивается его школа, успешно работают его ученики – доктора и кандидаты наук, школьные учителя, которых он вырастил за 57 лет преподавания в университетах Казани, Барнаула, Горького, Ижевска, Вроцлава (Польша); его работы изучают все, для кого значимы история русского языка и –

еще – живое биение острой научной мысли. А значит, он остается нашим СОБЕСЕДНИКОМ и УЧИТЕЛЕМ.

Список использованных источников

1. История русского языка. Словообразование и формообразование : сб. материалов / под общ. ред. проф. Г. А. Николаева. – Казань : УНИПРЕСС, 1997. – 203 с.
2. Марков, В. М. К вопросу о происхождении суффикса *-тель* в славянских языках / В. М. Марков // Труды зональной научно-методической конференции кафедр русского языка вузов Западной Сибири. – Новокузнецк, 1962. – С. 186–202; цит. по: Марков, В. М. Избранные работы по русскому языку / В. М. Марков. – Казань : ДАС, 2001. – С. 91–102.
3. Марков, В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке / В. М. Марков. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1964. – 279 с.; – 2-е изд. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2007. – 260 с.
4. Марков, В. М. Проблемы грамматической лексикологии и русский литературный язык XVIII века / В. М. Марков // Очерки грамматики и лексикологии русского языка. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1977. – С. 119–130; Цит. по: Марков, В. М. Избранные работы по русскому языку. – С. 156–163.
5. Марков, В. М. Историческая грамматика русского языка: именное склонение / В. М. Марков. – М. : Высш. шк., 1974; – 2-е изд. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. – 145 с.
6. Марков, В. М. Очерки по истории русского литературного языка первой четверти XIX века / В. М. Марков // Марков, В. М. Избранные работы по русскому языку. – С. 184–253.
7. Николаев, Г. А. Виталий Михайлович Марков (к 75-летию ученого) / Г. А. Николаев // Там же. – С. 3–6.
8. Хабургаев, Г. А. Очерки по исторической морфологии русского языка. Имена / Г. А. Хабургаев. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 296 с.

Поступила 09.09.2011 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Байкова Светлана Алексеевна
baikovich@bk.ru

соискатель кафедры русской и зарубежной литературы
Мордовского государственного университета
имени Н. П. Огарева, г. Саранск

Бирюкова Ольга Ивановна
OlgBirukova@rambler.ru

кандидат филологических наук, доцент кафедры
литературы и методики обучения литературе Мордовского
государственного педагогического института имени
М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Бурносова Ирина Владимировна
Burnosova_IV@mail.ru

аспирант кафедры литературы и методики обучения
литературе Мордовского государственного педагогического
института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Бурова Юлия Владимировна
lady-burova@mail.ru

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин Средне-Волжского
филиала Российской правовой академии Министерства
юстиции России, г. Саранск

Буяров Дмитрий Владимирович
buyarov_d@mail.ru

кандидат философских наук, доцент кафедры всемирной
истории Благовещенского государственного педагогического
университета, г. Благовещенск

Васильев Николай Леонидович
nikolai_vasiliev@mail.ru

доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка Мордовского государственного
университета имени Н. П. Огарева, профессор кафедры
литературы и методики обучения литературе Мордовского
государственного педагогического института
имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Водясова Любовь Петровна
LVodjasova@yandex.ru

доктор филологических наук, профессор, заведующая
кафедрой мордовских языков Мордовского государственного
педагогического института имени М. Е. Евсевьева,
г. Саранск

Вознесенская Наталья Владимировна
voznemenskaya.n@gmail.com

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
информатики и вычислительной техники Мордовского
государственного педагогического института
имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Гасиев Виталий Ирбекович
g-vitali@inbox.ru

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
и политологии Северо-Кавказского горно-металлургического
института (Государственный технологический университет),
г. Владикавказ

Гетманская Елена Валентиновна
Getmel@mail.ru

кандидат педагогических наук, доцент, докторант кафедры
методики преподавания русского языка и литературы
Московского государственного гуманитарного университета
имени М. А. Шолохова, г. Москва

Еремина Светлана Сергеевна
history@mordgpi.ru

кандидат исторических наук, доцент кафедры
правовых дисциплин, декан факультета истории и права
Мордовского государственного педагогического института
имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Ефремов Евгений Николаевич
efremoff.eugeny1985@yandex.ru

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Мордовского гуманитарного института, г. Саранск

Жукова Татьяна Анатольевна
tatianazhu@mail.ru

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
иностранных языков Поволжской государственной
социально-гуманитарной академии, г. Самара

Зубрилин Андрей Анатольевич
azubrilin@mail.ru

кандидат философских наук, доцент кафедры информатики
и вычислительной техники Мордовского государственного
педагогического института имени М. Е. Евсевьева,
г. Саранск

Иванов Сергей Моисеевич
auiivanovsm@mail.ru

аспирант кафедры государственного и административного права Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева, преподаватель кафедры истории и права Оренбургского государственного института менеджмента, г. Оренбург

Кирдяшова Ольга Сергеевна
Kirdyashovaolga@yandex.ru

аспирант кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Киржаева Вера Петровна
kirzhaeva_vera@mail.ru

доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева, г. Саранск

Кирсанова Ольга Викторовна
Okirsanova@e-mordovia.ru

аспирант кафедры философии для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева, г. Саранск

Князькин Юрий Петрович
low@mordgpi.ru

кандидат филологических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Корнишина Галина Альбертовна
Kornihina@rambler.ru

доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева, г. Саранск

Костина Регина Гусейновна
zggo@mail.ru

аспирант кафедры философии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Куликова Светлана Вячеславовна
svetlana_kulikova@rambler.ru

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, заведующая кафедрой по НИР Волгоградского государственного педагогического университета, г. Волгоград

Лельхова Федосья Макаровна
lelhovafm@yandex.ru

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

Миронова Марина Петровна
mironowa.mp@yandex.ru

кандидат педагогических наук, доцент кафедры музыкального образования Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Мирошкин Владимир Вячеславович
miroshkinv@yandex.ru

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Немыкина Ольга Ивановна
Nemykina_Olga@mail.ru

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры информационно-вычислительных систем Саранского кооперативного института (филиал) Российского университета кооперации, г. Саранск

Потапова Людмила Александровна
Lapotarova@mail.ru

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой правовых дисциплин Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Пустовойт Юлия Владимировна
pustovoit_yu@rambler.ru

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и религиоведения Шуйского государственного педагогического университета, г. Шуя

Родина Елена Николаевна
madam.rodina-rod@yandex.ru

старший преподаватель кафедры философии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Романовский Георгий Борисович
vlad93@sura.ru

доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права Пензенского государственного университета, г. Пенза

Русалеева Ольга Владимировна
volgarusaleeva@yandex.ru

аспирант кафедры педагогики Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, ассистент кафедры педагогики и психологии Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, г. Лесосибирск

Рябова Евгения Васильевна
riabova-e@rambler.ru

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Сафонов Владимир Иванович
wawans@yandex.ru

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информатики и вычислительной техники Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Табакowa Аксана Васильевна
aks.tab@mail.ru

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института (филиал) Российского университета кооперации, г. Саранск

Уткина Татьяна Викторовна
ytkinatv@mail.ru

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

Федин Сергей Альбертович
fedserg62@mail.ru

кандидат исторических наук, заместитель директора Астраханского филиала Международного юридического института, г. Астрахань

Чекушкина Елена Николаевна
elenachekushkina@yandex.ru

доцент кафедры философии для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, г. Саранск

Шкердина Надежда Олеговна
shnadejda@bk.ru, guniign@list.ru

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск

Шмелева Елена Александровна
ukrir_sgpu@front.ru

кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной работе Шуйского государственного педагогического университета, г. Шуя

Шукшина Жанна Александровна
shukshina10@qip.ru

аспирант кафедры частного и публичного права Пензенского государственного университета, г. Пенза

Щанкина Юлия Ивановна
julija1704@mail.ru

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарного образования Мордовского республиканского института образования, г. Саранск

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Журнал выпускается не менее 4 раз в год. Его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания, тематики поступившего материала, задач и инновационных направлений гуманитарных наук и образования.

1. Для ускорения работы с присылаемыми материалами редакция журнала «Гуманитарные науки и образование» убедительно просит предоставлять ей:

1 экз. статьи в печатном виде на листах формата А4, шрифт Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1.5, поля страниц по 25 мм и 1 экз. в электронном виде в редакторе Microsoft Word 97–2003 и выше и с краткими сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), научная степень и должность, место работы / учебы (соискательство), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый индекс и адрес. В названии файлов указывается фамилия автора. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Текст статьи должны предварять следующие сведения:

- индексы УДК и ББК;
- название (полностью прописными буквами);
- имя, отчество, фамилия автора;
- аннотация (не более 0,3 стр.) и ключевые слова на русском и английском языках;
- сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация, e-mail, город.

Название, инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация и ключевые слова – обязательно с переводом на английский язык.

3. Библиографический список размещается в конце статьи, источники располагаются в алфавитном порядке. Ссылки на источник в тексте заключаются в квадратные скобки, помещаются после упоминания в тексте соответствующего произведения и содержат номер указанного произведения в списке, при цитировании – номер страницы. Список литературы оформляется согласно требованиям ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

4. Объем рукописи докторов наук, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук – 6–8 стр., кандидата наук, соискателей ученой степени кандидата наук – 4–6 стр.

5. С аспирантов плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Редакционная коллегия предоставляет автору бесплатный экземпляр журнала, содержащий опубликованную статью.

7. Материалы уже публиковавшихся работ к рассмотрению не принимаются.

8. Ходатайство на имя зам. главного редактора журнала, подписанное руководителем организации и заверенное печатью, необходимо для иногородних авторов и авторов из других мордовских вузов: подписанное зав. кафедрой – для авторов из МордГПИ.

9. От соискателей ученой степени кандидата наук требуются 2 экз. рецензии, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения.

10. Адрес редакции: 430007, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а, каб. 310, МордГПИ им. М. Е. Евсевьева. Редакция журнала «Гуманитарные науки и образование».

Телефоны: (834-2) 33-92-50 (главный редактор), (834-2) 33-92-54 (зам. главного редактора), (834-2) 33-92-66 (ответственный секретарь).

Факс: (834-2) 33-92-67.

E-mail: humanities@mordgpi.ru

Уважаемые авторы!

Осуществляется подписка на научно-методический журнал «Гуманитарные науки и образование». В журнале освещаются оригинальные статьи, содержащие результаты научной и прикладной деятельности в области гуманитарных и общественных наук, а также обзорные статьи по тематике журнала. В нем также отражаются результаты новейших научных исследований, анализ передовых гуманитарных технологий и достижений науки и образовательной практики.

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется только по подписке. Подписчики имеют преимущество в публикации научных работ. На журнал можно подписаться в почтовых отделениях: индекс в Объединенном каталоге «Роспечати» 78583. Подписная цена на полугодие – 222 руб. 42 коп.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, ПИ № ФС77-39855 от 14 мая 2010 г.

Приглашаем ученых и специалистов Вашей организации к публикации статей на страницах нашего журнала. С правилами оформления и представления статей для опубликования можно ознакомиться на сайте института в сети Интернет www.mordgpi.ru, либо в редакции журнала.

По всем вопросам подписки и распространения журнала, а также оформления и представления статей для опубликования обращаться по адресу: 430007, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11а, каб. 310. Тел.: (8342) 33-92-66; тел./факс: (8342) 33-92-67; эл. почта: humanities@mordgpi.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-методический журнал
№ 3 (7)

Ответственный за выпуск *Н. А. Смертина*
Редактор *Н. Ф. Голованова*
Дизайн и верстка *Н. В. Макеевой*
Дизайн обложки *А. Г. Чиняевой*
Перевод аннотаций *А. А. Ветошкина, В. М. Пронькиной*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-39855 от 14.05.2010 г.

Территория распространения – Российская Федерация.
Подписано в печать 30.09.2011 г. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 17,2. Тираж 1000 экз. Заказ № 171.

Редакция журнала «Гуманитарные науки и образование»
430007, Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Студенческая, 11а, каб. 310
Отпечатано в редакционно-издательском центре
ГОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»